

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНΙΑ
ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1 (740)
2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

www.linguanet.ru

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 1 (740)
LINGUISTICS

PHONETIC POLYPHONY OF SPOKEN LANGUAGE

Moscow
FSFEI HE MSLU
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 1 (740)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНΙΑ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор серии «Языкознание»
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	Т. И. Семенова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ ЕАЛИ)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)
Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

канд. филол. наук, проф. Т. В. Медведева (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. Т. И. Шевченко (*зам. ответственного редактора*);
канд. филол. наук, проф. Ж. Б. Веренинова;
канд. филол. наук, доц. Е. А. Бурая (*ответственный секретарь*);
канд. филол. наук, проф. Е. Б. Карневская (*Беларусь*);
канд. филол. наук, проф. Н. Б. Цибуля;
канд. филол. наук, доц. И. Е. Галочкина;
канд. филол. наук, доц. Е. Ю. Романова

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

Безбородова М. В.

Количественные изменения гласных в современном английском языке (на материале речи молодых носителей британского произносительного стандарта) 9

Буряя Е. А.

Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире 19

Герасимова Ю. Л., Медведева Т. В.

Позиционная реализация признака звонкости фрикативных согласных в британском произносительном стандарте 35

Демина М. А.

Лингвокультурный потенциал супraseгментных средств речи 52

Зеленкова Е. А.

Фонетические особенности речи взрослого в разговоре с ребенком (на материале британского варианта английского языка) 66

Зонтова И. Л.

Функциональный аспект пауз в спонтанном дискурсе (на материале английского диалогического дискурса) 78

Казакова О. В.

Ритмические особенности вариантов английского языка в Индии и Гонконге 90

Карташевская Ю. В.

Гендерная вариативность гласных в американском варианте английского языка 102

Поздеева Д. Т.

Ритмическая тенденция словесного ударения в канадском варианте английского языка 125

Потапова Р. К.

Вариативность акустических параметров звучащей речи 137

Потапов В. В.

Концепт «артикуляционная база» как ключ к пониманию специфики звучащей речи 148

<i>Сокорева Т. В., Шевченко Т. И.</i>	
Взаимодействие факторов региональной принадлежности и возраста в ритмотемпоральных характеристиках речи жителей США.....	155
<i>Хитина М. В.</i>	
Критерии оценки качества восприятия звучащего материала	165
<i>Цибуля Н. Б.</i>	
Фоностилистические особенности невербальных средств общения	173
<i>Шевченко Т. И., Галочкина И. Е.</i>	
Навстречу согласию: фонетическая адаптация собеседников в диалоге	185
<i>Явиц И. И.</i>	
Над чем смеются британцы	204

CONTENTS

<i>Bezborodova M. V.</i> Qualitative Changes of the Modern RP Vowel System.....	9
<i>Buraya E. A.</i> Australian English Words-Stress in a Multicultural Society	19
<i>Guerrassimova J. L., Medvedeva T. V.</i> Voicing Positional Variability of British English Fricatives	35
<i>Demina M. A.</i> Linguocultural Potential of Suprasegmental Means of Speech	52
<i>Zelenkova E. A.</i> Phonetic Peculiarities of Adults' Speech Addressed to Children (based on the British variant of the English language)	66
<i>Zontova I. L.</i> Functional Aspect of Pauses in Spontaneous Discourse (based on English dialogue)	78
<i>Kazakova O. V.</i> Rhythmic Properties of English in India and in Hong Kong	90
<i>Kartashevskaya Y. V.</i> Gender Variation of Vowels in American English.....	102
<i>Pozdeeva D. T.</i> Rhythmic Tendency of Word Stress in Canadian English.....	125
<i>Potapova R. K.</i> Variability of Acoustic Parameters of Spoken Language	137
<i>Potapov V. V.</i> The Concept 'Basis of Articulation' as the Key to Understanding Spoken Language Specificity	148
<i>Sokoreva T. V. , Shevchenko T. I.</i> Region and Age Factors Affecting Rhythm and Tempo of American Speech.....	155
<i>Khitina M. V.</i> Assessment Criteria for Perception of Voiced Material.....	165

Tsibulya N. B.
Phonostylistic Characteristics of Nonverbal Means
of Communication..... 173

Shevchenko T. I., Galochkina I. E.
Ensuring Convergence: Phonetic Adaptation of Partners in Dialogue 185

Yavits I. I.
What Do the British People Laugh at?.....204

УДК 81'34

М. В. Безбородова

кандидат филологических наук;

доцент кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ

e-mail: mvb87@rambler.ru

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале речи молодых носителей
британского произносительного стандарта)**

Количественная характеристика гласных является одним из наиболее варьирующих и проблемных факторов в изучении английской вокалической системы. Статья посвящена исследованию количественных характеристик монофтонгов в односложных словах (в ударной позиции) в речи современной английской молодежи. Полученные результаты подтверждают, что в настоящее время происходит дальнейшее упрощение английской вокалической системы, а именно, отмечается еще более существенное укорачивание долгих монофтонгов и большая степень усеченности кратких английских гласных в молодежной речи по сравнению с результатами последних исследований длительности гласных RP, опубликованными А. Краттенденом в книге «Gimson's Pronunciation of English» в 2008 г. Проведенный эксперимент позволил подтвердить состоятельность гипотезы относительно того, что акцент RP претерпевает изменения под влиянием особенностей молодежной речи не только по качественным, но и по количественным показателям.

Ключевые слова: британский произносительный стандарт (RP); молодежная речь; английская вокалическая система; длительность; краткие монофтонги; долгие монофтонги; фонетическая вариативность.

M. V. Bezborodova

Ph.D., Ass. Prof., Department of Phonetics,

Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU

e-mail: mvb87@rambler.ru

**QUALITATIVE CHANGES
OF THE MODERN RP VOWEL SYSTEM**

Duration is one of the most varying and disputable characteristics of the English vowel system. The present article explores qualitative changes of monophthongs in monosyllabic words in the speech of young educated Britons. The obtained results prove that modern English vowel system is prone to further 'simplification': the study illustrates a greater degree of long monophthongs shortening and short vowels clipping in comparison with the results of previously carried studies of the RP vowel system (published in A. Cruttenden's book "Gimson's Pronunciation of English").

The present study verifies the hypothesis about the changing character of both quality and quantity of the RP vowel system under the influence of youth speech.

Key words: British pronunciation standard (RP); youth speech; English vowel system; duration; short monophthongs; long monophthongs; phonological variation.

Вопрос о количественных изменениях английских гласных неоднократно находился в центре внимания зарубежных и отечественных фонетистов. С точки зрения восприятия длительность гласных является одним из наиболее заметных варьирующих факторов при изучении английской вокалической системы. По мнению современных исследователей, для британского вокализма характерно комплексное противопоставление гласных по качественно-количественным признакам: «долгий» / «краткий», «напряженный» / «ненапряженный», «усеченный» / «неусеченный», «открытый» / «закрытый» [10; 12; 16].

В настоящее время среди лингвистов отсутствует единое мнение относительно долготы гласных британского варианта английского языка. Спорными, например, являются вопросы о том, считается ли она в английском языке релевантным признаком или нет; всегда ли системно долгий гласный превосходит по длительности системно краткий; существует ли прямая зависимость долготы гласного от степени его открытости; влияет ли речевой ритм и тип ударения, под которым находится гласный, на его долготу; обосновано ли в настоящее время разделение гласных на системно долгие и системно краткие [3; 4; 8; 9; 10; 11; 13; 14].

В фонетике английского языка и само понятие длительности гласного является неоднозначным. Лингвисты различают абсолютную – «внутреннюю», или «собственную (ингерентную)» – долготу звука и относительную – «позиционную», или «контекстную».

Под абсолютной «внутренней» длительностью понимается длительность гласного сегмента в зависимости от места образования и способа его артикуляции, т. е. изолированно, вне всякого контекста. Доказано, что в аналогичном окружении английские долгие гласные в полтора-два раза превышают по длительности соответствующие краткие. В среднем, долгие гласные на 77% превосходят краткие по длительности (сравнивалась средняя длительность гласных во всех окружениях) [5; 6; 13; 17].

Замечено, что гласные высокого подъема имеют меньшую длительность, чем гласные низкого подъема в идентичном окружении;

лабиализованные по долготе превышают нелабиализованные; краткие артикулируются с меньшей силой мышечного напряжения, то есть считаются ненапряженными, а долгие, напротив, – напряженными [10; 13; 16; 17]. Так, в подсистемах долгих и кратких гласных длительность закрытых гласных меньше длительности открытых. Например, в подсистеме кратких гласных открытые /ʌ/ и /ʊ/ превышают по длительности закрытые /ɪ/ и /ʊ/. В подсистеме долгих гласных открытый монофтонг /ɑ:/ на 27% превышает по длительности закрытые гласные /i:/ и /u:/ [8; 10; 17].

Относительная «позиционная», или «контекстная» длительность обусловлена качеством непосредственного фонетического окружения звука и означает изменение долготы гласного в зависимости от ряда факторов. К числу наиболее значимых из них относятся следующие.

1. Позиция гласного

(абсолютный исход / предконсонантная позиция)

Английские гласные укорачиваются перед глухими согласными, особенно взрывными (*hit, hat, heat*), произносятся протяжнее перед сонантами (*him, hall, heal*), а наибольшей длительности достигают перед звонкими согласными (как взрывными, так и фрикативными) и в конечном положении (*hid, had, heed, he*). Если взять за эталонный (исходный) показатель длительность гласного перед глухим согласным, то можно утверждать, что звонкий согласный удлинит краткий гласный на 64–72%, а долгий гласный – на 92–100%. Сонанты удлинит предшествующий им гласный на 35%. Исследователи-фонетисты отмечают, что длительность гласных перед носовыми сонантами /m, n, ŋ/ и аппроксимантами /r, l/ (звуками, которые не имеют глухих эквивалентов) – примерно в два раза короче, чем тех, за которыми следуют другие звонкие согласные [5; 10; 11; 12; 17].

Длительность долгих гласных в конечном положении примерно сопоставима с их длительностью в позиции перед звонкими согласными. Так, монофтонг /i:/ в слове *beat* – в два раза короче, чем в словах *bee* и *bead*, и будет едва ли не сопоставим по длительности с /ɪ/ в слове *bid*; гласный /u:/ в *boot* в два раза короче, чем в словах *do* или *food*, и такой же по длительности, как и /ʊ/ в слове *good*; монофтонг /ɔ:/ в слове *caught* в два раза короче, чем в *cord* и *saw*, и сопоставим по длительности с кратким гласным /ʊ/ в слове *cod* [10]. В позиции перед звонким согласным долгие гласные удлинятся больше, чем краткие

в аналогичном окружении (*hid–heed*), что составляет 84%, а в позиции перед глухим согласным краткие гласные укорачиваются больше, чем долгие (*hit – heat*), что составляет 52–64% [17].

Приведем пример соотношения длительности двух гласных, /i:/ и /ɪ/, находящихся в фонологической оппозиции, в цифровом измерении (в мс).

Длительность гласного /i:/ в сочетании со звонким фрикативным составляет 360 мс, с глухим фрикативным – 130 мс, со звонким взрывным – 285 мс, с глухим взрывным – 123 мс, в позиции перед сонантом – 195 мс, а в конечном положении его длительность составляет 280 мс. Длительность монофтонга /ɪ/ в позиции перед звонким взрывным составляет 147 мс, перед сонантом – 110 мс, перед глухим фрикативным – 83 мс, а в сочетании с глухим взрывным – 73 мс. Таким образом, можно сделать вывод, что долгий гласный /i:/ в таких словах, как *seat* (123 мс), короче, чем краткий гласный /ɪ/ в таких словах как *hid* (147 мс) [10].

Необходимо отметить, что на данный момент спорным является вопрос принадлежности монофтонга /æ/ к подсистеме кратких гласных. Гласный /æ/, который исторически считается кратким, в современном английском языке имеет тенденцию к удлинению, особенно перед звонкими (ленисными) согласными. А. Гимсон отмечает, что этот факт служит дополнительным дистинктивным признаком, таким образом, качественное соотношение гласных /æ/–/e/ стремится к тому же уровню, что и /i:/–/ɪ/. С этой точки зрения монофтонг /æ/, возможно, и принадлежит к системе долгих гласных. Зафиксировано, что длительность гласного /æ/ в полтора раза больше среднего показателя других кратких гласных, а его длительность перед глухими согласными сравнима со средним показателем долгих гласных, которая составляет 165 мс. Таким образом, длительность гласного /æ/ на 45% превышает другие краткие гласные, поэтому вопрос о том, к какой подсистеме он относится, и является спорным [10].

2. Количество слогов в слове

В английском языке длительность гласного в односложных словах на 65% больше, чем под ударением в многосложных словах (*reader – read, bitter – bit*). По сравнению с ударным гласным в двусложном слове в односложном он удлиняется больше перед звонким согласным (на 91% *madder – mad*), чем перед сонантом (на 59% *manner – man*)

и глухим согласным (на 30% – *matter* – *mat*). Таким образом, в двусложных словах согласный не оказывает большого влияния на длительность предшествующего гласного [17].

Изучение специальной лингвистической литературы показало наличие небольшого количества надежных экспериментально-фонетических исследований, касающихся количественных характеристик гласных британского варианта английского языка. Многие фонетические показатели длительности английских гласных базируются только на результатах перцептивного анализа, без учета данных объективного инструментального контроля. Следует также отметить, что большинство из рассмотренных работ носит разрозненный характер, проводится в различных условиях на неоднородном речевом материале (слоги, отдельные слова, фразы, спонтанные высказывания) [10; 11; 12; 13; 17].

Доказано, что разные звуки требуют для воспроизведения и восприятия различного времени, иногда различия между гласными находятся выше слухового порога. Например, представляется трудным различить перцептивно, что гласные высокого подъема при прочих равных условиях имеют меньшую длительность, чем гласные низкого подъема.

На основании вышеизложенного, при исследовании количественных характеристик гласных предлагается ограничиться проведением только акустического анализа. Аудиторский анализ представляется интересным в качестве дополнительного способа при исследовании слитной (спонтанной) речи и часто подразумевает определенную степень субъективности, тогда как инструментальный метод исследования предлагает более детальную информацию об анализируемых единицах и позволяет определить черты, неразличимые на слух [2; 4; 7].

Существует мнение, что современный акцент RP претерпевает изменения под влиянием особенностей молодежной речи, что выражается в качественно-количественной модификации гласных [1; 2; 7].

Настоящее исследование посвящено выявлению изменений количественных характеристик английских вокалей (монофтонгов) в речи современной образованной английской молодежи в сравнении с уже зафиксированными изменениями в рамках британского произносительного стандарта. В качестве эталонного показателя использовались данные, опубликованные А. Краттенденом в книге «*Gimson's Pronunciation of English*», в которой автор попытался

систематизировать данные, касающиеся изучения количественных характеристик гласных RP в различном фонетическом окружении на материале изолированно произнесенных односложных слов. Исследования базировались на данных двух экспериментов, проведенных в 1965 и 2006 гг. [10].

Как известно, длительность гласного складывается из протяженности квазистационарного участка гласного и участков перехода между ним и окружающими его согласными. Проблема, возникающая на этапе измерения длительности гласных фонем, связана с вероятностью неточного определения границ между звуковыми сегментами вследствие их наложения в пограничных областях. В настоящей работе при проведении акустического анализа отдано предпочтение теории Питерсона и Лехисте [15]. Суть метода рассмотрим на примере слова *cow*. Граница между звуками /k/ и /aʊ/ находится в нем в середине третьей фазы произнесения (рекурсии) взрывного согласного /k/. Это означает, что при определении границ между звуками беззвучная часть, следующая за рекурсией взрывного согласного, полностью относится к последующему гласному звуку. Недостатком данного подхода является то, что часть перехода от согласного к гласному фактически относится к гласному, однако, это оказывает незначительное влияние на конечный результат [15].

Представленное экспериментально-акустическое исследование направлено на измерение длительности английских вокалей, находящихся в различном фонетическом окружении, на материале изолированно произнесенных слов. Изучалась речь 12 информантов-англичан (8 мужчин и 4 женщины) в возрасте от 18 до 39 лет – студентов высших учебных учреждений и преподавателей английского языка. Произношение всех информантов соответствует британскому произносительному стандарту.

Корпус для акустического исследования составили 175 изолированно произнесенных односложных слов с исследуемыми 11 монофтонгами (шесть кратких: /ɪ/, /e/, /æ/, /ʌ/, /ɒ/, /ʊ/ и пять долгих: /i:/, /ɜ:/, /ɑ:/, /ɔ:/, /u:/) в ударной позиции. *Краткие монофтонги* исследовались только в трех контекстах, так как ударные краткие монофтонги в исходе слова не встречаются: (1) гласный + звонкий согласный; (2) гласный + сонант; (3) гласный + глухой согласный. *Долгие монофтонги* были рассмотрены в четырех контекстах: (1) конечное положение

гласного; (2) гласный + звонкий согласный; (3) гласный + сонант; (4) гласный + глухой согласный. Итак, получилось семь позиций.

В результате проведения акустического анализа с использованием программы «Audacity Sound Editor» были получены значения длительностей шести кратких монофтонгов в трех контекстах и пяти долгих монофтонгов в четырех контекстах в речи 12 информантов-англичан.

Далее проводилась статистическая обработка данных на стандартном компьютере, с использованием программы «Microsoft Office Excel 2007». Полученные результаты представлены в двух таблицах (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Усредненные показатели длительности кратких монофтонгов (мс)

Фонетический контекст	Эталонный показатель длительности	Средний показатель длительности (молодежь)	Отклонение от эталонного показателя длительности
Гласный + звонкий согласный	172	163	9
Гласный + сонант	133	125	8
Гласный + глухой согласный	103	88	15

Таблица 2

Усредненные показатели длительности долгих монофтонгов (мс)

Фонетический контекст	Эталонный показатель длительности	Средний показатель длительности (молодежь)	Отклонение от эталонного показателя длительности
Конечное положение гласного	306	293	13
Гласный + звонкий согласный	319	272	47
Гласный + сонант	233	199	34
Гласный + глухой согласный	165	145	20

Поясним формирование данных таблиц. Для каждого из семи фонетических контекстов вычислялись среднеарифметические величины длительностей кратких и долгих гласных по отдельности для каждого из 12 информантов по формуле:

$$\bar{T} = \frac{1}{n} \times \sum_{i=1}^n T_i \text{ (мс)},$$

где $n = 6$ для кратких гласных или $n = 5$ для долгих; T_i – значение длительности гласного в рассматриваемом фонетическом контексте;

\bar{T} – средний показатель длительности гласных.

В результате для каждого информанта были получены три среднеарифметических значения длительности кратких гласных и четыре среднеарифметических значения длительности долгих гласных в зависимости от рассматриваемого фонетического контекста.

Затем для каждого фонетического контекста вычислялись среднеарифметические величины длительностей кратких и долгих гласных по отдельности по данной формуле, где $n = 12$, а T_i – это среднеарифметическое значение длительности гласного (краткого или долгого) по каждому информанту в рассматриваемом контексте.

В результате расчетов было получено три средних значения длительности для кратких гласных и четыре для долгих, которые приведены в таблицах в столбце «Средний показатель длительности (молодежь)» в соответствии с фонетическим контекстом гласного.

Полученные данные сравнивались с показателями длительности гласных RP, опубликованными А. Краттенденом в 2008 г. [10]. В таблицах этот показатель обозначен как «Эталонный показатель длительности». В столбец «Отклонение от эталонного показателя длительности» занесены значения разницы показателей данных из столбца «Эталонный показатель длительности» и столбца «Средний показатель длительности (молодежь)».

В результате проведенного акустического исследования было выявлено, что и краткие, и долгие монофтонги в односложных словах приобретают в разной степени более усеченный характер по сравнению с показателями среднестатистических значений длительности гласных RP. Краткие монофтонги в меньшей степени сокращают длительность своего звучания по сравнению с долгими. Наибольшая степень их усеченности отмечается перед глухими согласными (гласный укорачивается на 15 мс).

В значительной степени изменилась длительность долгих гласных: перед звонким согласным (гласный укорачивается на 47 мс) и перед сонантом (на 34 мс). В наименьшей степени (на 13 мс) сокращается длительность долгих монофтонгов в конечном положении.

Можно отметить практически одинаковую степень укорачивания долгих и кратких гласных перед глухими согласными. Процент сокращения длительности кратких гласных составил 14,6%, долгих монофтонгов – 12,1%. В данном случае причина уменьшения длительности, скорее всего, кроется в произнесении глоттальной (гортанной) смычки вместо следующего за кратким гласным глухого взрывного согласного.

Можно констатировать, что долгие гласные в позиции перед звонкими согласными и сонантами сократили свою длительность по сравнению с краткими гласными в аналогичном контексте – в 2,8 раза и 2,4 раза соответственно.

Итак, все гласные, особенно долгие, отличаются вялой, «ленивой» артикуляцией, что свидетельствует о тенденции молодежи к экономии речевых усилий.

Таким образом, проведенное исследование количественных характеристик английских гласных подтверждает, что в настоящее время происходит дальнейшее упрощение английской вокалической системы под влиянием особенностей молодежной речи, что выражается в укорачивании долгих монофтонгов на 11,4% и кратких гласных на 8,6% по сравнению с результатами последних исследований зарубежных и отечественных фонетистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безбородова М. В.* Особенности вокалической составляющей речи молодых британцев // Социофонетика звучащей речи. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 37–54. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 1 (607). Сер. Языкознание).
2. *Безбородова М. В.* Перцептивный анализ вокалической составляющей речи молодежи Великобритании // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 21–30. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 1 (634). Сер. Языкознание).
3. *Васильев В. В.* Фонетика английского языка. Теоретический курс. – М. : Высшая школа, 2009. – 376 с.
4. *Деркач С. В.* Фонетические свойства гласных в спонтанной речи : монография. – Благовещенск АмГУ, 2014. – 184 с.

5. *Комиссарова О. И.* К вопросу о качественно-количественных модификациях гласных звуков // *Функционально-стилистическая дифференциация английского произношения.* – М., 1983. – С. 131–153.
6. *Кукольщикова Л. Е.* Еще раз о долготе английских гласных // *Фонетика и психология речи.* – Вып. 3. – Иваново, 1981. – С. 92–101.
7. *Медведева Т. В.* Речь британской молодежи: гендерно-фонетическая составляющая // *Лингвистическая полифония : сборник научных трудов в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой.* – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 462–473.
8. *Шахбагова Д. А.* О статусе долготы в вокалической системе американского варианта английского языка // *Проблемы звучащего текста : сб. науч. тр.* – Вып. 259. – М., 1985. – С. 30–41.
9. *Buld W.-D.* An example of phonological reduction in English // *Studies in the Pronunciation of English : A commemorative volume in honor of A. C. Gimson / ed. by S. Ramsaran.* – Cornwall, Gr. Br. Padstow, 1990. – P. 317–322.
10. *Cruttenden A.* Gimson's Pronunciation of English. – 7th ed. – London : Hodder Education, 2008. – 362 p.
11. *Gonet W.* Duration of R.P. Monophthongs in Monosyllabic Words // *Speech and Language Technology / ed. by W. Jassem and Cz. Basztura.* – Vol. 1. – Poznań : Polish Phonetic Association / Wrocław: Wydawnictwo Prac Naukowych FORMAT, 1997. – P. 195–228.
12. *Gonet W.* Factorial Analysis of the Duration of R.P. Monophthongs in Monosyllabic Words : Unpublished Ph. D. diss. – Lublin : UMCS, 1989. – URL : www.geocities.com/CapeCanaveral/Lab/2751
13. *Gonet W., Stadnicka L.* Vowel Clipping in English // *Speech and Language Technology.* – Vol. 8. – Poznań : Polish Phonetic Association, 2006. – P. 77–86.
14. *Jones D.* An Outline of English Phonetics. – 9th ed. – Cambridge University Press, 1997. – 378 p.
15. *Peterson G., Lehiste I.* Duration of Syllable Nuclei in English // *The Journal of the Acoustical Society of America.* – Vol. 32, № 6. – 1960. – С. 693–703.
16. *Wiik K.* Finnish and English Vowels. A Comparison with special reference to the learning problems met by native speakers of Finnish learning English. – *Väitöskirja : Turun yliopiston julkaisuja, Sarja B, Osa 94,* 1965. – 191 p.

УДК 81'34

Е. А. Буряя

кандидат филологических наук, доцент,
профессор каф. фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: helen812@list.ru

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Предметом исследования являются межвариантные различия в области словесного ударения. Рассматривается вопрос о степени влияния британской и американской произносительных норм на акцентную структуру слов в австралийском английском. Данные, полученные в результате анализа словарных статей 18-го издания словаря Д. Джоунза *English Pronouncing Dictionary* и электронной версии 6-го издания *Macquarie Concise Dictionary*, позволяют сделать вывод о том, что в австралийском варианте около половины слов из списка с несовпадающей британо-американской акцентуацией (47%) следуют британским вариантам, а акцентная структура 24% слов не совпадает ни с британской, ни с американской. В них используются типично австралийские акцентные модели. К таковым можно отнести одноударные модели в многосложных словах, с ударением на третьем, четвертом или пятом слоге.

Ключевые слова: британский / американский / австралийский вариант английского языка; словесное ударение; акцентная модель; акцентуация; главное/второстепенное ударение; заимствования.

Е. А. Buraya

Ph.D., Prof., Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: helen812@list.ru

AUSTRALIAN ENGLISH WORDS-STRESS IN A MULTICULTURAL SOCIETY

The article addresses the issue of word accent (stress). The work is designed to outline the basic present-day tendencies in Australian English (AusE) accentuation and to determine the extent of British and American English impact on Australian word-stress peculiarities. The comparative analysis of word entries of English Pronouncing Dictionary by D. Jones (18th ed.) and the online version of Macquarie Concise Dictionary (6th ed.) made it possible to conclude that 47% of words that are British-American stress-divergent follow the British patterns in AusE, and the accentuation of 24% of such words differ from both British and American patterns. Stress patterns that are characteristic exclusively of AusE include those with only a primary stress falling on the third, fourth or even fifth syllable in multisyllable words.

Key words: British / American / Australian English; word stress; a stress pattern; accentuation; primary / secondary stress, borrowings.

Использование термина ‘Standard Australian English’ может удивить большинство австралийцев даже сейчас, спустя почти два с половиной столетия после того, как английский язык был впервые занесен первыми поселенцами из Англии на берега Австралии. Еще в середине XX столетия, по общему мнению австралийцев, английский язык, используемый в этой стране, считался искаженным вариантом британского английского, который развивался в изолированном сообществе на другом конце света, имел странный словарь, а его произношение было достойно сожаления. Школьным учителям в то время предписывалось сделать все возможное, чтобы остановить процесс отклонения речи учащихся от стандартного английского варианта.

В докладе на открытии учительского съезда в 1926 г. с горечью отмечалось, что у миллионов носителей английского языка сложилось предвзятое отношение к речи австралийцев: они считают, что австралийцы говорят на грубом, уродливом, небрежном английском. Газеты призывали учить английской фонетике в школе, чтобы избавиться от многих произносительных черт, оскорбляющих слух образованных людей. К таковым относили чрезмерную назализацию, чудовищную дифтонгизацию гласных и небрежную артикуляцию, приводящую к элизии половины согласных в речи [5].

Отрицательное отношение австралийцев к своему языку стало постепенно меняться в середине XX столетия. Переломной датой можно считать 1940 г., когда преподаватель сиднейского университета Александр Митчел вернулся из Англии, где писал диссертацию у Дэниэла Джоунза. Там на занятиях он стал свидетелем разговора американской студентки с великим фонетистом. Она призналась, что давно мечтала заменить свой американский акцент британским стандартом. Мэтр фонетики строго спросил, чем же плох ее вариант и с какой стати она хочет его изменить. Этот эпизод помог А. Митчелу понять, что австралийский акцент не хуже британского, он просто *другой*. Вернувшись на родину, он приложил немало усилий для того, чтобы повлиять на сложившееся общественное мнение и убедить соотечественников, что существует несколько разновидностей английского языка, что австралийский вариант имеет право на существование, на уважительное к нему отношение, так как у него есть своя история и свои особенности. Он не является испорченной разновидностью британской литературной нормы, а существует как один из нескольких равноправных национальных вариантов английского языка.

Сформировавшееся в умах австралийцев предубеждение против своего акцента, однако, было велико, и все попытки А. Митчела изменить отношение людей к своей речи были встречены враждебно. Неожиданно помощь пришла от журналистов, которые обратили внимание читателей на оригинальный словарный запас простых австралийцев, на то, что он тесно связан с историей Австралии, с ее культурой, уникальными флорой и фауной. И хотя многие читатели сочли такой взгляд на своеобразии австралийского вокабуляра преувеличением, подобные публикации, тем не менее, помогли постепенно переломить ситуацию и способствовали появлению в общественном сознании представления об австралийской речи как о самостоятельной разновидности английского языка.

В начале 30-х гг. XX в. была образована австралийская радиовещательная компания Australian Broadcasting Commission (ABC), и вплоть до 80-х гг. прошлого столетия австралийскими дикторами Эй-би-си являлись носители культивированного варианта австралийского английского (Cultivated Australian)¹. Однако в 90-х гг. с приходом нового исполнительного директора политика компании резко изменилась. Директор объявил о смене приоритетов: «We do not want an outdated accent» – заявил он, имея в виду рафинированный Cultivated English, так сильно напоминающий британский RP [3].

Последующие два десятилетия показали, как сильно возрос интерес австралийцев к своему языку: все радиостанции страны стали приглашать лингвистов в специальные программы, посвященные особенностям английского языка в Австралии. При университетах стали создаваться научные центры по его изучению. В 1981 г. вышло в свет первое издание словаря *Macquarie Dictionary*, который

¹ Австралийский национальный вариант английского языка обычно описывают как континуум, представленный тремя социолектами: австралийское просторечье (Broad Australian), общеавстралийский вариант (General Australian) и культивированный австралийский вариант (Cultivated Australian). На самом престижном, Cultivated Australian, говорит около 11 % населения, наименее престижным является Broad Australian, на нем говорит около 34 % населения. General Australian занимает промежуточное положение, на нем говорит около 55 % населения. Указанные пропорции постепенно изменяются в пользу General Australian. Эти три варианта различаются, главным образом, фонетически на основе реализации шести гласных звуков, представленных в словах *fleece, goose, face, goat, price* и *mouth* [4].

был ориентирован исключительно на австралийского пользователя. Первый тираж в 50 тыс. экземпляров разошелся всего за три месяца [6]. Этот словарь сразу был признан бесспорным авторитетом по употреблению английского языка в Австралии в целом и по вопросам произношения в частности. Стремление многих австралийских политических деятелей того времени изменить свой акцент с культивированного австралийского на общеавстралийский и даже на просторечье можно объяснить ростом национального самосознания, проявившемся в интересе к своему языку.

Географическое положение Австралии – ее удаленность и отсутствие пограничных областей с соседними государствами – привело к тому, что английский язык за время его исторического развития на этой территории практически не испытал влияния извне. Внешнее воздействие на него оказали, главным образом, британский и американский варианты. Влияние британской нормы было обусловлено исторически: Австралия унаследовала систему образования Великобритании, через которую в стране долгое время культивировался британский стандарт. Влияние американского варианта стало особенно заметно, начиная с 1970-х гг., и было связано с распространением средств массовой коммуникации.

Анализ австралийских газет и журналов 1990-х гг. показал, что в них появилось большое количество американизмов. Журналисты стали писать статьи, а рядовые граждане письма в газеты и журналы, протестуя против назойливого влияния американской культуры. В основном возмущение населения базировалось на характерной американской лексике и спеллинге. Фонетические и грамматические переносы оказались менее заметными, тем не менее читатели жаловались, что «My kids have traces of American accent». В одной газетной публикации журналистка выражает тревогу, что из-за телевидения, компьютерных программ и интернета австралийским детям становится все труднее оставаться австралийскими детьми, так как аудиосопровождение к мультимедийным компьютерным программам представлено американскими голосами, а звучащие тексты имеют четко выраженный американский культурный посыл [9].

В настоящее время к явным американским заимствованиям в фонетике относят аффрикацию [tr], флэппированное произнесение интервокального [t], колебания в словесном ударении: читатели порицают

употребление американских акцентных моделей в произношении отдельных слов, таких как *finance, research, primarily* [9].

Приведенные выше примеры влияния американского варианта на местоположение словесного ударения заставляют задуматься о реальной степени влияния британской и американской произносительных норм на акцентную структуру слов в австралийском английском. В связи с этим целью нашего исследования является выявление основных тенденций в области словесного ударения в австралийском варианте английского языка.

В качестве источника нами использовались данные, полученные в результате анализа 18-го издания EPD (2011) [7], и электронная версия 6-го издания «Macquarie Concise Dictionary» (2013) [8].

Сначала на основе метода сплошной выборки из словаря Д. Джоунза были выписаны слова, акцентные структуры которых в британском и американском вариантах расходятся. Таковых оказалось около 1390, что составляет 1,7% от представленных в нем единиц. Данный подсчет, однако, нельзя считать в полной мере корректным, так как в общий объем словаря вошли и односложные слова, которые не могут иметь акцентной структуры. По имеющимся данным они составляют около 27% от общего словарного запаса в английском языке [2]. В результате проведения несложных арифметических действий по исключению односложных слов из общего объема словарных статей количество слов с несовпадающей акцентной структурой в британском и американском вариантах несколько увеличилось: с 1,7% до 2,4%. Анализ показал, что большинство из них – это заимствования (из французского, итальянского, испанского, латыни и др.), к которым относятся имена нарицательные и собственные (географические названия, имена людей, слова, обозначающие бренды, и пр.).

На следующем этапе список слов с несовпадающей акцентуацией был проверен по «Macquarie Concise Dictionary». Не все из них были найдены – лишь 1088 единиц. Более 300 слов из нашего списка в словаре отсутствуют, главным образом, потому что «Macquarie Concise Dictionary» является, прежде всего, национальным словарем. Значительный объем словарных статей в нем освещает явления, отражающие австралийскую социокультурную тематику, и очевидно, соображения экономии пространства не позволили авторам включить малоизвестные понятия и названия, относящиеся к культурам других

стран. Например, в словаре отсутствуют такие слова из списка, как *Horbury, Ivanov, Laodamia, Llandaff, Peugeot*.

Общий подсчет показал, что в австралийском варианте 46,6% слов из списка произносятся как в британском варианте, 29,7% – как в американском, а 23,7% – иначе, т. е. их акцентуация не совпадает ни с британской, ни с американской.

Рассмотрим акцентные модели двусложных, трехсложных и др. слов.

Двусложные слова

В британском и австралийском вариантах было выделено по три акцентные модели среди двусложных слов, а в американском – четыре:

BrE: 1) [¹ - -], 2) [- ¹-], 3) [- ¹-];

AmE: 1) [¹ - -], 2) [- ¹-], 3) [- ¹-], 4) [¹ - ¹-];

AusE: 1) [¹ - -], 2) [- ¹-], 3) [¹ - ¹-].

Среди двусложных слов в 54,3% случаев австралийские варианты произносятся, как в британском варианте; 39,3% слов следуют американским моделям; 6,4% слов звучат иначе.

Как видно из таблицы 1, двусложные слова в австралийском варианте распределяются приблизительно поровну лишь по двум моделям: [¹ - -] (52,3%) и [- ¹-] (47,4%). Модель [¹ - ¹-] в австралийском варианте была зафиксирована всего лишь один раз (в слове *lychee*), что составило ничтожные 0,3%, а модель [- ¹-] оказалась вовсе не востребованной. В британском варианте незначительное предпочтение отдается модели с ударением на первом слоге (61,1%), а в американском – на втором (55,5%).

Анализ акцентных расхождений в британском и американском вариантах показал, что среди двусложных слов высок процент

Таблица 1

Акцентные модели двусложных слов (в %)

Вариант английского языка	Тип слога			
	¹ - -	- ¹-	¹ - ¹-	¹ ¹-
BrE	61,1	24,8	14,1	–
AmE	37,7	55,5	6,1	0,7
AusE	52,3	47,4	–	0,3

заимствований как из французского языка (их большинство), так и из других языков – итальянского, испанского, немецкого, греческого, латыни, арабского. Британская и американская нормы по-разному адаптируют произношение двусложных заимствований: в британском варианте ударение в таких словах падает, как правило, на первый слог, а в американском – на последний¹. В целом австралийская норма в этих случаях солидаризируется с британским вариантом, хотя есть слова, которые произносятся как в американском варианте, т. е. с ударением на второй слог:

BrE: 'ballet (*фр.*), 'café (*фр.*), 'dinar (*араб.*), 'diktat (*нем.*), 'koine (*греч.*), 'chiffon (*фр.*), 'croissant (*фр.*), 'signor (*итал.*), 'langur (*хинди*)

AmE: bal'let, ca'fé, di'nar, dik'tat, koi'ne, chif'fon, crois'sant, sig'nor, lan'gur

AusE: 'ballet, 'café, 'dinar, 'diktat, 'koine, chif'fon, crois'sant, sig'nor, lan'gur

Двуударная модель [,- '-], хоть и встречается как в британском (14,1%), так и в американском (6,1%) вариантах, все же не является для них типичной. В британском варианте этой модели следуют некоторые сложные слова, пишущиеся слитно (*backside*, *crosscheck*), производные слова с отделяемой приставкой (*upstate*) и некоторые заимствования (*cairgnorm*, *souchong*). В американском варианте эти слова произносятся с ударением на первом слоге, а в австралийском – на втором, т. е. австралийские варианты не совпадают ни с британскими, ни с американскими:

BrE: ,back'side, ,up'state, ,cairn'gorm, ,sou'chong

AmE: 'backside, 'upstate, 'cairngorm, 'souchong

AusE: back'side, up'state, cairn'gorm, sou'chong

Двуударная модель [,- '-] среди двусложных слов в американском английском встречается реже. Австралийские варианты этих слов в основном следуют британским моделям, либо имеют ударение на втором слоге, т. е. не совпадают ни с британским, ни с американским вариантом:

BrE: 'bonsai, 'coulis, de'hisce, mig'nonne, ,Sich'uan

AmE: ,bon'sai, ,cou'lis, ,de'hisce, ,mig'nonne, 'Sich,uan

AusE: 'bonsai, cou'lis, de'hisce, 'mignonne, Sich'uan

¹ Об этом подробнее см. [1].

Трехсложные слова

В британском и американском вариантах было выделено восемь акцентных моделей, а в австралийском – шесть:

BrE / AmE: 1) [' - - -], 2) [- ' - -], 3) [, - - ' -], 4) [, - ' - -], 5) [' - - , -], 6) [' - , - -], 7) [- , - ' -], 8) [- - - ' -]

AusE: 1) [' - - -], 2) [- ' - -], 3) [, - - ' -], 4) [, - ' - -], 5) [' - - , -], 6) [- - - ' -]

Среди трехсложных слов из нашего списка 40,3% следует британским моделям; 31,1% – американским моделям; 28,6% слов произносятся иначе.

Таблица 2

Акцентные модели трехсложных слов (в %)

Вариант английского языка	Тип слога							
	' - - -	- ' - -	, - - ' -	, - ' - -	' - - , -	' - , - -	- , - ' -	- - - ' -
BrE	38,8	29,0	25,0	5,8	0,4	0,4	0,4	0,2
AmE	40,2	22,5	21,2	3,4	0,6	11,0	0,5	0,6
AusE	46,6	30,0	0,5	0,25	0,25	-	-	24,4

Прежде всего отметим значительное увеличение количества слов с акцентуацией, не совпадающей ни с британскими, ни с американскими моделями для этих слов. Большинство из них составляют примеры с моделью [- - ' -] (24,4%), которая практически отсутствует как в британском, так и в американском вариантах (0,2% и 0,6% соответственно). Как видно из следующих примеров, с акцентной моделью [- - ' -] в основном произносятся слова, являющиеся двуударными в британском и, реже, в американском вариантах:

BrE: ,balu'strade, ,mayon'naise, ,mistran'slate, ,assig'nee;

AmE: 'balustrade, 'mayonnaise, 'mis'translate, as,sig'nee;

AusE: balu'strade, mayon'naise, mistran'slate, assig'nee.

Здесь можно выделить небольшую группу сложных слов, пишущихся слитно, в которых в австралийском английском реализуются самые частотные акцентные модели для британского и американского вариантов: ([' - - -] и [- ' - -]), но в британском и американском

стандартах эти слова произносятся иначе: некоторые из них – двуударные в обоих случаях. В австралийском варианте, как видно из примеров, сохраняется лишь одно из этих ударений:

BrE: ˌblackˈcurrant, ˌheadˈmaster, ˌvainˈglory;

AmE: ˈblackˌcurrant, ˈheadˌmaster, ˈvainˌglory;

AusE: blackˈcurrant, headˈmaster, vainˈglory.

Наряду с этим анализ показал, что в австралийском варианте практически отсутствуют слова с двуударными моделями: на пять двуударных моделей среди трехсложных слов суммарно приходится лишь 1,0% слов против 32,0% и 36,7% в британском и американском вариантах соответственно.

Те трехсложные заимствования из французского языка, которые в британском варианте произносятся с ударением на первом слоге, в австралийском английском либо следуют британским моделям, либо ударение в них смещается на третий слог. Американские варианты приведенных примеров используют двуударную модель:

BrE: ˈcabaret, ˈcalvados, ˈFabergé, ˈBaudelaire, ˈDauphiné, ˈfigurine

AmE: ˌcabaˈret, ˌcalvaˈdos, ˌFaberˈgé, ˌBaudeˈlaire, ˌDauphiˈné, ˌfiguˈrine

AusE: ˈcabaret, ˈcalvados, ˈFabergé, Baudeˈlaire, Dauphiˈné, figuˈrine

Четырехсложные слова

Четырехсложные слова представлены в нашем материале тринадцатью акцентными моделями.

Таблица 3

Акцентные модели четырехсложных слов (в %)

Тип слога	Вариант английского языка		
	BrE	AmE	AusE
ˌ_ _ _ _	13,6	32,3	26,3
_ ˌ_ _ _	31,8	15,7	36,2
_ ˌ_ _ ˌ_ _	41,1	20,7	–
_ ˌ_ _ _ ˌ_	4,7	4,8	0,7
ˌ_ _ _ ˌ_	2,3	13,5	1,3

Тип слога	Вариант английского языка		
	BrE	AmE	AusE
'---'	0,5	–	–
'----'	0,4	0,5	–
'--'---	2,8	4,3	0,7
'-'----	0,9	1,0	–
'-'----	0,5	6,7	–
'-'-----	–	0,5	–
--'---	1,4	–	30,9
---'---	–	–	3,9

Среди четырехсложных слов 41,8% произносятся как в британском варианте; 13,4% следуют американским моделям; 44,8% произносятся иначе.

Количество четырехсложных слов, акцентуация которых не совпадает ни с британской, ни с американской, составляет большинство. В основном это обусловлено достаточно частотным использованием модели [- - '- -] (30,9%), которая занимает второе ранговое место в этой группе. В качестве примера можно привести: *aure'ola*, *extro'version*, *semi'colon*.

В британском варианте эта модель была реализована всего в трех случаях, а в американском она оказалась вовсе не востребована. К этому списку добавляются слова с акцентной моделью [- - - '-], абсолютно невозможной ни в британском, ни в американском английском: *antepe'nult*, *telecom'mute*.

Здесь также можно выделить слова, которые в австралийском варианте произносятся с достаточно частотными акцентными моделями для английского языка, но в британском и в американском вариантах распределение ударений в них иное:

BrE: ,Albu'querque, ar'chaism, ,counter'tenor, ,tiram'i'su;

AmE: 'Albu,querque, 'archaism, 'counter,tenor, ,tira'misu;

AusE: 'Albuquerque, 'arch,aism, 'countertenor, ti,rami'su.

Бросается в глаза крайне низкий процент двуударных слов в австралийском варианте: суммарно на девять двуударных моделей приходится лишь 2,7% четырехсложных слов против 53,2% и 52,0% для британского и американского английского соответственно.

Пятисложные слова

С увеличением количества слогов увеличивается число акцентных моделей и сокращается количество слов, с ними произнесенных. В нашем списке оказалось всего 75 пятисложных слов. Они представлены четырнадцатью акцентными моделями.

Австралийские варианты, совпадающие с британскими, составили 25,3%; с американскими – 16,0%; 58,7%, т. е. более половины пятисложных слов, произносятся не так, как в британском или американском. В основном, в этих словах используются одноударные модели с ударением на третьем, четвертом и даже на пятом слоге: *elec'tricity*, *acade'mician*, *metempsycho'sis*. Эти модели не существуют ни в британском, ни в американском варианте, и все подобные примеры в них являются двуударными.

Для иллюстрации иных случаев межвариантных расхождений в местоположении ударения можно привести следующие примеры:

BrE: ,appro'batory, ,compen'satory, ,tele'marketing;

AmE: ap'probatory, com'pensatory, 'tele,marketing;

AusE: 'approbatory, 'compensatory, 'telemarketing.

В австралийском английском ударение в этих словах падает на первый слог, а в британском они двуударные. Здесь можно отметить некоторое увеличение количества слов, которые в австралийском варианте произносятся с двумя ударениями (18,2%): *dis,inte'gration*, *,anastig'matic*, *'lachry,matory*.

Шести- и семисложные слова

Как и ожидалось, группа шести- и семисложных слов оказалась самой малочисленной – всего 41 слово. В этой группе 33,2% слов произносятся как в британском варианте; 37,6% – как в американском; 29,2% – по-другому. Среди последних также можно отметить слова лишь с одним ударением, падающим на третий, четвертый или пятый слог: *circum'locutory*, *unrecog'nizable*, *volatili'zation*. Однако

большинство шести- и семисложных слов (73%) произносятся с двумя ударениями, распределение которых может отличаться от британских и / или американских моделей:

BrE: 'demisemi,quaver, i'dentifiable, ,poliomye'litis, 'servo,mechanism, ,utili'tarian;

AmE: ,demi'semi,quaver, i,denti'fiable, ,polio,mye'litis, ,servo'mechanism, u,tili'tarian;

AusE: ,demi'semi,quaver, i'denti,fiable, ,poliomye'litis, 'servo,mechanism, u,tili'tarian.

Анализ межвариантных различий показал, что двуударные акцентные модели являются крайне непопулярными для австралийского варианта английского языка. Общее число слов из нашего списка с моделями «второстепенное ударение + главное ударение» и «главное ударение + третичное ударение» составило всего 4,8%, большинство из них – это шести- и семисложные слова. В личной переписке сотрудник издательского отдела «Macquarie Concise Dictionary» ответил автору настоящей статьи, что «Australian English tends to have fewer stresses in words than American or British English. For this reason, we do not add double stresses to many words that might have them in another English because they are not spoken in Australian English as you have assumed». В британском и американском вариантах различные двуударные акцентные модели используются гораздо чаще: в нашем списке 32,4% слов в британском и 25,8% – в американском английском.

Можно отметить некоторые особенности в акцентуации, связанные с морфологической структурой слова.

1. Большое количество глаголов, оканчивающихся на *-ate*, произносятся одинаково в трех вариантах ('*probate*, '*deprecate*). Для тех слов, произношение которых отличается, можно, однако, вывести следующую закономерность.

Во многих двусложных глаголах, оканчивающихся на *-ate*, в британском варианте ударение падает на второй слог, а в американском – на первый. В австралийском варианте в большинстве случаев (73%) ударение ставится на второй слог, как и в британском. Например:

BrE: mi'grate, do'nate, nar'rate;

AmE: 'migrate, 'donate, 'narrate;

AusE: mi'grate, do'nate, nar'rate.

В трехсложных словах, оканчивающихся на **-ate**, наоборот, в британском варианте ударение, за редким исключением, падает на первый слог, а в американском – на второй. В австралийском английском такие слова, как правило, следуют британской модели. Например:

- BrE:* 'dislocate, 'elongate, 'infiltrate, 'remonstrate;
AmE: dis'locate, e'longate, in'filtrate, re'monstrate;
AusE: 'dislocate, 'elongate, 'infiltrate, 'remonstrate.

2. Многие существительные с суффиксом женского рода **-ess** также произносятся одинаково в трех вариантах (*'countess*). В тех словах, произношение которых различается, в британском варианте суффикс, как правило, притягивает главное ударение, в американском варианте он всегда остается безударным. Австралийский вариант следует американской тенденции. Например:

- BrE:* prin'cess, ,patro'ness, ,shepher'dess;
AmE: 'princess, 'patroness, 'shepherdess;
AusE: 'princess, 'patroness, 'shepherdess.

3. В британском и в американском вариантах отделяемая приставка **de-** может быть как ударной, так и безударной, и акцентная структура большого количества слов в обоих вариантах с ней совпадает. Тем не менее можно отметить случаи, в которых эта приставка оказывается второстепенно ударной в британском варианте и безударной в американском. В австралийском варианте слова с приставкой **de-** и оканчивающиеся на **-tion** являются двуударными, приставка остается безударной, как в американском варианте. Например:

- BrE:* ,decolouri'zation, ,de,magneti'zation, ,demystifi'cation;
AmE: de,colouri'zation, de,magneti'zation, de,mystifi'cation;
AusE: de,colouri'zation, de,magneti'zation, de,mystifi'cation.

4. Приставка **trans-** тоже может влиять на размещение ударения. В австралийском варианте, как и в британском, она притягивает второстепенное ударение. В американском она безударная:

- BrE:* ,transfera'bility, ,translite'ration, ,transporta'bility;
AmE: trans,fera'bility, trans,lite'ration, trans,porta'bility;
AusE: ,transfera'bility, ,translite'ration, ,transporta'bility.

Отметим, что в австралийском варианте эти слова также относятся к двуударным.

5. В британском варианте суффикс **-berry** в названиях ягод всегда безударен, гласный [e], как правило, подвергается сильной редукции, вплоть до полного выпадения: [bri]. В американском варианте этот суффикс всегда притягивает третичное ударение. Австралийские аналоги названий ягод произносятся с одним ударением, суффикс произносится как [bæri].

BrE: 'boysenberry, 'gooseberry, 'raspberry, 'loganberry;

AmE: 'boysenberry, 'gooseberry, 'raspberry, 'loganberry;

AusE: 'boysenberry, 'gooseberry, 'raspberry, 'loganberry.

Результаты проведенного исследования по выявлению основных тенденций в области словесного ударения в австралийском варианте английского языка в сопоставлении с британским и американским вариантами позволяют сделать следующие выводы.

1. Конкурирующее влияние британской и американской произносительной норм на австралийский вариант английского языка проявилось в том, что в нем около половины слов из списка с несовпадающей британо-американской акцентуацией (47 %) следуют британским вариантам.

2. Двусложные слова в австралийском варианте приблизительно поровну распределяются по двум акцентным моделям из четырех возможных: [' -] и [- ']. Двусложные заимствования адаптируются преимущественно как в британском варианте, т. е. с ударением на первом слоге.

3. С увеличением количества слогов уменьшается число слов с акцентуацией, совпадающей с британской, и увеличивается тех, в которых ударение распределяется иначе, чем в их британских или американских аналогах. Здесь можно выделить две причины. Первая: в австралийском варианте используется какая-либо иная акцентная модель из тех, что характерны для британского или американского стандартов. Вторая: используются типично австралийские акцентные модели, абсолютно невозможные ни в британском, ни в американском вариантах. К таковым можно отнести одноударные модели в многосложных словах, с ударением на третьем, четвертом или пятом слоге.

4. В австралийском варианте крайне низок процент слов с двуударными моделями.

5. Морфологическая структура слова может влиять на местоположение ударения. Тенденции сводятся к следующему: (1) в двусложных глаголах, оканчивающихся на *-ate*, ударение, как и в британском варианте, падает на второй слог; (2) в трехсложных глаголах, оканчивающихся на *-ate*, ударение падает на первый слог, что также типично для британского варианта; (3) приставка *de-* в многосложных словах остается безударной как и в американском варианте; в этих словах наблюдается тенденция к реализации второстепенного ударения, падающего на корень; (4) приставка *trans-* притягивает второстепенное ударение; (5) компонент *-berry* в названиях ягод всегда безударен, как и в их британских аналогах.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Настоящее исследование по анализу тенденций словесного ударения в австралийском варианте английского языка было проведено на материале словарных статей, т. е. изолированных слов. Безусловно, акцентная модель слова, представленная в словаре, может изменяться при помещении его в контекст: под влиянием ритмических тенденций, а также темпоральных модификаций, ударения могут сдвигаться, второстепенные ударения пропадать, а безударные слоги становиться акцентируемыми. Поэтому на следующем этапе исследования было бы интересно проверить, как изменяется фонетический облик слова, произнесенного в живой речи. Прежде всего нуждаются в проверке слова с моделями, типичными лишь для австралийского варианта, а именно, многосложные слова с отсутствующими второстепенными ударениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Фонетика и фонология дискурса. – М. : Рема, 2010. – С. 23–41. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та, вып. 1 (580). Сер. Языкознание).
2. *Berg Th.* Stress Variation in American English // *World Englishes*. – 1999. – Vol. 18. – No 2. – P. 123–143.
3. *Bradley D., Bradley M.* Changing attitudes to Australian English / Blair D., Collins P. (eds.) *English in Australia*. – 2001. – Amsterdam : John Benjamins PC. – P. 271–282.
4. *Collins P.* Australian English: Its Evolution and Current State // *International Journal of Language, Translation and Intercultural Communication*. – 2007. – Vol. 1. – No. 1. – P. 75–86. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.latic-journal.org/index.php/latic/.../6

5. *Delbridge A.* Standard Australian English // *World Englishes*. – 1999. – V. 18. – No 2. – P. 259–270.
6. *Delbridge A.* Lexicography and national identity: the Australian experience / Blair, D., Collins, P. (eds.) *English in Australia*. – 2001. – Amsterdam : John Benjamins PC. – P. 303–315.
7. *Jones D.* *English Pronouncing Dictionary* / ed. by P. Roach, J. Setter and J. Hartman. – 18th ed.– Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 580 p.
8. *Macquarie Concise Dictionary* / ed. by S. Butler. – 6th ed. – 2013. – URL : www.com.au/freeaccess
9. *Taylor B.* Australian English in interaction with other Englishes / Blair D., Collins P. (eds.) *English in Australia*. – 2001. – Amsterdam : John Benjamins PC. – P. 317–335.

УДК 81'34

Ю. Л. Герасимова, Т. В. Медведева

Герасимова Ю. Л., соискатель
кафедры фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: julleoger@mail.ru

Медведева Т. В., кандидат филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой фонетики английского ФГПН МГЛУ
e-mail: phonetics141@yandex.ru

ПОЗИЦИОННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКА ЗВОНКОСТИ ФРИКАТИВНЫХ СОГЛАСНЫХ В БРИТАНСКОМ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОМ СТАНДАРТЕ

В статье рассматривается оглушение английских звонких фрикативных согласных на примере двух видов речевой деятельности (чтения и говорения). Позиционная вариативность признака звонкости анализируется и практически обосновывается с точки зрения собственно лингвистических факторов, таких как: место образования шумных щелевых согласных, занимаемая ими позиция в слове (сильная / слабая) и в высказывании (в начале, середине и в конце), а также принимается во внимание звуковое окружение звонких фрикативов, влияющих на их качественно-количественные характеристики.

Ключевые слова: звонкий фрикативный согласный; фаза озвончения; оглушение; словесное и фразовое ударение; фонетический контекст.

J. L. Guerassimova, T. V. Medvedeva

Guerassimova J. L., Post-graduate student,
Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: julleoger@mail.ru

Medvedeva T. V., Ph.D., Professor, Head of the Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: phonetics141@yandex.ru

VOICING POSITIONAL VARIABILITY OF BRITISH ENGLISH FRICATIVES

The current research investigates the implementation of voicing in voiced fricatives with regard to the types of speech (reading and speaking). The influence of the linguistic factors on fricatives voicing variability, such as place of articulation, stress, position within a word and in a phrase and phonetic context, is examined and is exemplified with the acoustic data.

Key words: voiced fricative; amount of voicing; devoicing; word- and phrase accentuation; phonetic context.

В системе согласных английского языка класс фрикативных фонем является наиболее многочисленным и представлен девятью единицами – /θ, ð, f, v, s, z, ʃ, ʒ, h/, – которые в русской фонетической традиции классифицируются по активному артикулятору и месту образования (переднеязычные дентальные (межзубные), губно-зубные, переднеязычные апикально-альвеолярные, переднеязычные заальвеолярные и гортанный), а также по присутствию / отсутствию голоса, что непосредственно связано с силой мышечного напряжения. По последнему дифференциальному признаку фрикативные согласные образуют четыре пары фонем: /θ–ð/, /f–v/, /s–z/, /ʃ–ʒ/; первый член каждой пары является глухим и сильным (фортисным), а второй, соответственно, звонким и слабым (ленисным), что отражает специфику английской фонетической базы как совокупности наиболее типичных черт, присущих данному языку.

Присутствие голоса придает второму элементу пары маркированность, что является важным при рассмотрении случаев нейтрализации, в которых дифференциальный признак теряет свою различительную силу, как например, это происходит в слове *rise*, где оглушение конечного звонкого фрикативного способствует исчезновению контраста между *rice* / *rise*. По Н. С. Трубецкому, подобная позиция называется позицией нейтрализации, в которой «специфический признак теряет свою фонологическую значимость» [3, с. 84]. Одним словом, один из членов подобной пары теряет признак, составляющий основу одномерной фонологической оппозиции (в нашем случае звонкость), и две фонемы «сливаются» в одну архифонему, определяемую Трубецким как «совокупность смысловозначительных признаков, общих для двух фонем» [там же, с. 84].

При этом чаще всего архифонема бывает представлена немаркированным членом оппозиции /θ, f, s, ʃ/. Однако в некоторых случаях в качестве архифонемы может выступать звук, не совпадающий ни с одним из членов оппозиции. Показателен пример особого *глухого слабого* звука, который вследствие нейтрализации признаков фортичности и аспиративности в позиции после /s/ выступает в качестве архифонемы (*speak, stake*), что убедительно подтверждено исследованием Л. В. Гришиной [1].

Вариативность реализации признака звонкости шумных смычных взрывных согласных в английском языке была комплексно исследована

в работе З. А. Нугамановой [2], где рассмотрена не только позиция нейтрализации в абсолютном исходе слова, но и все многообразие возможных фонетических контекстов в речи носителей британского варианта английского языка. Данные акустического анализа смычных согласных подкреплены результатами экспериментов по их восприятию. Наиболее важный вывод автора состоит в том, что длительность самого звонкого взрывного не является определяющим фактором при восприятии его как частично или полностью оглушенного. Решающим являются не количественные характеристики всего звука, а длительность фаз его артикуляции и качество этих сегментов. Частичная или полная оглушенность /b, d, g/ присутствует и в инициальной позиции вне зависимости от контекста. Это позволило автору заключить, что оглушенность данных согласных может рассматриваться в качестве сущностной, ингерентной, характеристики самого согласного.

В этой связи представляется перспективной возможность использования подобного комплексного подхода к изучению особенностей реализации признака звонкости фрикативных согласных, которые до настоящего времени не были объектом всестороннего исследования как особого консонантного класса.

Анализ специальной лингвистической литературы свидетельствует о реальном наличии параллелизма при рассмотрении двух групп согласных – смычных взрывных и фрикативных. Так, в коллективной монографии Т. И. Шевченко и его соавторов [4] описаны семь акустических признаков, представляющих важность для распознавания глухих и звонких взрывных. При этом утверждается, что некоторые из них «играют роль и в распознавании звонких / глухих *фрикативных* согласных. Это – наличие / отсутствие периодических колебаний; более краткая длительность звонких фрикативных по сравнению с их глухими эквивалентами; бóльшая длительность гласных, примыкающих к звонким фрикативным; меньшая интенсивность фрикативного шума у звонких согласных и более низкая F0 гласных, следующих за звонким фрикативным» [4, с. 27].

Британской фонетической школе также свойственно объединение двух упомянутых групп согласных под названием *obstruents* (обструэнты, или шумные), когда речь идет о рассмотрении признаков звонкости / глухости в фонологическом и фонетическом аспектах. В частности, А. Краттенден [6], рассуждая о звонкости / глухости как

о фонологической категории, противопоставляет /p, t, k, θ, f, s, ʃ/ их звонким коррелятам и отмечает, что основой дифференциации является звонкость. Однако реализация данного признака определяется позицией согласного:

- глухие согласные реализуются как таковые во всех контекстах, в то время как звонкие являются безоговорочно звонкими лишь в медиальной позиции в слове, находясь между звонкими сегментами (интервокальное положение), а в его начале и конце они регулярно оглушаются;
- оглушенные согласные вызывают укорачивание длительности предшествующих гласных, носовых и латеральных сегментов, в то время как их звонкие корреляты таким свойством не обладают;
- глухие согласные, как правило, превосходят по длительности соответствующие звонкие;
- глухие согласные продуцируются с бóльшим мышечным напряжением и отличаются большей интенсивностью воздушной струи (поэтому и считаются фортисными) по сравнению со звонкими (слабыми, ленисными).

Другой британский фонолог, Х. Гигерич [11], анализируя случаи полного или частичного оглушения звонких взрывных согласных, также распространяет данную особенность на звонкие фрикативные и аффрикаты, приводя в качестве примера оглушенные /z, ð/ в словах *rise, writhe* (исход слова перед паузой) и в *zoo, they* (начальная позиция после паузы), подчеркивая, что фонологически звонкие обструэнты реализуются как полностью звонкие только в звонком окружении (*resist, writhing*).

Под паузой подразумевается перерыв в звучании. Однако межсловная граница внутри фразы не отмечена паузой или каким-либо иным фонетическим признаком, поэтому в сочетании *the rise is /z/* реализуется, как очевидно, звонкий звук. Данное рассуждение позволяет предположить, что изучение воплощения признака звонкости согласных в слитной речи приведет к значительно более интересным результатам, чем анализ изолированных слов.

Х. Гигерич указывает также на градуальность реализации признака звонкости: звуки в начале слов *sip* и *zip* различаются по качеству, т. е. полной нейтрализации звонкости / глухости не происходит, так как частично оглушенный /z/ все-таки фонетически отличается от полностью глухого /s/. Далее, степень оглушения варьирует в зависимости

от индивидуальных особенностей говорящего и от акцента к акценту: конечное /ð/ в предлоге *with* может частично оглушаться в RP, но, как правило, претерпевает полное оглушение в шотландском стандарте – даже перед вокализованным сегментом или паузой.

Фонетические признаки оппозиции по звонкости / глухости у фрикативных согласных выражены не так отчетливо, как у глухих смычных: последние характеризуются дополнительными признаками аспиративности и плотталлизованности (/phai/ – piə; /kɔʔp/ – sɔp), что поддерживает контрастивность глухого и звонкого. Однако надежным фонетическим признаком оглушенного фрикативного, например в слове *dove* следует считать большую длительность примыкающего предшествующего гласного, чем в слове *duff*.

Помимо длительности предшествующего гласного опорными акустическими признаками для различения глухости / звонкости сегмента являются:

- меньшая степень интенсивности шумового компонента звонкого согласного по сравнению с глухим;
- наличие участка низкочастотных периодических колебаний у звонких согласных, который отсутствует у глухих. Звонкость также проявляется в более длительных переходных участках F1 непосредственно примыкающих гласных;
- длительность шумового участка глухого согласного превышает этот показатель для звонкого [6].

Последний признак, по-видимому, «задает» большую длительность глухих согласных в целом по сравнению с более краткими звонкими.

Все вышеизложенное убедительно доказывает существование целого ряда проблем, связанных с реализацией признака звонкости фрикативных согласных в различных контекстах.

Акустическое исследование американского лингвиста Л. Дэвидсон [7], посвященное изучению оглушения звонких взрывных и фрикативных согласных в слитной речи носителей американского произносительного стандарта (GA), содержит выводы, которые важны в контексте нашего исследования позиционной вариативности фрикативных согласных в британском варианте. Л. Дэвидсон обнаружила, что в отличие от звонких взрывных, которые чаще всего оглушаются в начале слова или перед глухим согласным (*absent*), звонкие фрикативные характеризуются тенденцией к оглушению в исходе слова,

причем они менее подвержены влиянию непосредственного фонетического контекста. В абсолютном начале слова звонкие фрикативные реализуются с большей степенью озвончения, чем взрывные.

К факторам, непосредственно способствующим оглушению, по мнению Дэвидсон, следует отнести позицию сегмента во фразе (в частности, она провела исследование, рассматривая медиальную позицию слова во фразе) и такой просодический фактор, как акцентированность / неакцентированность примыкающих сегментов: ударение на предшествующем сегменте способствует сохранению звонкости согласного в большей степени, чем акцентированность последующего.

Автор не исключает, однако, значимости непосредственного фонетического окружения в процессе оглушения согласного, при этом ссылаясь на Дж. Дочерти [9], который утверждает, что предшествующий сегмент в большей степени влияет на степень реализации звонкости, чем последующий. Например, предшествующий носовой сонант снижает степень оглушения звонкого фрикативного (*tenz*), а все остальные согласные, напротив, ее увеличивают.

Работа Л. Дэвидсон, как и упомянутые отечественные исследования (см., например, диссертацию З. А. Нугамановой [2]), основана либо на трехмерном разграничении (полностью оглушенного, частично оглушенного, полностью звонкого согласного), либо на двухмерном (полнозвучный и оглушенный варианты) [14]. Ключом к отнесению сегмента к той или иной категории является соотношение длительности всего согласного и его озвонченной фазы. Исходя из трехмерного деления, звонкие согласные воспринимаются как таковые, если фаза голоса составляет 90 % и выше от длительности всего согласного; у глухого согласного данный показатель составляет 10 % и менее; частично оглушенный согласный характеризуется наличием 10–90 % звонкости на протяжении его звучания [7]. Двухмерная классификация подразумевает присутствие голоса на 2/3 участка всей артикуляции согласного [14]. Таким образом, процентное соотношение звонкости и глухости, которое мы получаем в последнем случае (67 vs 33 %), точнее соответствует реальности восприятия, хотя и исключает наличие полностью оглушенного варианта, что, на наш взгляд, представляется не совсем корректным. В исследовании Л. Дэвидсон, как и Дж. Д. Дочерти [9], достаточно неравномерно представлено соотношение трех возможных вариантов (слишком большой

процент реализации приходится на оглушенный вариант и непропорционально маленький – на полностью оглушенный либо звонкий). В данной работе мы предлагаем четырехуровневый подход к делению звонких фрикативных в зависимости от степени присутствия голоса в их артикуляции, а именно:

- *полнозвучный* (уровень озвонченного участка превышает 80 % от всего звучания согласного);
- *частично оглушенный* (присутствие голоса наблюдается на участке в пределах 50–80 % от общего звучания согласного);
- *частично звонкий* (озвонченная фаза – 20–50 %);
- *полностью оглушенный* (присутствие голоса составляет менее 20 %).

Однако с точки зрения перцептивно-слухового анализа подобное членение может усложнить задачу эксперта при отнесении сегмента к той или иной категории. Тем не менее четырехмерная градация признака звонкости четче представляет суть самого явления при потере звонкости согласными в определенном звуковом окружении в зависимости от их положения в высказывании. Это подтверждают результаты акустического анализа, материалом для которого послужили записи спонтанной речи четырех носителей современного британского произносительного стандарта английского языка (мужчины в возрасте от 18 до 25 лет), являющихся студентами университета или имеющих высшее образование.

Исследование проводилось с целью выявления позиционной качественно-количественной вариативности звонких фрикативных /ð/, /v/, /z/¹, которые рассматривались на примере двух видов речевой деятельности – чтения текста (единого для всех испытуемых) и говорения (неподготовленная беседа на свободную тему)². Использование двух

¹ В рамках данной статьи не рассматриваются случаи звонкого фрикативного заальвеолярного /ʒ/. Это связано с невысокой частотностью его употребления в английской речи, причем преимущественно в интервокальной срединной позиции. В начальной позиции он встречается лишь в именах собственных, например *Zsa Zsa* /zə zə/ [13, с. 57].

² Записи предоставлены сайтом International Dialects of English Archive (IDEA). – URL: www.dialectsarchive.com. Текст для чтения «Comma Gets a Cure» составлен Дж. Маккалоу (Jill McCullough) и Б. Сомервил (Barbara Somerville) и отредактирован Д. Н. Хонорофом (Douglas N. Honorof).

стилей произношения¹ обусловлено тем, что, как правило, чтение текста, даже без предварительной подготовки, сопровождается бóльшим вниманием к артикуляции звуков, в то время как в спонтанной речи человек задумывается не над тем, *как* сказать, а скорее, над тем, *что* сказать. Поэтому сравнение двух вышеперечисленных типов речевого поведения позволяет получить более полную картину степени оглушения звонких шумных щелевых согласных. При этом в ходе эксперимента были проанализированы 484 реализации звонких фрикативных согласных, в том числе и их употребление в служебных словах, хотя некоторые исследователи (например, Л. Дэвидсон [7; 8]) исключают подобные единицы из рассмотрения (*there, that* и т. д.) по причине их частой редукции и невысокой четкости спектральной картины. С точки зрения фонетического (транскрипционного) представления звучащей речи, морфологическая принадлежность к той или иной группе не играет столь существенной роли, так как в транскрипции поток речи представляется в виде цепочки сменяемых ударных и безударных единств (слов), разграничиваемых паузами. Поэтому, на наш взгляд, звонкие фрикативные следует изучать исходя из занимаемой данными единицами позиции относительно ударения: сильной (напряженной, или находящейся под ударением) или слабой (ненапряженной, или безударной). Немаловажную роль при определении качества звонких фрикативных также играет и занимаемое ими положение во фразе – в начале, конце или в ее середине. Тем не менее из корпуса исследования были исключены такие реализации звонких фрикативных /ð/, /v/, /z/, в которых либо происходило полное уподобление звонкого фрикативного согласного последующему глухому варианту в условиях их тесного взаимодействия (например, *was similar, was surprising, a lot of fun, form of foot, live for a while* и т. д.), либо наблюдалось слияние границ стыковых согласных, что приводило к невозможности их разграничения и к удлинению звучания соответствующего согласного (например, *bathe the goose*).

Анализ полученных данных проводился с помощью программы Praat² (ее параметры были адаптированы для лучшего распознавания фрикативных согласных в соответствии с рекомендациями, данными

¹ Данное определение предложено Л. В. Щербой [5, с. 21].

² Praat. Doing Phonetics by Computer. Version 6.0.04. – URL : www.praat.org

некоторыми исследователями [10; 12]). Сегментация звонких фриктивных осуществлялась вручную с учетом индикативных для стыка формантных показателей: наличия / отсутствия периодических колебаний, которые на осциллограмме передаются рядом гармонических колебаний, а на спектрограмме – затемнением в области низких частот (F0); и уровня интенсивности согласных (при артикуляции звонкого согласного происходит спад интенсивности, который объясняется снижением мышечного напряжения и давления воздушной струи во время их произнесения (см. рис. 1)).

Таким образом, исследование проводилось с учетом фонетических позиций, непосредственно влияющих на реализацию качественно-количественного комплекса согласного, а именно – с опорой:

- на позицию, занимаемую звонким фриктивным в слове (инициальная, срединная и конечная);

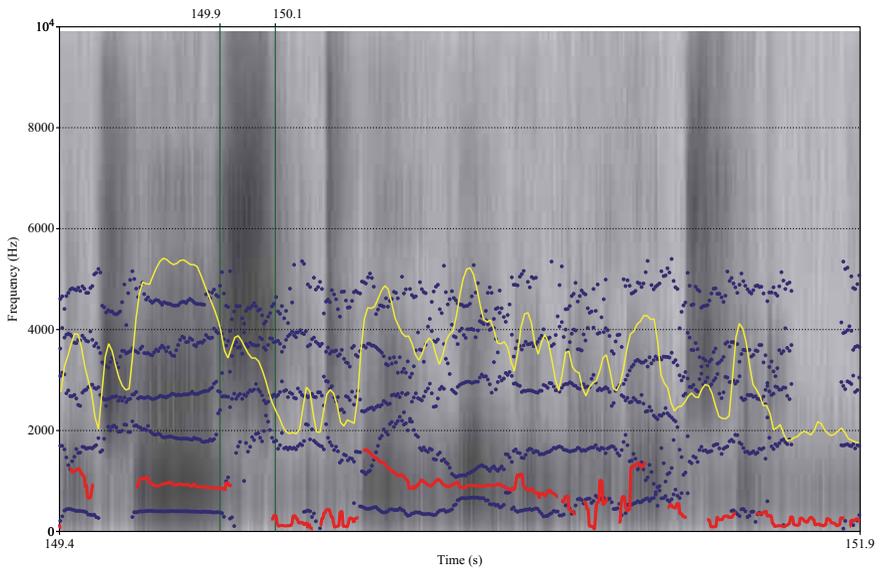

Рис. 1. Спектрограмма высказывания *which is between London and Oxford* (зеленым цветом отмечены границы звонкого щелевого /z/ в слове *is*; желтым – уровень интенсивности; синим – формантные показатели звукового оформления высказывания; красным – огибающая частоты основного тона)

- фонетический контекст:
 - интервокальная (*either, rather, surprising, amusing, private; desire*);
 - абсолютный исход слова (*years; Ascot races; expensive*);
 - перед звонким шумным (*lived; moved; I've been; I've got; areas but; there's definitely; of the territory*);
 - после звонкого шумного (*and then; old zoo; times the cost*);
 - перед глухим шумным (*sorts of kids; of course; his term; years of college; of penicillin; gave Sarah; five miles from*);
 - после глухого шумного (*went there; at the time; went there*);
 - перед ротовым сонантом (*live right now; goose's lower back; with London accent; massive recession*);
 - после ротового сонанта (*although; A-levels; schools*);
 - перед носовым сонантом (*even; seven; mine's not; wasn't; because normally*);
 - после носового сонанта (*mine's not; going there; sometimes I*);
- акцентно-ритмическую структуру слова¹.

Измерения озвонченной фазы звучания фрикативного согласного проводились в соответствии с данными *fraction of locally unvoiced frames* (букв. ‘доля частично оглушенных участков’), представленными в *Voice Report* программы *Praat*, на основе которых были получены следующие результаты.

Таблица

Наличие оглушения в реализации звонких фрикативных согласных (на материале спонтанной речи и чтения, в %)

Звуки	Чтение		Спонтанная речь	
	позиция		Позиция	
	сильная	слабая	сильная	слабая
/v/	13,0	32,7	13,1	38,9
/ð/	11,1	20,2	16,5	28,9
/z/	23,7	37,2	47,4	52,5

¹ Позицию, занимаемую звонким фрикативным непосредственно перед ударным гласным, мы считаем сильной (ударной), а перед безударным гласным и после ударного – слабой (безударной).

Полученные данные являются усредненными показателями и характеризуют уровень оглушения звонких фрикативных в целом по двум типам речевой деятельности. Следует отметить, что, несмотря на принадлежность к единой возрастной группе (18–25 лет), 18-летние испытуемые были склонны оглушать звонкие согласные в большей степени, нежели информанты старшего возраста (25 лет). Так, например, в слове *disease* [dɪ'zi:z]¹ ударная позиция и интервокальное положение звонкого фрикативного /z/, казалось бы, должны были максимально обеспечить полнозвучность сибиллянта. Действительно, с точки зрения восприятия потеря звонкости была не столь значительной, и согласный можно было бы охарактеризовать, скорее, как частично оглушенный вариант. Однако данные акустического исследования показали максимальный процент оглушенного участка, составляющий 63,6 % от всей длительности звучания, а минимальный – 9,1 % (см. рис. 2 и 3).

Как видно на рисунке 2, огибающая ЧОТ (частота основного тона, красная линия на спектрограмме) прерывается на срединном участке произнесения /z/ и появляется лишь на стыках гласного и соответствующего согласного, что свидетельствует об отсутствии периодических колебаний, следовательно, о снижении голосовой составляющей звонкого сибиллянта. По мнению Дж. Дочерти, подобный тип оглушения можно классифицировать как «прерванное включение голоса» [9; 2]. На рисунке 3 представлена спектрограмма того же слова *disease*, произнесение которого характеризуется лишь небольшой потерей звонкости (9,1 %), что подтверждается непрерывностью огибающей ЧОТ по всей длительности звучания звонкого сибиллянта. Неоднозначность влияния интервокального контекста проявляется также в слабой позиции, в которой звонкие фрикативные согласные ведут себя так же, как и в сильной (ударной) позиции: например, в слове *surprising* оглушенный участок составил 55,0 % от реализации всего звукового сигнала (ср. рис. 2 и 4).

¹ *Disease* транскрибируется согласно словарям: Jones D. Cambridge English Pronouncing Dictionary / ed. by P. Roach, J. Setter & J. Esling. – 18th ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – 580 + xxxiii p. и Wells J. C. Longman Pronouncing Dictionary. – 3rd ed. – Edinburgh Gate : Pearson Education Ltd, 2008. – 922 + xxxvii p.

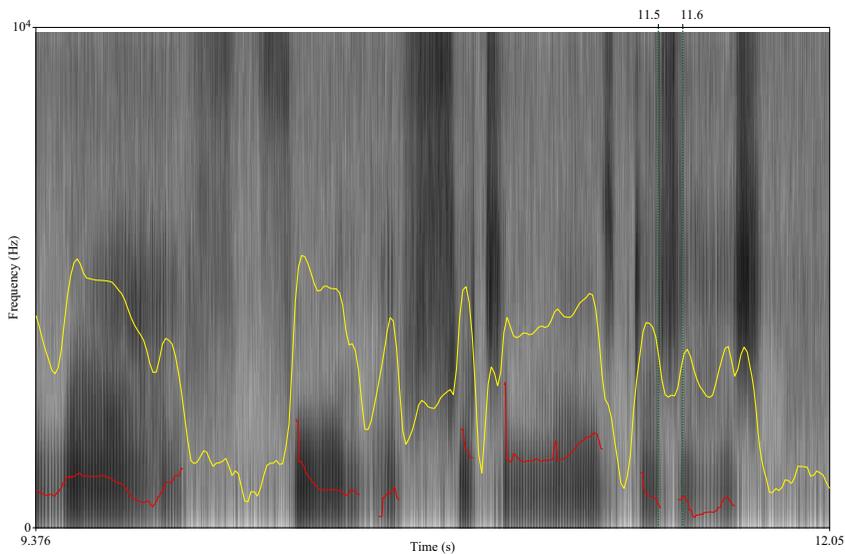

Рис. 2. Спектрограмма *rare form of foot and mouth disease* (зеленым пунктиром обозначен участок интервокального звучания /z/)

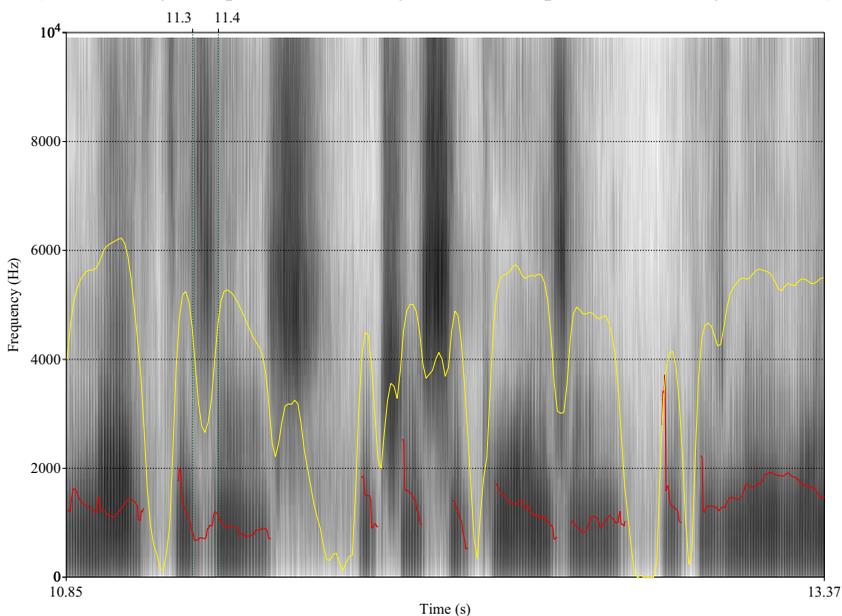

Рис. 3. Спектрограмма *mouth disease* which was surprising because normally... (зеленым пунктиром обозначен участок интервокального звучания /z/)

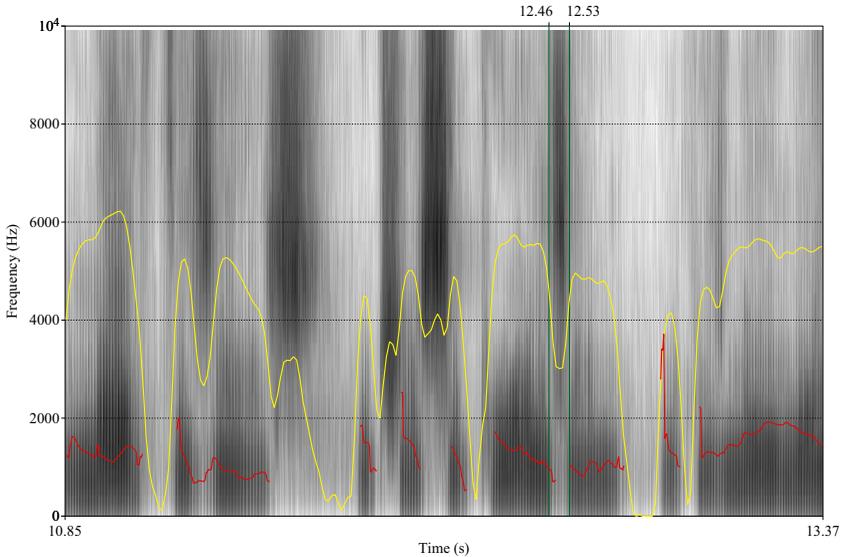

Рис. 4. Спектрограмма *mouth disease which was surprising because normally...* (зеленым цветом обозначен участок интервокального звучания /z/)

В соответствии с результатами, приведенными ранее в таблице, во время чтения текста звонкие фрикативные согласные /ð, v, z/ в сильной позиции оглушались информантами в меньшей степени: озвонченная фаза /ð, v/ составила 88,9% и 87,0% соответственно (по предложенной нами классификации это полнозвучные согласные – более 80% звонкости), а /z/ – 76,3%, т. е. частично оглушенный (50–80% озвончения). В слабой же позиции щелевые /ð/ – 79,8%, /v/ – 67,3%, /z/ – 62,8% можно отнести к группе частично оглушенных согласных, причем тот факт, что звонкий сibilant /z/ и в сильной, и в слабой позиции не реализуется полнозвучно, свидетельствует об уже установившейся тенденции к его систематическому оглушению и постепенной нейтрализации различительного признака звонкости. Это подтверждает процентное соотношение звонкой фазы в другом виде речевой деятельности – спонтанной речи:

- /v/ – 86,9% (в сильной позиции) и 61,1% (в слабой позиции);
- /ð/ – 83,5% (в сильной позиции) и 71,1% (в слабой позиции);
- /z/ – 52,5% (в сильной позиции) и 47,36% (в слабой позиции).

Следует отметить, что в основном оглушение звонких согласных приходится на финальную позицию и, как правило, конечное

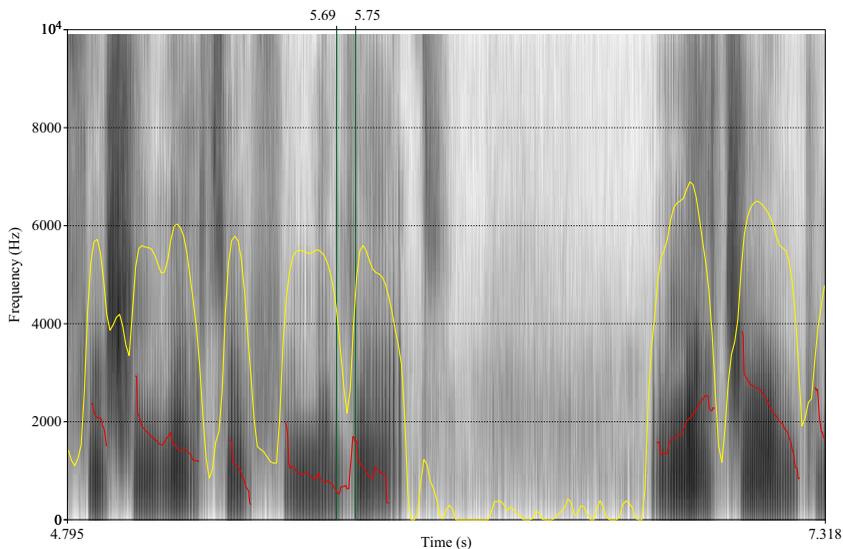

Рис. 5. Спектрограмма высказывания *an official letter from the vet* (границы губно-зубного фрикативного отмечены зеленым)

положение слов во фразе (ср. с рис. 5, на котором исход фразы не сопровождается оглушением губно-зубного /v/ в слове *vet* и всеми участниками эксперимента артикулируется как полнозвучный вариант /v/). С одной стороны, это можно объяснить общим спадом давления в выдыхаемом воздушном потоке на конечном участке фразы. С другой – уравнивание подсвязочного и надсвязочного давления происходит быстрее при артикуляции тех согласных, место произнесения которых находится дальше в ротовой полости, что, по мнению многих исследователей, является одной из возможных причин оглушения звонких фрикативных согласных. Поэтому процент потери звонкости зубных и губно-зубных будет сравнительно меньшим, чем у заальвеолярных и альвеолярных согласных, что подтверждают результаты нашего исследования.

Реализация звонких фрикативных согласных находится под непосредственным влиянием фонетического окружения, как это не раз отмечалось многими учеными [6; 9; 12]. Контекст видоизменяет не только содержание и наполнение различительных признаков согласного (что объясняет существование ряда аллофонов), но и «искажает»

манеру его произнесения. Например, в сочетании *kids there* межзубный /ð/ становится зубным, так как активному артикулятору не хватает времени перейти с альвеол – места артикуляции гоморганных звонких шумных /d/ и /z/ – и достичь области произнесения /ð/, что может привести к изменению спектральной картины самого согласного¹. Рассмотрим другой пример. Позиция звонких фрикативных перед носовым сонантом, как и в интервокальном положении, признана одним из наименее значимых для оглушения контекстов. Но в сочетании слов *sometimes I* при произнесении сибиллянта /z/ воздушный поток, выдыхаемый из легких, направляется не только в ротовую полость, но и частично проходит через нос, что в данном случае объясняет назальную окрашенность фрикативного согласного, обеспечиваемую непрерывной работой носового резонатора при переходе от губного смычного /m/ к сибиллянту /z/. Тем не менее акустические данные свидетельствуют о том, что бóльшую роль здесь играет слабая позиция /z/ и исход слова, а не предшествующий и последующий сегменты (носовой сонант и гласный), которые должны были «поддержать» голосовую составляющую согласного звука (оглушение приходится на 88,8 % всей длительности звучания /z/)².

Таким образом, больший процент оглушения среди отобранных нами звонких шумных щелевых согласных сводится к исходу слова в слабой позиции: усредненный процент оглушения /z/ составляет 32,6% при чтении и 50,5% при говорении; /v/ – 38,9% при чтении и 44,4% при говорении³. Однако для всех информантов была отмечена тенденция оглушать более 80% звучания всего фрикативного, что и с точки зрения восприятия характеризуется как почти полная потеря звонкости. Правда, полученные результаты не позволяют пока говорить об идентичности подобных вариантов частично оглушенных фрикативных и их глухих коррелятов, так как:

во-первых, длительность звучания оглушенных вариантов звонких шумных щелевых согласных /v, z, ð/ колеблется в основном от 0,05 до 0,10 с, что пока не может стать предпосылкой

¹ Ср. с точкой зрения, предложенной Sh. Y. Zhaoa [15].

² Ср. с сочетанием слов *because anyone*, в котором оглушенный участок /z/ меньше почти на 20 % и составляет 70,3 %, что позволяет его отнести к частично звонкому варианту.

³ Случаев конечной позиции /ð/ в ходе эксперимента обнаружено не было.

для их отнесения к глухим коррелятам (например, в слове *Kansas* длительность звучания /z/, произнесенная одним из информантов без какого-либо оглушения, составила 0,05 с, а продолжительность сибиллянта /z/ в том же слове в интерпретации другого информанта – 0,06 с; при этом озвонченная фаза охватила лишь 0,6 % всего звучания сибиллянта);

во-вторых, оглушенный вариант не оказывает особого влияния на длительность предшествующего гласного;

в-третьих, уровень интенсивности оглушенного варианта не отмечен увеличением шумового компонента при отсутствии или недостаточной работе голосовых связок (ср. /s/ и /z/ на рис. 4 в слове *surprising*).

В заключение можно сказать, что наметившаяся языковая тенденция к оглушению звонких согласных постепенно проникает в сущностную характеристику самих согласных и, вполне возможно, в дальнейшем может привести к нейтрализации данного различительного признака в консонантной подсистеме английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гришина Л. В.* Позиционная вариативность признака степени придыхания английских глухих взрывных согласных : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 174 с.
2. *Нугаманова З. А.* Вариативность признака звонкости английских шумных согласных в современном британском произносительном варианте (экспериментально-фонетическое исследование) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 160 с.
3. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. – М. : Аспект пресс, 2000. – 352 с.
4. *Шевченко Т. И.* Социофонетические методы анализа звучащей речи / Т. И. Шевченко, Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, М. О. Кузьмина, Т. В. Сокорева, М. В. Федотова ; под ред. Е. А. Бурой и Т. И. Шевченко. – Дубна : Феникс+, 2015. – 212 с.
5. *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка: очерк французского произношения в сравнении с русским / отв. ред. М. И. Матусевич. – 4-е изд., испр. и расширен. – М. : Изд-во лит-ры на ин. яз., 1953. – 312 с.
6. *Cruttenden A.* *Gimson's Pronunciation of English.* – 7th ed. – London : Hodder Education, 2008. – 362 p.
7. *Davidson L.* *Patterns of Voicing in American English Voiced Obstruents in Connected Speech // Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences.* Glasgow, 10–14 August 2015. – Glasgow : University of

- Glasgow, 2015. – URL : <https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2015/Papers/ICPHS0084.pdf>
8. *Davidson L.* Variability in the implementation of voicing in American English Obstruents // *Journal of Phonetics* / ed. by K. de Jong. – Elsevier B. V., 2016. – P. 35–50.
 9. *Docherty G. J.* An Experimental Phonetic Study of the Timing of Voicing in English Obstruents : Ph.D. diss. – Edinburgh, 1989. – 504 p.
 10. *Eager Ch. D.* Automated voicing analysis in Praat: statistically equivalent to manual segmentation // *Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences. Glasgow, 10–14 August 2015.* – Glasgow : University of Glasgow, 2015. – URL : <http://www.icphs2015.info/pdfs/Papers/ICPHS0083.pdf>
 11. *Giegerich H. J.* English Phonology: An Introduction. – Cambridge : CUP, 2003. – 333 p.
 12. *Ladefoged P.* Phonetic Data Analysis. An Introduction to Fieldwork and Instrumental Techniques. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2011. – 196 p.
 13. *Ladefoged P.* Vowels and Consonants. An Introduction to the Sounds of Languages. – Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2001. – 191 p.
 14. *Verhoeven J., Hirson A. & Basavaraj K.* The Devoicing of Fricatives in Southern British English // *Proceedings of the 17th International Congress of Phonetic Sciences. Hong Kong, 17–21 August 2011.* – Hong Kong, 2011. – P. 2070–2073.
 15. *Zhaao Sh. Y.* Stop-like modification of the dental fricative /ð/: An acoustic analysis // *The Journal of the Acoustical Society of America.* – URL : <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2981115/>

УДК 81'34

М. А. Демина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: malvinademina@rambler.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУПРАСЕГМЕНТНЫХ СРЕДСТВ РЕЧИ

Статья представляет результаты эксперимента, проведенного с участием англо- и русскоговорящих информантов, которым предлагалось ответить на несколько вопросов о счастье на родном языке. Целью эксперимента было выявление наиболее устойчивых ассоциаций, связанных с концептом счастья у представителей двух культур. Исследование основывается на результатах акустического анализа супraseгментных характеристик речи информантов. Данный подход, предположительно, позволяет более объективно оценить значимость некоторых когнитивных признаков исследуемого концепта в языковом сознании носителей английского и русского языков.

Ключевые слова: супraseгментные средства речи; ассоциативный эксперимент; ассоциат; концепт; концептуальный признак; дискурс; просодическая выделенность; акустический анализ; частота основного тона; длительность.

M. A. Demina

Ph.D., Ass. Prof., Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: malvinademina@rambler.ru

LINGUOCULTURAL POTENTIAL OF SUPRASEGMENTAL MEANS OF SPEECH

This article presents details of an experiment with native speakers of English and Russian, who were asked to answer some questions to identify their strongest associations with the idea of happiness. The study is based on the results of acoustic analysis of suprasegmental characteristics of the participants' speech. This approach, hypothetically, may provide a more objective assessment of the role of some conceptual characteristics under investigation in the linguistic consciousness of native English and Russian speakers.

Key words: suprasegmental means of speech; associative experiment; associate; concept; conceptual feature; discourse; prosodic prominence; acoustic analysis; fundamental frequency; syllable duration.

В современной лингвистике, культивирующей идеи лингвокультурной специфики языковых явлений, закрепилось мнение о том, что взгляды на фундаментальные концепты этнокультурно маркированы

и существенно отличаются у разных народов. В связи с этим большое значение приобретают сопоставительные исследования, привлекающие различные методики анализа. Мы полагаем, что экспериментально-фонетические работы также могут внести свой вклад в данную сферу научного интереса. В частности, учет просодической составляющей речи, предположительно, позволяет получить более богатую информацию о восприятии и интерпретации того или иного концепта носителями языка.

В проведенном эксперименте англо- и русскоязычным информантам предлагалось развернуто ответить на несколько вопросов о счастье. В качестве респондентов выступили две англо- и две русскоговорящие девушки в возрасте 27–28 лет. Время звучания подвергнутого анализу аудиоматериала составило 42 мин.

Указанный концепт был выбран не случайно: в настоящее время лингвистика располагает богатым исследовательским материалом, раскрывающим представления о счастье в языковом сознании носителей русского и английского языков. Как правило, подобные работы основываются на кропотливом изучении обширного корпуса текстов различного характера и анализе лексикографических, ассоциативных, дискурсивных и статистических данных. На наш взгляд, накопленные данные представляют собой обстоятельную теоретическую базу для обращения непосредственно к живой, спонтанной речи носителей языка, что, в свою очередь, позволит оценить вклад просодической составляющей устного дискурса в интерпретацию концепта.

Проведенное исследование можно рассматривать как нестандартную форму ассоциативного эксперимента. Как известно, в его классическом варианте принято использовать только первую реакцию респондента на слово-стимул [5]. Вместе с тем, для выявления лингвокультурного потенциала просодических средств речи это малоинформативно. Для указанной цели оптимальным видится дискурсивное описание концепта, подразумевающее соответствующий экспериментальный материал – развернутое монологическое рассуждение на предоставленную тему. Стоит отметить, что дискурсивная реализация концепта признается лингвистами-когнитологами одним из действенных инструментов концептуального анализа и «коррекции» языкового сознания, отраженного в лексическом фонде языка [5]. При этом исследование речевых реализаций какого-либо концепта возможно как

в устной (опрос информантов, интервью), так и в письменной (публицистика, художественные произведения) форме.

В частности, в проведенном эксперименте, отвечая на вопросы, информанты представляли свое понимание счастья не через дефиницию, а через интерпретацию, приводя совокупность признаков, значимых в личном опыте и вызывающих соответствующую повторяющуюся эмоцию. При этом, заметим, что спонтанное говорение на заявленную тему, которое обычно отличает заниженный уровень абстракции при формулировании мыслей, вполне свойственный неподготовленной речи, в определенной мере отражает «обыденное» сознание и языковую способность «среднего» носителя языка [3]. Это представляется весьма ценным, поскольку позволяет верифицировать накопленный теоретический материал по тому или иному концепту, выявив его возрастную, гендерную, национально-культурную вариативность, а также когнитивные признаки, релевантные на данный момент времени в сознании носителей. Добавим также то, что методика анализа спонтанного говорения, вызванного словом-стимулом, является продуктивным инструментом исследования в указанном свете еще и потому, что позволяет определить не только основные концептуальные признаки, но и установить актуальные социокультурные пресуппозиции в сознании людей, на которые нередко указывает интонация говорящего.

Вполне закономерно, что заниженный уровень абстракции спонтанной речи приводит в большей степени к описанию респондентами конкретных условий для счастья, чем к формулированию дефиниций. При анализе ответов в проведенном эксперименте учитывалось каждое упоминание того или иного «источника» счастья, вербально представленное прямыми номинациями, а также с помощью ключевых слов, их синонимов и перифразов. Наиболее частотные лексические единицы (ассоциаты¹) в записанных монологах, ассоциирующиеся у респондентов со словом-стимулом («счастье», «happiness») и представляющие собой «источники», или своеобразные «компоненты» счастья, обобщались в концептуальные признаки и упорядочивались по яркости.

Интерпретация результатов проведенного эксперимента позволяет заключить, что существуют очевидные сходства в представленных

¹ Термин «ассоциат» заимствован из методики проведения ассоциативного эксперимента, описанной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [5].

ассоциациях и в их ранжировании в сознании носителей английского и русского языков. Так, бесспорное лидерство по частоте употребления занимают прямые номинации концепта, а именно такие слова, как *happy*, *happiness* (86 упоминаний), *счастье*, *счастливый*, *счастлив* и др. (54 упоминания). Данный факт представляется вполне закономерным, поскольку, как известно, прямые номинации конструируют концептуальное ядро и, соответственно, должны отличаться высокими показателями частотности в речи. Вместе с тем, стоит заметить, что англоязычные информанты употребляли прямые номинации концепта счастья гораздо чаще, чем русскоязычные, что косвенно может сигнализировать о соответствующем отношении к предмету речи. Очевидно, что для русского человека счастье – непростая тема для рассуждения, так как отсылает к представлениям о жизненном идеале, смысле жизни и о самых сокровенных жизненных ценностях. Подтверждение данной мысли находим в эксперименте исследователя С. Г. Воркачева, в котором каждый пятый респондент отказался отвечать на вопрос: «Что такое счастье в вашем представлении?» [3].

Для англоговорящих же информантов, напротив, счастье видится вполне конкретным, являясь «нормальным» эмоциональным состоянием и даже обязательной составляющей жизни каждого человека:

I think happiness is... whenever you get a chance to indulge your passions or whatever interests you (E1¹).

Everyone's happiness comes from different places... I mean, I know that making on holiday to places I've never really been... that really makes me happy... (E2).

Обе британские девушки единодушно соотносят ощущение счастья с улыбкой, которая в их представлении является безоговорочным внешним признаком счастливого человека:

I think it's easy to make people smile, which is a sign of happiness (E1).

...a happy little memory... that'll put a smile on your face (E2).

Данное наблюдение в очередной раз подтверждает актуальность мысли А. Вежбицкой о более ограниченном, прагматическом характере английского *happy*, широко употребляемого в разговорной речи. В то время как *счастливый* в русском языке имеет «абсолютные»

¹ E1, E2 – англоязычные информанты (Белфаст; Лондон); R1, R2 – русскоязычные информанты (Москва).

коннотации и обычно используется для обозначения редких состояний полного блаженства или совершенного удовлетворения, связанного с такими факторами, как любовь, семья, смысл жизни и т. п. [2].

Если исключить прямые номинации концепта как закономерно частотные, то наибольшей степенью употребления в речи всех информантов характеризуются ассоциаты, которые можно объединить в концептуальный признак «внутреннее состояние». Данные результаты представляются любопытными, так как доказывают, что счастье для носителей английского и русского языков – прежде всего, внутреннее самоощущение. Это, безусловно, свидетельствует о существовании некой общности взглядов на природу счастья у представителей двух культур. Вместе с тем, внутреннее состояние информантов – разного свойства. Так, англоговорящие девушки описательно формулируют родовой признак счастья как *appreciation*, приводя такие ассоциации, как *appreciation, awareness, balance, need, appreciate, realize, inside, happy with yourself* и т. д., свидетельствующие об интерпретации счастья как некой рациональной оценки человеком своего конкретного жизненного опыта или конкретной ситуации:

I think happiness is an appreciation for things around you, which can include love... as well as material things... appreciation that I have a house, that I have food to eat.... knowing that you're stable (E1).

It's like an emotion that makes you appreciate the good things in life. I suppose it can be caused by anything. I suppose it's my brain's way of telling me that something is right or I appreciate something. It's just a reaction to good moments in life (E2).

Русскоязычные же информанты соотносят счастье не столько с рациональной оценкой собственного жизненного опыта, сколько с «состоянием души», формулируя родовой признак концепта следующим образом: *внутренний настрой, духовная наполненность, эмоциональная наполненность, что-то живущее внутри тебя* и т. д.:

Счастье – это что-то неопределенное... неконкретное... это что-то живущее внутри тебя и дающее тебе толчок для дальнейших твоих поступков, для дальнейшей твоей жизни, для дальнейших твоих решений (R1).

Можно сказать, что... внутренняя, эмоциональная наполненность делает человека счастливым. Определить по каким-то критериям счастье нельзя, можно только почувствовать (R2).

Исследователь С. Г. Воркачев, чей ассоциативный эксперимент также показал, что счастье в «обыденном» сознании носителя русского языка интерпретируется как душевное состояние субъекта-индивида, делает вывод: подобное понимание появилось сравнительно недавно, поскольку оно не закреплено в паремиологических единицах, отражающих наиболее ранний пласт представлений народа [3]. Данный факт доказывает, что диахронический срез культурного концепта всегда должен дополняться срезом синхроническим, полученным из опроса информантов и дискурсивной практики в различных сферах.

Таблица 1 иллюстрирует результаты кластерного распределения факторов, упомянутых респондентами. Рядом с общим числом употреблений соответствующего «источника» счастья в речи информантов в скобках приводится его ранг. Эти усредненные данные можно также рассматривать как своеобразные обобщенные «компоненты» счастья в «обыденном» сознании носителей английского и русского языков.

Таблица 1

Ассоциативный кластер	Англоговорящие информанты	Русскоговорящие информанты
Внутреннее состояние	54 (1)	32 (1)
Внешние признаки	36 (2)	9 (5)
Интересы	28 (3)	15 (3)
Близкие люди	25 (4)	23 (2)
Общение	14 (5)	5 (6)
Благосостояние	10 (6)	11 (4)

Интересно, что семья, близкие люди, друзья занимают лишь четвертое место в шкале ранжирования факторов счастья для англоязычных информантов, в то время как референции к личным интересам, любимым занятиям, а также внешним атрибутам счастья в их ответах заметно преобладают. Полученные результаты, возможно, обусловлены возрастом респондентов, однако русскоговорящие девушки того же возраста единодушно ставят семью на первое место в ранге «фелицитарных благ»¹. С. Г. Воркачев объясняет лидирующее положение фактора «семья» в данной возрастной группе русскоязычных информантов

¹ Термин С. Г. Воркачева [3].

тем, что проблемы любви и семьи, как правило, в первую очередь волнуют молодых людей. А во второй половине жизни (в группе «после 30»), по данным исследователя, отмечается снижение ранга фактора «семья», что косвенно может свидетельствовать о том, что в русском менталитете счастье сопряжено с мечтами о будущем [3].

В этой связи, проанализировав доминирующие ассоциации в речи англоязычных респондентов в нашем экспериментальном материале, можно предположить, что в их представлении счастье в большей степени привязано к настоящему, актуальному на данный момент. Однако, чтобы подтвердить высказанное предположение, необходимо провести более детальный ассоциативный эксперимент с привлечением разновозрастных информантов.

Яркость концептуального признака обычно проявляется в частотности обращений к нему в ответах информантов [5]. Вместе с тем, на наш взгляд, она может выражаться и в просодической выделенности речевых реакций (ассоциатов), репрезентирующих его в устном дискурсе. Просодическая выделенность, как известно, отражает мотивированное коммуникативное намерение поместить принципиально важную информацию на передний план, дифференцировав ее тем самым от второстепенной. Таким образом, просодическая выделенность сопряжена с прагматической релевантностью: наиболее яркие в просодическом плане лексические единицы имеют большую значимость в дискурсе и, соответственно, представляют собой определенную важность для говорящего [4].

Просодическая выделенность может достигаться различными путями: повышение тонального уровня, расширение тонального диапазона, увеличение уровня громкости, увеличение / замедление темпа речи и т. д. [6; 9]. Супraseгментные средства, выступая в различных комбинациях, образуют особые акустические эффекты, которые могут сигнализировать о наличии эмфазы, модальности, эмоций. При этом на все многообразие экспликаций фонетических средств влияют и такие факторы, как региональные варианты произношения и социальные предпосылки (возраст, пол, образование, профессия и др.) [6]. Лексическая единица воспринимается выделенной только относительно общего просодического фона звучащей речи, что всегда предполагает исследование также усредненных просодических параметров как референтных значений при описании более ярких, контрастирующих форм.

Акустический анализ супraseгментных характеристик (частота основного тона, длительность ударного слога) выделенных ассоциатов, проведенный с помощью компьютерной программы Speech Analyzer (версия 3.0.1.), оказался весьма информативным в контексте интерпретации результатов настоящего эксперимента. Обращение к акустическим характеристикам речи позволяет объективно оценить просодическое оформление ассоциатов в спонтанных монологах информантов и впоследствии ранжировать ассоциативные кластеры по степени их супraseгментной выделенности.

Частота основного тона, как известно, является ведущим акустическим параметром, способствующим восприятию мелодики речи. В экспериментально-фонетических исследованиях акустический анализ ЧОТ предполагает измерение средних значений в герцах, а также оценку широты диапазона. В проведенном эксперименте оба этих параметра оказались информативными. Таблицы 2 и 3 содержат некоторые примеры ассоциатов в речи четырех информантов и иллюстрируют процесс анализа их частотных показателей.

Так, наивысшими показателями ЧОТ в ответах всех информантов, не зависимо от языка, закономерно отличаются прямые номинации концепта, средние значения ЧОТ которых существенно превышают аналогичные показатели других ассоциатов, а также средние показатели ЧОТ всей речи информантов в целом. Напомним, что прямые

Таблица 2

Средние показатели ЧОТ некоторых ассоциатов (Гц)

E1	179 ¹	E2	229	R1	184	R2	197
Happy	266	Happy	284	Счастье	252	Счастье	271
Stable	255	Emotion	250	Друзья	242	Любовь	242
Material	224	Career	248	Родные	238	Чувствовать	239
Food	216	Money	248	Забота	234	Боимся	211
Joke	205	Appreciated	240	Настрой	229	Открытия	206
Smile	195	Friends	239	Музыка	222	Творчество	199
Appreciation	189	Family	238	Чувство	198	Достаток	198
Family	186	Holiday	234	Внимание	194	Путешествия	198
Friends	184	Interests	228	Радуются	192	Работа	188
Socialising	178	People	217	Знакомства	188	Миллион	184

¹ Зд. и далее в таблицах 3 и 4 приводятся соответствующие средние акустические показатели речи информанта.

Интервал ЧОТ некоторых ассоциатов (пт)

E1	2.2	E2	4	R1	5.6	R2	6.7
Happy	4.7	Happy	6.7	Счастливой	8.5	Счастье	9
Feeling	3.4	Heart	5.1	Родные	7.6	Чувствовать	8.7
Stable	3.3	Career	4.6	Забота	6.8	Любовь	8.5
Material	2.6	Appreciated	4	Друзья	6.7	Работа	8.1
Joke	2	Money	3.7	Настрой	6	Путешествия	8
Smile	1.8	Emotion	2.9	Музыка	4.3	Открытия	6.9
Love	1.4	Smile	2.6	Материальные	3.4	Миллион	6.1
Family	1.2	Family	2.4	Знак	2.8	Внимание	6
Learning	1	Holiday	2.4	Радуются	2.8	Радовать	5.8
Share	0.7	People	2	Знакомства	2.4	Люди	4

номинации занимают бесспорное лидерство и по частоте употребления в речи респондентов. Полученные акустические и статистические данные представляются весьма показательными, поскольку, на наш взгляд, подтверждают отношение указанных лексических единиц к концептуальному ядру и к центру ассоциативного поля и тем самым доказывают состоятельность выбранного подхода.

Примечательно, что прямые номинации рассматриваемого концепта также отличаются наивысшими показателями относительно параметра тонального диапазона, который в целом, в силу объективных причин, в нашем исследовании оказался менее информативным (см. табл. 3).

При этом степень выделенности ассоциатов в русской спонтанной речи гораздо ярче и значительно превышает средний диапазон речи информантов. Полученные данные можно интерпретировать, обратившись к основным акцентно-мелодическим особенностям русской речи. Большинство ассоциатов в монологах русскоговорящих респондентов оформлялось с помощью интонационных конструкций (ИК) -3 и -6, которые, как известно, включают значительное (резкое в случае ИК-3 и более плавное в случае ИК-6) повышение тонального уровня [1], что, на наш взгляд, и обусловило расширение мелодического диапазона на интонационно выделенных лексических единицах. Приведем пример:

Счастье (ИК-6)... счастье (ИК-3) – это видеть глаза (ИК-1) любимого человека; это видеть, что счастливы (ИК-6) твои родные (ИК-1); видеть, что друзья (ИК-3), которых ты любишь (ИК-3), ждут (ИК-1) тебя и радуются (ИК-2) при встрече с тобой (R3).

Представляют интерес в настоящем эксперименте и данные по средней длительности ударного слога. В речи всех информантов выделение ассоциатов сопровождалось замедлением темпа речи, что, по мнению фонетистов, является средством интенсификации, подчеркивающим прагматический потенциал сказанного [6]. Интересно, что, несмотря на краткий гласный в ударном слоге, английские прямые номинации *happy*, *happiness* оказываются наиболее выделенными и в этом аспекте (см. табл. 4).

Таблица 4

Средняя длительность ударных слогов некоторых ассоциатов (мс)

E1	129	E2	120	R1	136	R2	155
Happy	216	Happiness	196	Счастье	232	Счастье	229
Stable	184	Smile	192	Родные	223	Гармония	203
House	184	Food	192	Настрой	218	Любимые	199
Smile	183	House	190	Музыка	216	Близкие	186
Appreciation	177	Appreciation	187	Друзья	167	Природа	177
Love	176	Passions	186	Забота	166	Любовь	171
Balance	173	Family	181	Материальные	158	Работа	168
Family	171	Holiday	179	Радуются	158	Достаток	168
Interests	169	Listening	177	Внимание	156	Путешествия	165
People	157	Drinks	170	Отзывчивость	156	Встречи	165

Приведенные параметры речи информантов, в особенности показатели средних значений ЧОТ и средней длительности ударного слога, дают основания пересмотреть ранжирование ассоциативных кластеров, выявленное на основе статистических данных выше (см. табл. 1). По единодушному признанию исследователей, просодические характеристики речи гораздо труднее контролировать, чем вербальное поведение. В этой связи, именно просодико-интонационная вариативность речи зачастую выдает концептуальные установки говорящего, отражая национально-культурные предпосылки, а также эмоционально-модальную составляющую дискурса [6]. Таблицы 5 и 6 приводят градацию выявленных концептуальных признаков согласно степени их просодической выделенности.

Интересно, что шкалы ранжирования, полученные на основе статистического подсчета частотности ассоциатов в ответах и в результате анализа акустических показателей речевых реакций, в большей

степени совпадают у русскоязычных информантов и заметно расходятся у англоязычных (ср. табл. 1, 5, 6). Вероятно, можно говорить о том, что русскоязычные девушки были более искренними в своих ответах, тогда как английской речи свойственна некоторая «вербальная недосказанность», связанная с тем, что в культуре не принято выражать свое отношение к чему-либо открыто. Истинные оценки, как правило, не высказываются прямо, а передаются имплицитно, в чем исключительную роль играют именно просодические и интонационные средства [4].

Таблица 5

**Распределение ассоциативных кластеров
по данным акустического анализа речи англоязычных информантов**

Ассоциативный кластер	ЧОТ (Гц)	ЧОТ (пт)	СДС (мс)
1. Благополучие	238	4	188
2. Внешние признаки	220	2.4	187
3. Внутреннее состояние	218	3.8	183
4. Близкие люди	210	1.7	179
5. Интересы	194	1.6	175
6. Общение	186	1.2	168

Таблица 6

**Распределение ассоциативных кластеров
по данным акустического анализа речи русскоязычных информантов**

Ассоциативный кластер	ЧОТ (Гц)	ЧОТ (пт)	СДС (мс)
1. Близкие люди	230	7.4	196
2. Внутреннее состояние	220	6.8	208
3. Интересы	206	6.5	170
4. Благополучие	196	5.8	165
5. Внешние признаки	193	4.3	162
6. Общение	186	3.5	160

Согласно результатам акустического анализа речи англоговорящих респондентов, в просодическом плане наиболее выделенными оказываются ассоциаты, которые можно обобщить в такие кластеры, как «благосостояние» и «внешние признаки», что в определенной степени согласуется с различными теоретическими исследованиями, связывающими представления о счастье в англоязычном сообществе с гедоническими взглядами на жизнь [7; 8]. Например, полученные результаты коррелируют с выводами психологов, которые определяющим условием счастья в западной культуре считают благосостояние, влияющее на удовлетворенность жизнью в целом [8]. Последнее же, по данным нашего эксперимента в том числе, прочно связано в англоязычном сообществе с представлениями о счастье. При этом исследователи указывают на то, что этот факт является результатом определенной эволюции представлений о счастье, которое в «обыденном» сознании носителя английского языка больше не ассоциируется с удачей, добродетелью и небесной благодатью [8], а трактуется в терминах гедонической концепции, признающей счастьем наслаждение и удовольствие.

Что касается русскоязычных информантов, то в их речи наиболее просодически выделенными оказываются языковые единицы, относящиеся к признакам «близкие люди» и «внутреннее состояние». Подобные результаты не позволяют трактовать представления о счастье русских людей как о наслаждении. Тем не менее достаточно яркая просодическая репрезентация характеризует и ассоциативные кластеры «интересы» и «благосостояние». Интересно, что С. Г. Воркачев на основе классического ассоциативного эксперимента тоже делает вывод о том, что в современном «обыденном» сознании русского человека список «фелицитарных благ» включает семью, любовь, самореализацию, а также материальный достаток [3]. Вместе с тем, здесь имеются и определенные отклонения от традиционного понимания счастья, представленного в фольклорном языковом сознании паремическими единицами, где главенствующими, по мнению исследователей, являются «стоические» представления о счастье как о добродетельной жизни, смирении перед своей судьбой, совестливости («Где правда, там и счастье»; «Счастлив тот, у кого совесть спокойна» и др.), где настойчиво подчеркивается независимость счастья от материального достатка («Не в деньгах счастье»; «Счастья за деньги не купишь» и др.) [3].

По нашим данным, счастливая жизнь, в представлении русскоязычных информантов, все же предполагает материальный достаток и успешную карьеру, однако этот фактор занимает пока четвертое место в шкале ранжирования «источников» счастья. Вместе с тем, упоминание указанных ассоциатов свидетельствует о вариативности представлений о счастье, а также о том, что, вероятно, концептуальный признак «благополучие» будет укрепляться в сознании носителей русского языка со временем.

В целом, проведенное исследование показало, что англо- и русскоязычные участники эксперимента перечисляли похожие «компоненты» счастья, однако иерархия и ассоциативное наполнение выявленных кластеров заметно различаются. Национально-культурная вариативность концепта касается также характеристик и оценок, приписываемых тому или иному «источнику» счастья. В настоящем эксперименте мы сознательно выделили одинаковое количество ассоциативных кластеров для англо- и русскоязычных информантов, остановившись в большей степени на схожих идеях в их ответах. Подобная симплификация позволила нам наглядно проиллюстрировать определяющую роль просодических средств в выявлении градации концептуальных признаков в «обыденном» сознании носителей языка.

Не вызывает сомнений и то, что в действительности содержание рассматриваемого концепта намного сложнее и его всестороннее изучение требует целого комплекса исследовательских приемов и привлечения разнообразных источников экспериментального материала. По справедливому замечанию С. Г. Воркачева, шкала «условий» счастья в различных национально-культурных средах представляет собой нечеткое множество [3]. Однако подобная сложность, на наш взгляд, только стимулирует научный интерес и заставляет исследователей самых разных областей вновь обращаться к данной теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. – М. : Наука, 1969. – 99 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
3. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
4. *Демина М. А.* Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 254 с.

5. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ : «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
6. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 602–616.
7. *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. – М. : ПРОГРЕСС, 1981. – 365 с.
8. *Kesebir P., Diener E.* In Pursuit of Happiness. Empirical Answers to Philosophical Questions // Perspectives on Psychological Science. – URL : <http://www.internal.psychology.illinois.edu>
9. *Wells W. H. G.* An Experimental Approach to the Interpretation of Focus in Spoken English // Intonation Discourse. – London, Sydney : Croom Helm, 1986. – P. 53–75.

УДК 81'34

Е. А. Зеленкова

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: lisa992@bk.ru

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ВЗРОСЛОГО
В РАЗГОВОРЕ С РЕБЕНКОМ
(на материале британского варианта английского языка)**

Статья посвящена рассмотрению фонетических особенностей речи взрослого, обращенной к ребенку, а именно речи матерей, отцов и других лиц, его окружающих, – носителей английского языка. В работе также предпринимается попытка выявить факторы, которыми обусловлена необходимость использования в речи взрослых специфических фонетических характеристик, способствующих нормальному психическому и физиологическому развитию ребенка.

Ключевые слова: регистр общения с детьми (РОД); речь матери, обращенная к ребенку; высокий тон голоса; большой диапазон частот; замедленный темп речи; более четкая артикуляция; функции РОД; усвоение родного языка.

E. A. Zelenkova

Teacher, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: lisa992@bk.ru

**PHONETIC PECULIARITIES OF ADULTS' SPEECH
ADDRESSED TO CHILDREN
(based on the British variant of the English language)**

The article deals with the phonetic peculiarities of the speech addressed to English-speaking children by their parents and caretakers. The research offers a survey of the factors that predetermine the use of the phonetic features and accounts for the necessity of their presence in adults' speech. The paper also reveals the results of the experimental study concerning melodic patterns of child-directed speech.

Key words: baby talk; child-addressed speech; child-directed speech; higher pitch; greater range of frequencies; slower tempo; clearer enunciation; nursery language.

Речь взрослого, адресованная маленькому ребенку (обычно от рождения и до 4–5 лет), обладает рядом достаточно устойчивых черт (как собственно лингвистических, так и социолингвистических), которые связаны с особенностями речевого общения между взрослым

и ребенком – разной языковой компетенцией коммуникантов и необходимостью поддерживать диалог без опоры на партнера [2; 6]. Т. О. Гаврилова для описания языкового варианта, черты которого связаны с параметрами коммуникации, предлагает использовать социолингвистический термин «регистр».

Исследование регистра общения с детьми (далее РОД) интересно тем, что позволяет понять особенности такого рода коммуникации, определить используемые в ней стратегии. Также можно рассматривать данный языковой материал как входные данные и оценивать его с точки зрения того, какие речевые образцы он предоставляет в распоряжение ребенка, и то, насколько он эффективен. В центре внимания при этом находится взрослый, лингвистические особенности его речи, обусловленные статусом собеседника – ребенка, и то, как старший коммуникант решает задачу построения коммуникации со слабой поддержкой партнера по диалогу.

В зарубежной традиции языковой вариант, используемый при общении взрослого с маленьким ребенком, чаще всего именуется *baby talk*. Существуют и другие названия, которые встречаются в более ранних работах исследователей: *nursery language*, *nursery forms* (под этими словосочетаниями понимаются, как правило, только лексические единицы регистра), *children / child directed speech*. Заметим, что в отечественной традиции не сложилось единого термина для обозначения изучаемого явления. *Baby talk* обычно переводился на русский язык как «автономная детская речь». В данной работе мы считаем возможным остановиться на термине РОД (регистр общения с детьми), который представляется достаточно удобным.

Исследования РОД начались с описания регистра в некоторых языках без серьезных попыток выявить его универсальные характеристики. Наиболее известны работы Дж. Касагранде (язык команчи) [4], А. Келкар (язык маратхи) [11], Ф. Вёглин (язык хидаса) [15], Ч. Фергюсона (арабский язык) [5].

Появились также и обобщающие труды, среди которых основное место принадлежит работам Чарльза Фергюсона. Именно он предпринял попытку описать и охарактеризовать процессы упрощения, основываясь на анализе 22 языков, в том числе арабского, берберского, языка команчи [5]. Несмотря на то, что природа РОД долгое время оставалась без внимания, лингвист находит доказательства

существования этого регистра уже в I в. до н.э., а именно в трудах римского ученого-энциклопедиста Марка Теренция Варрона [10].

Ч. Фергюсон предположил, что некоторые черты РОД могут носить универсальный характер, а М. Льюис в книге «How children learn to talk» говорил об универсальности данного явления [12].

К интересным фактам можно отнести и то, что модификации, происходящие в РОД, присутствуют и при общении человека с животными, и между влюбленными [5]. Однако подлинный интерес к РОД проявился в 1967 г. после предложения Ноама Хомского изучить речь матерей с точки зрения входных данных (*linguistic input*), которые получает ребенок, и их вклад таких данных в усвоение родного языка. Уже в 1975 г. О. Гарника записала серию интервью, в которых матери разговаривали со своими детьми двух–пяти лет, и дала отчет о проделанном анализе в работе «Some prosodic and paralinguistic features of speech to young children» [8]. Таким образом, представляется, что именно Ч. Фергюсон и О. Гарника впервые затронули вопросы, связанные с фонетической стороной РОД.

Говоря о важности РОД, отметим, что данный регистр используется не только для упрощения процесса общения между ребенком и взрослым, но и в качестве регистра, позволяющего младшему коммуниканту выучить язык. К примеру, речь взрослых становится медленнее, склонной к повторам, а также приобретает фонетически более выраженные интонационные контуры. Н. Барон [3], О. Гарника [8] также говорят об организации речи с помощью синтаксически простых и нераспространенных предложений. Проведенные лингвистами эксперименты доказывают, что такие изменения выполняют несколько функций, и именно помогают ребенку различать звуки, находить границы слов в потоке речи и даже улавливать эмоциональный настрой взрослого.

Опираясь на цели и природу РОД, Н. Барон в своей книге «Pigeon – birds and rhyming words: the role of parents in language learning» выделяет несколько черт, присущих данной речи [3]. Исследователь предлагает структурировать их по четырем уровням. К основным, по мнению ученого, можно отнести фонологические, лексические, синтаксические и коммуникативные особенности.

Остановимся на *фонологических особенностях*, которые в отечественной традиции считаются фонетическими. Это:

- более высокий тон голоса (*higher pitch*);

- большой диапазон частот (*greater range of frequencies*);
- замедленный темп речи (*slower rate of speech*);
- более четкая артикуляция (*clearer enunciation*);
- особое подчеркивание (выделение) одного или двух слов в предложении (*emphasis on one or two words in a sentence*);
- особое произношение некоторых слов (*special pronunciation of individual words*).

Данные характеристики будут более подробно рассмотрены нами ниже, здесь же попытаемся доказать обусловленность РОД, его цели и функции.

Учитывая, что основная *цель родителей* – быть понятыми, становится очевидным: для установления успешной коммуникации они ограничивают себя языковыми средствами, известными ребенку или теми, которые он в перспективе готов воспринять или усвоить. Это обуславливает заимствование взрослыми некоторых черт детской речи. К примеру, Дж. Сакс и М. Джонсон [14], а также О. Гарника [8] заметили, что взрослые и дети используют между собой более высокий тон голоса, чем взрослые при разговоре со сверстниками.

Это дает основание полагать, что РОД является упрощенным регистром, полученным из речи взрослого. Ч. Фергюсон описал несколько существенных *процессов преобразования*. Это ограничения, во-первых, по структуре, во-вторых, по количеству информации, в-третьих, модификации посредством процессов упрощения и сокращения, которые порождают формы, облегчающие понимание языка ребенком [5]. Так, РОД исключает звуки, артикуляция которых требует больших усилий и внимания, заменяя их более простыми, претерпевшими ассимиляцию или образовавшимися по принципу гармонии гласных. Например, в английском языке звук [r] в речи взрослого превращается в [w] в РОД, т. е. слово *rabbit* будет звучать как *wabbit*. В целом, плавные звуки (*liquids*) в большинстве своем опускаются или заменяются губными или апикальными согласными, а иногда носовыми, губными или небными промежуточными звуками (*glides*). Соответственно, можно предположить, что есть определенная корреляция между данным фактом и тем, что звук [r], а также и [l], в английском языке являются последними по времени произнесения ребенком.

К другим важным функциям РОД можно отнести *привлечение внимания ребенка*, подачу четких эмоциональных сигналов, помощь

в обучении разговорному языку, создание эмоциональной связи между взрослым и ребенком, помощь в познании мира, создание и поддержание коммуникации.

Что касается функций фонетических компонентов РОД, то такие исследователи, как Н. Барон, выделяют *педагогическую, информативную, контролирующую, эмоциональную* функцию и функцию *социального взаимодействия* [3]. Исследователь утверждает, что существуют семь фонологических характеристик, отличающих речь, адресованную ребенку, от той, что рассчитана на взрослую аудиторию. По ее мнению, это более высокий тон голоса, более широкий диапазон, более длительные паузы, большее количество повторов просодических элементов, преувеличенные интонационные контуры и использование шепота, а также более короткие высказывания [3]. Подчеркнем, что данные черты рассматриваются как фонетические в русской лингвистической традиции, а фонологическими их можно называть в случае, если они позволяют различать значения. Далее мы будем придерживаться классификации и терминологии, используемых российскими учеными.

Первая и наиболее важная просодическая особенность РОД – *использование более высокого тона голоса* [3]. Эту черту автор называет природной, или врожденной. Чтобы доказать это, Н. Барон просила своих студентов записать игровую сессию с детьми от двух до четырех лет, а затем проанализировать эту запись. Оказалось, что несмотря на общие усилия не допустить изменений своей речи, все студенты начинали говорить с ребенком более высоким голосом.

Этот феномен наблюдается и в других языковых сообществах, например, в американском варианте английского языка, в немецком, в испанском, в мандаринском китайском [3].

В то же время, использование высокого тона будет неодинаково, если рассматривать несколько семей представителей одного языка. Здесь также имеет значение образование родителей. Например, матери с высшим образованием будут применять менее высокий тон голоса, чем матери без такого образования. Вариативность высоты тона также заметна и при соотнесении с возрастом ребенка. Так, О. Гарника выяснила, что более высокий тон используется при разговоре с ребенком двух лет и младше, но при разговоре с пятилетним ребенком высота тона почти приравнивается к высоте тона в общении со взрослым.

Вторая просодическая особенность РОД – это *более широкий тональный диапазон*, а именно более выраженная, чем во взрослой речи, модуляция уровня тона в предложении (*greater than normal modulation of pitch across the utterance*). О. Гарника описывала опыт, который Ремик провел в 1971 г. Исследователь измерил средний диапазон в РОД и пришел к выводу, что этот параметр варьируется в зависимости от возраста ребенка. При общении с детьми более младшего возраста характерно расширение верхней границы диапазона [8]. Интересно и то, что даже младенцы реагируют на определенную частоту звука: они либо поворачивают голову или глаза в направлении стимула, либо открывают и закрывают глаза. Наблюдается также изменение частоты сердцебиения [7].

Третья особенность – *сниженный темп РОД*. Речь, темп которой снижается практически на половину, становится более ясной и четкой. Заметим: те же процессы можно наблюдать и в речи преподавателя иностранного языка. РОД может рассматриваться в этой связи как способ облегчить коммуникацию и развить социальные навыки.

Четвертая немаловажная черта материнской речи – *постановка специального ударения* на одном или двух словах в предложении. Разница в сравнении со взрослой речью заключается в том, что в предложении, где обычно используется только одно логическое ударение, их становится два. К примеру, в предложении *So that's a Dinosaur*, в котором в речи взрослых будет выделен только слог *din*, в РОД появится второе ударение на словах *that's* [8].

В свою очередь, О. Гарника обобщает просодические и паралингвистические особенности родительской речи, выделенные разными лингвистами.

В соответствии с ее данными, происходит *изменение тона*: большинство предложений, которые являются грамматически повествовательными, иногда классифицировались как *вопросительные* из-за наличия у них подъема. Лишь небольшой процент вопросительных предложений содержал вопросительное слово или инверсию. Фактически, если адресантом был двухлетний ребенок, то с восходящим тоном произносились как утвердительные, так и повелительные предложения, хотя в речи взрослых этот тон более свойственен вопросам.

Необычным и неожиданным открытием оказалось, по мнению О. Гарника, *использование взрослыми шепота*. При разговоре

с двухлетними детьми он присутствует в одном предложении из шести. Иногда все предложение произносится шепотом, но чаще всего так звучат несколько слогов в последней синтагме.

О. Гарника проанализировала также такой параметр, как *средняя длительность слога* в речи взрослых и в РОД. В ее эксперименте в каждом из шести предложений содержался глагол (*push in / take out*) и название цвета (*green / red / blue / orange / purple / brown*). Средняя длительность произнесения слогового ядра (*syllable nucleus*) в миллисекундах измерялась компьютером. Оказалось, что в глаголах она была выше во время общения с ребенком, чем в беседе взрослого с ровесниками. Также прослеживалась тенденция к удлинению слога в названии цвета в РОД. Кроме того, в разговоре с двухлетними детьми наблюдалось удлинение слога как в глаголах, так и в прилагательных, обозначающих цвета, в то время как при разговоре с пятилетними детьми матери удлинляли слог лишь в названии цвета.

Относительно *ритма и распределения времени (rhythm and temporal patterning)* заметим следующее: во всех культурах присутствуют те или иные песни, считалки, игры, припевы и другие языковые явления, используемые для общения с ребенком. Так, один из исследователей РОД – профессор Калифорнийского государственного университета Эрнст Мёрк – предположил, что это универсальная черта языкового регистра, а также описал типичные модели ритмического взаимодействия англоговорящих мам и детей [13]. Данные модели обычно используют определенную ритмическую структуру, рифму и удвоение звуков. Особый интерес представляет эксперимент, описанный в статье О. Гарника. Так, в 1974 г. Кондон и Сандерс (*Condon and Sanders*) проигрывали новорожденным речь взрослых в регистре РОД и записывали на камеру телодвижения младенцев. Выяснилось, что дети двигались синхронно с голосами взрослых. Чтобы исключить вариант случайного совпадения, исследователи также проанализировали движения испытуемых во время звучания голоса, обращенного ко взрослому, и не нашли никакой корреляции. Эти данные свидетельствуют о том, что дети реагируют на ритм и распределение времени при произнесении слов взрослыми в регистре РОД [8; 9].

Кроме того, когда взрослые *имитируют детский лепет*, чтобы привлечь внимание новорожденного, они используют довольно высокий процент взрывных согласных, особенно звонких. Даже лексика РОД

характеризуется наличием в составе слов взрывных звуков. Большое количество работ посвящено теме, доказывающей лингвистическую важность раннего введения этой группы согласных в речь. Можно ожидать, что они важны для развития навыков восприятия младенца. Так, в ряде трудов было доказано, что дети способны различать согласные [b], [p], [d], [t] [13]. Однако в отличие от перцептивных навыков различения данных звуков, умение продуцировать эти контрастные фонемы приходит постепенно. Между тем О. Гарника уверена, что самые ранние фонематические контрасты, которые дети производят в своей речи, всегда включают пару взрывных согласных.

Проанализированные данные позволяют утверждать, что именно благодаря фонетическим особенностям речи взрослого ребенок обращает внимание на адресованную ему речь, вычленяет слова в потоке, усваивает язык, а также делает первые шаги на пути к коммуникации с внешним миром.

Для подтверждения или опровержения упомянутых здесь экспериментальных данных относительно особенностей речи взрослого, обращенной к ребенку, а также получения новых данных о фонетических особенностях РОД нами был проведен специальный эксперимент. Заметим, что особый акцент сделан на наиболее яркий и выразительный компонент просодии – мелодику речи.

Именно мелодика в гораздо большей степени, чем другие составляющие просодии, способна передавать эмоционально-модальные отношения коммуниканта к высказыванию. Как было замечено ранее, для речи регистра общения с детьми характерны следующие особенности мелодики:

- высокий тональный уровень;
- расширенный тональный диапазон;
- употребление восходящего тона в утвердительных высказываниях.

Подчеркнем при этом, что в научной литературе других сведений относительно мелодических особенностей РОД, насколько нам известно, нет. Между тем представляется важным определить, насколько выразительным, ярким и богатым может быть общий мелодический рисунок речи взрослого, обращенной к ребенку.

Выразительность и богатство мелодики определяются, прежде всего, наличием, а точнее, степенью разнообразия мелодических шкал и тонов.

Целью проведенного нами эксперимента было выяснить, насколько разнообразен репертуар указанных единиц мелодики, а также какие тоны и шкалы являются наиболее характерными для интересующего нас регистра речи.

Материалом для эксперимента послужил отрывок из сказки о кошке, читаемой детям от 2 до 5 лет. Диктор – Энди Дэй – теле- и радиоведущий канала BBC для детей. Длительность звучания этой сказки составила 6,25 мин. Результаты аудиторского анализа экспериментального материала, проведенного двумя опытными фонетистами, отражены в таблицах 1 и 2.

В таблице 1 указана частотность употребления тонов: общее количество каждого, а также их количество в финальных и нефинальных синтагмах (в %).

Таблица 1

Частотность употребления тонов

Тоны	Общий процент в тексте	В конечных синтагмах (в %)	В неконечных синтагмах (в %)
Низкий нисходящий тон	7	5	2
Средний нисходящий тон	35	17	18
Высокий нисходящий тон	21	9	12
Низкий восходящий тон	7	3	4
Средний восходящий тон	10	2	8
Высокий восходящий тон узкого диапазона	1	1	–
Средний линейно- восходящий тон	4	2	2
Средний ровный тон	5	–	5
Нисходяще-восходящий тон	9	4	5
Восходяще-нисходящий тон	1	–	1

Как следует из приведенных в таблице 1 данных, наиболее частотными, используемыми в указанном регистре речи, являются средний нисходящий (35%) и высокий нисходящий (21%) тоны. Отмечен также весьма высокий процент употребления низкого и среднего

восходящих тонов (17%), что, заметим, согласуется с данными упомянутых выше исследователей просодии речи взрослого, обращенной к ребенку.

В таблице 2 указана частотность употребления различных типов шкал, используемых в исследуемом регистре речи (в %).

Таблица 2

Частотность употребления шкал

Шкалы	Частотность употребления (в %)
Постепенно нисходящая ступенчатая шкала	8
Неполная постепенно нисходящая ступенчатая шкала	30
Постепенно нисходящая ступенчатая шкала со специальным подъемом	1
Постепенно нисходящая скользящая шкала	2
Постепенно восходящая шкала	3
Неполная восходящая шкала	2
Неполная нисходящая скандентная шкала	2
Неполная восходящая скандентная шкала	5
Постепенно нисходящая ступенчатая шкала со специальным падением	1
Низкая ровная шкала	2
Высокая ровная шкала	8
Разнородная шкала	16
Расчлененная интонационная модель [1]	20

Анализ данных, приведенных в таблице 2, позволяет сделать вывод, что в исследуемой нами речи наиболее частотными являются неполная постепенно нисходящая ступенчатая шкала (30 %), расчлененная интонационная модель (20%) и разнородная шкала (16%). Заметим, что последние две просодические модели относятся к разряду эмпатических. Что же касается частого употребления неполной нисходящей ступенчатой шкалы, то она, так же как и расчлененная интонационная

модель, воспринимается как весьма яркая и выразительная, поскольку состоит из одного высокого (подчеркнем особо: *высокого*) ударного слога и одного тона, что способствует восприятию этой шкалы как эмфатической.

Таким образом, проведенный нами эксперимент, с одной стороны, в целом подтвердил имеющиеся в научной литературе данные относительно просодических характеристик, а именно мелодики, регистра общения с детьми; а с другой, – выявил новые предварительные данные, касающиеся особенностей мелодического компонента просодии данного регистра речи.

Мы рассмотрели фонетическую сторону модификации речи взрослого, которая позволяет ему «встать на ступень ниже» и обеспечить успешное общение с ребенком, у которого набор перцептивных и продуктивных лингвистических умений остается весьма ограниченным. Данные процессы лежат в основе усвоения языка – как родного, так и иностранного. Что касается самих фонетических явлений, мы выяснили, что это более высокий тон голоса (по сравнению с высотой, используемой в речи взрослых), расширение тонального диапазона, замедленный темп речи, которые обуславливают ясность и отчетливую артикуляцию. Характерными чертами РОД также являются наличие дополнительного интонационного центра во фразе, шепот и определенная ритмичность.

В данной статье была предпринята попытка обобщить и систематизировать терминологию, функции, а также фонетические особенности регистра общения с детьми. В перспективе представляется интересным более подробно рассмотреть реакцию детей на стимул взрослых на уровне просодии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веренинова Ж. Б.* Продуктивные интонационные модели английского звучащего текста // Фонетико-фонологические аспекты дискурса. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2013. – С. 32–40. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 1 (661). Сер. Языкознание и литературоведение).
2. *Гаврилова Т. О.* Типы текстов в регистре общения с детьми // Семантические категории в детской речи. – СПб. : Нестор-История, 2007. – С. 384–403.
3. *Baron N. S.* Pigeon-birds and rhyming words: the role of parents in language learning // Englewood Cliffs. – N.J. : Prentice Hall, 1990. – 142 p.

4. *Casagrande J. B.* Comanche Baby language // International Journal of American Linguistics. – Vol. 14. – 1948. – P. 11–14.
5. *Ferguson C.* Baby talk as a simplified register // Catherine Snow, Charles Ferguson (eds.). Talking to Children. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – P. 215–237.
6. *Fernald A.* Intonation and communicative intent in mothers' speech to infants: Is the melody the message? // Child Development, 60. – 1989. – P. 1497–1510.
7. *Fernald A.* Approval and disapproval: Infant responsiveness to vocal affect in familiar and unfamiliar languages // Child Development, 64. – 1993. – P. 657–674.
8. *Garnica O.* Some prosodic and paralinguistic features of speech to young children // Catherine Snow, Charles Ferguson (eds.). Talking to Children. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – P. 63–89.
9. *Garnica O.* Some characteristics of prosodic input to young children : Unpublished Ph.D. diss. – Stanford University, 1975.
10. *Heraeus W.* Die Sprache der romischen Kinderstube // Archiv für lateinische Lexicographie. – Vol. 13. – 1904. – P. 149–172.
11. *Kelkar A. R., Trisal P. N.* Kashmiri word phonology: a first sketch // Anthropological Linguistics. – 1964. – P. 13–22.
12. *Lewis M.* How children learn to speak. – London : George G. Harrap. – 1957. – 143 p.
13. *Moerk E. L.* Principles of interaction in language learning // Merrill-Palmer Quarterly. – № 18. – 1972. – P. 229–257.
14. *Sachs J., Johnson M.* Language development in a hearing child of deaf parents // Engel W. Raffler, Y. LeBrun (eds.). Baby talk and infant speech. – 1976. – Neurolinguistics 5. – P. 246–252.
15. *Voegelin C. F., Voegelin F. M.* Obtaining a linguistic sample // International Journal of American Linguistics. – Vol. 20. – 1954. – P. 89–100.

УДК 81'34

И. Л. Зонтова

старший преподаватель кафедры фонетики
английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: ms.academ@bk.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПАУЗ В СПОНТАННОМ ДИСКУРСЕ (на материале английского диалогического дискурса)

В статье обсуждаются вопросы формального и функционального подходов к классификации пауз, включая паузы хезитации в спонтанном дискурсе. Рассматривается диалектическая связь формы и функции пауз, а также соотношение трех планов дискурса: экстралингвистического, лингвистического и металингвистического.

Ключевые слова: просодия; дискурс; спонтанная речь; паузы хезитации.

I. L. Zontova

Senior lecturer, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: ms.academ@bk.ru

FUNCTIONAL ASPECT OF PAUSES IN SPONTANEOUS DISCOURSE (based on English dialogue)

In the article, formal and functional approaches to the classification of pauses are discussed including hesitation pauses in spontaneous discourse. A dialectical nature of correlation of pauses and their functions is considered as well as the interaction of three levels of discourse, namely, extralinguistic, linguistic and metalinguistic.

Key words: prosody; discourse; spontaneous speech; hesitation pauses.

Проблемы сегментации звучащей речи продолжают оставаться актуальными не одно десятилетие. Несмотря на обширные исследования в отечественной и зарубежной лингвистике в области сегментологии на сегодняшний день не существует какой-либо единой классификации пауз. Данные по их количеству и вариативности выполняемых ими функций в научной литературе различны [1; 4; 7; 11–17]. По наблюдениям Э. Б. Яковлевой [11], исторически основными в изучении явлений паузации были формальный и функциональный подходы. Иные методы, помимо формально-функционального, не вполне четко обозначены. Не решен кардинальный вопрос о соотношении формы пауз и их функций. Дискуссионным моментом остается лингвистический статус пауз и их отдельных разновидностей.

По мнению большинства исследователей, основная функция паузы в речи (на уровнях порождения и восприятия) – служить средством сегментации речевого потока на дискретные единицы. Для этого важно не только наличие самой паузы как воспринимаемого феномена, но и форма, в которой она реализуется.

Важнейшей характеристикой паузы как темпорального компонента является *длительность*. Форма паузы (ее длительность и состав – полный перерыв фонации или прекращение поступления коммуникативно значимой информации во время звучания лексических и нелексических заполнителей) становится функцией: с помощью перерывов разной длительности речевой поток членится на фрагменты, также обладающие длительностью, возникает р и т м.

В качестве компонента темпо-ритмической структуры пауза способна структурировать устный дискурс. Известно, что синтаксические паузы (или паузы стыка) в функции делимитации-конъюнкции, структурируют дискурс не только линейно, т. е. последовательно, но и нелинейно. Длительность перерыва является функциональным просодическим параметром в иерархической темпоральной структуре единиц дискурса [3; 6]. В спонтанном дискурсе на более низких ступенях иерархии соотношение длительностей пауз, относящихся к единицам низкого уровня, и пауз, относящихся к единицам более высокого уровня, может не всегда соблюдаться [7, с. 18]. Так, длительность внутрисинтагменной паузы когнитивного поиска может превзойти не только межсинтагменный промежуток, но и паузальный фрагмент между двумя сверхфразовыми единствами. Кроме того, величина эмфатической паузы, не являющейся синтаксической, может в несколько раз превысить среднестатистическую длительность синтаксической стыковой паузы. Более поздние экспериментальные исследования спонтанной речи показали, что баланс, нарушаемый на низших ступенях внутри единиц высокого иерархического уровня, сохраняется для них в целом [6]. В случаях беспазуального членения длительность паузы равна или приближается к нулю. Речь, однако, не может идти о полном отсутствии паузы: тональный перепад на уровне восприятия фиксируется как сигнал, сегментирующий речевой поток.

Паузы также различаются *по составу*. Они делятся на две основные группы: заполненные и незаполненные. Заполненные паузы не всегда реализуются только как паузы хезитации: в зависимости от

условий коммуникации в эмоциональной речи встречаются такие, которые могут и не быть связаны с планированием высказывания. В спонтанном дискурсе паузы планирования или когнитивного поиска являются в большинстве случаев заполненными (как лексическими, так и нелексическими элементами) [11]. Тем не менее форма (длительность, наполненность или ненаполненность вставными элементами) не является достаточным основанием для создания типологии. В этом, на наш взгляд, проявляется узость формального подхода: количество разновидностей выделяемых пауз невелико, и все они выполняют, в сущности, единую функцию делимитации. Для классификации пауз необходимо рассмотреть их дополнительные функции, а точнее – функционально-прагматический аспект.

Итак, функция паузы – членение – определяется ее формой, т. е. воспринимаемым перерывом в звучании. Может ли функция паузы определять ее форму и что определяет функцию паузы, а в итоге ее тип? Наша гипотеза заключается в том, что функция паузы, или ее тип, определяется двумя параметрами: ее локализацией и формой. Предположим также, что при комплексном подходе пауза является «местом» и «временем» пересечения выделяемых нами трех планов: экстралингвистического, лингвистического и металингвистического.

Экстралингвистический план иллюстрирует взаимодействие компонентов экстралингвистической ситуации. Он представлен, в основном, несинтаксическими паузами: хезитации, фасцинации и эмоциональными [4; 7].

Лингвистический план функционально отражает закономерности синтаксического членения речевого потока, а также указывает на наличие параллельно протекающих экстралингвистических процессов, включая хезитацию. На этом уровне происходит наложение пауз хезитации на паузы стыка.

Металингвистический план содержит информацию о превалирующем способе членения, а также информацию концептуального характера о порядке декодирования речевого сообщения с помощью просодических средств. Если длительность паузы превышает аналогичный среднепаузальный показатель сегментации самых крупных единиц звучащего дискурса, для слушающего это может стать сигналом о намеренном или непреднамеренном прерывании коммуникации, что является весьма значимым фактором при дистантном общении.

Определяя природу пауз, отметим, что их фиксация возможна: на уровне восприятия – в психологической среде, т. е. в сознании и памяти индивида; в материальной (акустической) среде в форме звуковой волны или при отсутствии таковой – для незаполненных пауз. О коммуникативном статусе паузы? в случае, когда молчание используется в качестве лингвистического знака, можно говорить на основе анализа информации металингвистического плана при декодировании замысла говорящего. Также молчание может быть сигналом-следствием отказа от участия в коммуникации, по крайней мере, осуществляемой в вербальной форме.

В научной литературе сведения о типологии пауз, основанной на идее соотношения их формы с функциями, противоречивы. Существуют различные подходы к сегментации звучащего дискурса (например, речь может идти о синтаксическом / несинтаксическом, синтагматическом / фразовом или коммуникативно-прагматическом членении). Взаимосвязь формы и функции пауз при условии их полифункциональности не столь тесная, как может показаться на первый взгляд. Функции и типы пауз могут быть определены исходя из задач сегментации. И если говорить об иерархии функций, превалирующей, помимо основной – делимитативной, будет являться та, которая в конечном счете определяет ее локализацию. Кроме того, предполагается, что количественное соотношение разных типов пауз может служить индикатором того или иного способа сегментации при восприятии речевого сообщения и таким образом решить задачу декодирования его смысла. Полифункциональный характер пауз проявляется в комбинировании выполняемых ими функций, например, наложение хезитаций на синтаксические или совпадающие с ними по дистрибуции паузы синтаксического и коммуникативного членения. Как было сказано выше, в случаях наложения длительность пауз не всегда является параметром, позволяющим идентифицировать их тип, хотя увеличение длительности сложной паузы может указывать на наличие хезитации.

Предпосылки для осуществления сегментации речевого потока с помощью пауз могут создаваться на всех языковых уровнях. Прежде всего, синтаксическом. Локализация паузы делимитации в месте стыка двух синтаксических единиц имеет высокую степень предсказуемости. Она определяется правилами синтаксиса того языка, на котором происходит общение.

Для спонтанного дискурса хезитационное членение зачастую может иметь приоритет над синтаксическим [7, с. 40]. Само по себе оно не является синтаксическим, поскольку имеет экстралингвистическую природу и обусловлено в большинстве случаев задачами планирования речевого высказывания [4; 7; 11]. Как было экспериментально доказано на материале немецкой спонтанной речи [11], хезитационное членение не осуществляется спорадически: ограничения, накладываемые правилами устноречевого синтаксиса на локализацию пауз хезитации, указывают на то, что диктата (тотального «произвола») хезитаций в отношении синтаксиса не происходит. По данным Л. П. Бондаренко, 22 % пауз хезитации (ПХ) имели тенденцию к локализации на границах синтаксических единиц [3]. Представляется, что важную роль в дистрибуции пауз, включая ПХ, будут играть такие экстралингвистические факторы, как обстановка и условия коммуникации, ее тематика, цели и задачи, индивидуальные характеристики участников, их эмоциональное состояние, автоматизм речевых механизмов и коммуникативные навыки, степень контроля говорящего за речью.

К числу несинтаксических пауз могут быть отнесены эмфатические, риторические и паузы фасцинации [3]. Они, по нашему предположению, способны оказывать гораздо более заметное влияние на процессы сегментации спонтанного дискурса, поскольку не обусловлены правилами синтаксиса. Тем не менее вклад подобного рода пауз в формирование общего смысла высказывания невелик. К примеру, эмоциональная пауза информативна в силу того, что предоставляет слушающему информацию о реакции собеседника, причем ее роль в формировании общего смысла высказывания оказывается минимальной. Пауза, возникающая в речи как эмоциональная реакция, будет считаться речевой помехой и в некоторых случаях замедлять динамику общения. Риторическая пауза, не связанная с синтаксисом, также может не участвовать в поступательном развитии диалога.

В рамках функционального подхода выделяются несколько видов пауз, и, соответственно, дополнительных функций:

- *физиологические* (связанные с дыхательным циклом), т. е. нелингвистические паузы;
- *синтаксические* (или паузы стыка) – собственно лингвистические, – помимо функции сегментации они выполняют смысло-различительную функцию¹;

¹ Цит. по: [7, с. 17].

- *несинтаксические* (эмфатические), относящиеся к группе экстралингвистических;
- *прагматические* (коммуникативно-интенциональные) [7, с. 40], в нашей классификации металингвистические, соотносимые не только со смыслом сообщения, но и общим замыслом говорящего;
- *паузы hesitation*, вызванные ментальными затруднениями: паузы обдумывания, подразделяемые на ПХ с функцией планирования речи и ПХ с функцией коррекции речи [11].

Представим данную классификацию в таблице.

Таблица

План	Виды пауз
Экстралингвистический	Несинтаксические паузы: а) физиологические (дыхательные); б) эмоциональные (паузы фасцинации); в) паузы когнитивного планирования
Лингвистический	Синтаксические паузы: а) паузы стыка; б) логические Несинтаксические паузы: а) риторические; б) эмфатические
Металингвистический	Несинтаксические паузы: прагматические

Функциональная нагрузка, особенно это относится к группе пауз прагматического членения, по мнению Г. В. Михасенко, будет заключаться не в структурировании речевого потока, а в «создании особых смыслов» путем обособления и выделения речевых фрагментов. На наш взгляд, некоторые риторические паузы, также не связанные с синтаксисом, способны выполнять сходную функцию. Основной задачей прагматических пауз, согласно идее исследователя, является функция выделения [7], а опосредованной – воздействие в качестве результирующей по отношению к первой функции. Следуя логике рассуждений, можно предположить, что основной прагматической функцией будет все та же сегментация, только осуществляемая с целью коммуникативно-прагматического, а не структурно-синтаксического

членения. Согласно экспериментально полученным Г.В. Михасенко данным, прагматическое членение представляет собой достаточно автономное образование. Еще более независимым, по мнению исследователя, является синтаксис.

Изучение вопроса сегментации с точки зрения коммуникативного динамизма с выделением единиц трех планов (содержательно-фактуального, линейно-информативного и коммуникативно-прагматического), проведенное Н. С. Костромской на материале спонтанной английской речи и радиопьес, показало, что коммуникативно-прагматический план содержит в «снятом виде» информацию двух других планов, а единицы каждого из них имеют свое просодическое оформление, которое служит концептуальной основой для интерпретации передаваемой информации в том ключе, как было задумано адресатом. По всей вероятности, прагматическое и другие виды сегментации, независимо от синтаксиса, осуществляются путем наложения прагматической темпоритмической структуры-сетки на специфическое для каждого языка синтаксическое членение.

Необходимо также учитывать, что пауза представляет собой лишь одно из средств сегментации спонтанного дискурса [11, с. 6]. Дополнительным способом является *акцентуация*, что в сочетании с паузальным членением создает особую темпоритмическую структуру, специфическую для каждого звучащего варианта. В данной статье не ставится задача рассмотрения различных способов дискурсивного членения, включающих дифференциацию типов информации на основе данных о ее новизне и коммуникативной значимости.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что дистрибуция пауз определяется комплексным сочетанием нескольких факторов, среди которых следует упомянуть:

- экстралингвистическую ситуацию и тип анализируемого дискурса (хезитационное и стилистико-дискурсивное членение);
- коммуникативное намерение адресанта (коммуникативно-прагматическое членение);
- устноречевой синтаксис (лингвистическое членение, обусловленное спецификой языка, реализуемой в речи).

Синтаксическую паузу делимитации-конъюнкции и заполненную ПХ объединяет функция «скрепления» дискурса: несмотря на то, что первая, объединяющая мелкие единицы в более крупные, и вторая

принадлежат к разным уровням и планам, пауза хезитации с функцией контроля канала связи используется говорящим для поддержания контакта, что способствует консолидации звучащего дискурса [15]. Длительность, как просодический параметр паузы делимитационно-конъюнкции, важна в том смысле, что обнаруживает следующую зависимость: чем менее длительна пауза, тем более тесная связь осуществляется между единицами дискурса.

В большинстве работ пауза трактуется как воспринимаемый феномен. Однако не во всех случаях она может быть опознана аудитором именно как пауза (т. е. «воспринимаемый перерыв звучания»). Для ее восприятия и идентификации аудитором имеет значение параметр длительности, который, приближаясь к пороговому значению для восприятия, уменьшает вероятность однозначного ее опознания на слух. Кроме того, для фиксации наличия или отсутствия паузы релевантным параметром является просодический и иные виды контекста.

Справедливым можно признать наблюдение Г. В. Михасенко о том, что паузы можно классифицировать по *степени предсказуемости*. Их локализация в точках дискурса с предсказуемой синтаксической структурой повышает вероятность опознания аудитором. Также при немаркированном просодическом оформлении высказывания некоторые паузы могут быть опознаны аудитором только в том случае, если просодические параметры какого-либо из видов сегментации действуют разнонаправленно с параметрами синтаксического членения. Г. В. Михасенко, выделяя группу прагматических пауз, упоминает фактор предсказуемости их появления в зависимости от интенций адресата [7]. Так, дистрибуция интенциональных пауз носит предсказуемый характер. Произвольный, не связанный с синтаксисом способ прагматического членения может снизить предсказуемость появления паузы, в то время как порядок хезитационного членения, долгое время считавшийся в достаточной степени автономным, все же поддается воздействию ритмического фактора. Так, Э. Б. Яковлевой на материале немецкой спонтанной речи были получены экспериментальные данные, подтверждающие существование хезитационных циклов когнитивного планирования [11]. (Необходимо также отметить, что, с одной стороны, не все паузы могут быть опознаны аудиторами, а с другой – не все из опознанных могут оказаться преднамеренными. Членение, предлагаемое адресатом в качестве авторского варианта

для декодирования и, таким образом, лежащее в основе его коммуникативной интенции, позволяет аудиторам отделить паузы интенции от «случайных» прагматических пауз).

Взаимоотношениям ПХ и синтаксических пауз (т. е. соотношению синтаксического и хезитационного членения) посвящено значительное количество работ [7; 16, с. 28].

Целью нашего исследования было получение данных о характере взаимодействия хезитационных явлений с синтаксическим членением звучащего дискурса. В рамках проведенного нами эксперимента на материале английского спонтанного диалога (2 диктора-мужчины – носителя ЮАП, участвовавших в диалоге-беседе на бытовую тематику, с одной стороны, и 12 аудиторов, не носителей языка, с другой) количество сверхкратких пауз, не воспринимаемых отдельными аудиторами-студентами однозначно как паузы, составило в среднем 10 % от общего количества всех пауз.

В результате было также получено подтверждение выводов Ф. Голдман-Айслер о существовании когнитивных типов планирования, различающихся по типам: когнитивном (при планировании значительного фрагмента высказывания), синтаксическом (при планировании синтаксической структуры высказывания) и лексическом (которое происходит уже после того, как у говорящего имеется общий план высказывания)¹.

В ходе эксперимента были обнаружены хезитационные блоки, состоящие, как правило, из двух компонентов: паузы хезитации (в большинстве случаев заполненной) и следующего за ней речевого фрагмента. Средняя длительность синтагмы составила 7 ± 2 слога; в синтагмах, содержащих паузу хезитации она увеличивалась до 12–14 слогов. Анализ просодических параметров хезитационных единиц, полученных экспериментальным путем, показал их временную соизмеримость. Была установлена положительная зависимость увеличения длительности ПХ, связанной с планированием, с продолжительностью следующего за ней речевого сегмента, не разделяемого паузами хезитации. Дистрибуция ПХ на нашем материале оказалась тесно связанной с синтаксическим членением: локализация ПХ во всех случаях была зафиксирована аудиторами на границах синтаксических единиц. Оказалось, что синтаксическое членение нарушалось

¹ Цит. по: [7, с. 26].

только в случаях лексического поиска, а при планировании крупных фрагментов дискурса границы хезитационного и синтаксического членения совпадали.

Использование большого количества заполненных пауз одним из дикторов было обусловлено необходимостью контроля канала коммуникации. В то же время, несмотря на приводимую в статье классификацию, предполагается, что некоторые ПХ могут использоваться говорящим не только автоматически во время когнитивного планирования, но и в качестве *прагматических*. Таким образом, они являются сигналами для слушающего о возникших у говорящего затруднениях при ответе на вопросы. Главную роль в реализации этой группы ПХ играла их длительность. Данные по длительности ПХ не нашли противоречия с тактикой и стратегией каждого из участников диалога: так, общая длительность периодов паузации у участника, играющего ведущую роль, оказалась меньше, чем у его партнера, отвечающего на вопросы. По нашим наблюдениям, паузы хезитации, связанные с различными речевыми стратегиями и тактиками говорящих выполняли не только задачу хезитационного членения, но и выступали в роли прагматических.

В заключение можно сделать вывод о широко дискутируемом вопросе о лингвистическом статусе паузы. В качестве явления *лингвистического плана*, проявляющегося в речи, она может рассматриваться как компонент интонации, позволяющий сегментировать речевое высказывание на дискретные, оптимальные для передачи смысла сообщения, единицы. В качестве явления *экстралингвистического плана* она феноменально (т. е. как феномен) соотносится с ситуацией общения и зависит от нее. В качестве явления *металингвистического плана*, пауза, и в особенности формальная ее составляющая, является не только ключом к декодированию смысла высказывания, но и выходом за пределы лингвистического плана в экстралингвистический, что позволяет адресату интерпретировать поступающую информацию экстралингвистического порядка и соотносить ее в лингвистической форме высказывания. Можно также утверждать, что просодическое оформление высказывания представляет собой концептуальную основу интерпретации его смысла.

Дальнейшая разработка указанной проблематики в области сегментологии представляется весьма перспективной. Высказанное

Л. П. Блохиной предположение о возможностях просодии своими собственными средствами передавать определенные значения [2] было подтверждено экспериментальным исследованием Ж. С. Нерсесян, связавшей информацию коннотативного плана, передаваемую с помощью просодических средств, с одной из коммуникативных функций просодии [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова О. В.* О речекоммуникативном статусе паузы колебания в английской речи. – М., 2006. – 182 с.
2. *Блохина Л. П.* О семантическом аспекте просодии // Методика и лингвистика. – М., 1981. – С. 25–33. (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза).
3. *Бондаренко Л. П.* Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотношенность с синтагматическим членением: экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1978. – 216 с.
4. *Бурая Е. А.* Роль просодии в формировании ритма спонтанной диалогической речи (Экспериментально-фонетическое исследование на базе английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 24 с.
5. *Зимарин Д. А.* Влияние коммуникативной ситуации на изменение ритма немецкой речи (Экспериментально-фонетическое исследование) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 142 с.
6. *Костромская Н. С.* Временная организация устного диалогического текста (экспериментально-теоретическое исследование на материале спонтанного диалога и радиопьесы) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 211 с.
7. *Михасенко Г. В.* Функциональный аспект речевых пауз в современном английском языке (экспериментально-фонетическое исследование) : дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1986. – 224 с.
8. *Мороз Н. Ю.* Мелодический компонент просодии в социофонетике (применительно к немецкой спонтанной диалогической речи) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 161 с.
9. *Нерсесян Ж. С.* Роль просодии в формировании коннотативного плана устного художественного текста (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецких басен) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 164 с.
10. *Шевченко Т. И.* Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М. : Ленанд, 2014. – 222 с.
11. *Яковлева Э. Б.* Просодические средства сегментации немецкого спонтанного диалогического текста (экспериментально-фонетическое исследование). – М., 1996. – 180 с.

12. *Boomer D. S. and Dittman A. T.* Hesitation Pauses and Juncture Pauses in Speech // *Language and Speech*. – 1962. – № 5. – P. 215–220.
13. *Boomer D. S.* Hesitation and Grammatical Encoding // *Language and Speech*. – 1965. – № 8. – P. 148–158.
14. *Goldman-Eisler F.* Hesitation and Information in Speech // *Information Theory*. – London: Butterworths, 1961. – P. 162 – 174.
15. *Goldman-Eisler F.* Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech. – London : Academic Press, 1968. – viii, 169 p.
16. *Lounsbury F. G.* Pausal, Juncture and Hesitation Phenomena // *Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems*. – Baltimore : Waverly Press, 1954. – P. 93–101.
17. *Maclay H. and Osgood C. E.* Hesitation Phenomena in Spontaneous English Speech // *Word*. – № 15. – P. 19–44.

УДК 81'34

О. В. Казакова

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: kazakovaolga2906@yandex.ru

РИТМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНДИИ И ГОНКОНГЕ

Одной из сторон специфики просодии новых вариантов английского языка (АЯ) является их акцентно-ритмическая структура, характеризующая их место в пространстве между такто- и слогосчитающими типами языков. В статье описываются результаты фонетического исследования, в задачу которого входило выявление характерных ритмических особенностей новых вариантов АЯ на материале неподготовленной английской речи коренных жителей Индии и Гонконга. Ритмические особенности, проявившиеся в речи образованных носителей исследуемых вариантов, могут послужить основой для создания типологии вариантов английского языка.

Ключевые слова: новые варианты английского языка; вариант АЯ в Индии; вариант АЯ в Гонконге; ритм; тактосчитающие языки; слогосчитающие языки.

O. V. Kazakova

Post-graduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: kazakovaolga2906@yandex.ru

RHYTHMIC PROPERTIES OF ENGLISH IN INDIA AND IN HONG KONG

The distinguishing rhythmic patterning of New Englishes places them in between stress- and syllable-timed languages on the language continuum. The paper describes the findings of the acoustic analysis aimed at investigating some rhythmic properties of Indian and Hong Kong Englishes. Featuring in speech of educated people, the distinctive rhythmic properties of Indian and Hong Kong Englishes may provide the basis for creating a typology of the variants of English.

Key words: New Englishes; English in India; English in Hong Kong; rhythm; stress-timed languages; syllable-timed languages.

Известно, что среди всех просодических средств ритм играет ключевую роль в распознавании языков [1; 4]. В частности, британский лингвист Дэвид Кристал отмечает, что среди всех речевых маркеров, будучи неизменным компонентом человеческой речи, ритм является одним из наиболее ярких проявлений языковой идентичности [6]. Следовательно, в его характере могут проявляться различные

сущностные признаки говорящего, в том числе этническая или национальная принадлежность.

Как показывают результаты предыдущих исследований, одной из отличительных черт просодических систем так называемых «новых вариантов» АЯ, к числу которых также относятся АЯ в Индии и АЯ в Гонконге, является тяготение их ритмических структур к *слововому типу* [7; 10]. Эта тенденция связана с особенностями исторического развития исследуемых вариантов. Развиваясь в условиях продолжительных контактов АЯ с коренными языками Индии и Гонконга, ритмическая организация данных вариантов не могла не испытывать воздействия со стороны языков-субстратов, проявляющих слогосчитающие признаки. Такая специфика ритма означает, что редукция в безударных слогах в исследуемых вариантах либо незначительна, либо практически отсутствует, в результате чего все слоги ритмической группы произносятся с относительно одинаковой длительностью.

Автором статьи была предпринята попытка выявить степень проявления слоговых свойств в ритмической организации двух исследуемых вариантов АЯ, а также определить значимость их ритмических характеристик в реализации национальной принадлежности говорящего. Решались следующие задачи:

- определить отличия в акцентно-ритмической организации между двумя исследуемыми вариантами и британским английским – языком, на основе которого они развивались;
- сравнить ритмические характеристики АЯ в Индии и АЯ в Гонконге на наличие значимых различий между ними.

Опираясь на сведения о ритмических свойствах коренных языков Индии и Гонконга, мы предполагаем, что оба варианта должны продемонстрировать относительное равенство в соотношении длительности ударных и безударных слогов, что в значительной степени будет отличать их от прототипически тактосчитающего британского английского, в котором наблюдается сильная компрессия гласных в безударной позиции [2; 3; 5; 11].

Методика исследования

Для решения поставленных задач мы применили методику, впервые предложенную лингвистами Э. Грэйб и И. Лоу и представляющую собой вычисление Парного индекса вариативности (Pairwise

Variability Index – PVI) [8; 9]. В широкой сфере своего применения данная методика позволяет рассмотреть акустические параметры и их вариативность в соседних элементах высказывания, получив точные акустически подтвержденные данные. В настоящем исследовании мы использовали метод парной вариативности для сопоставления длительности соседних вокалических интервалов. Согласно Э. Грэйб и И. Лоу, в языках со слоговым типом ритма, где безударные гласные практически не редуцируются, длительность гласных интервалов не должна значительно различаться, а показатель PVI должен быть ниже, чем в языках с акцентным ритмом, в которых длительность гласных интервалов отличается большей вариативностью. Таким образом, вычисляя показатель PVI вариативности длительности вокалических интервалов в соседних слогах, мы определяем степень проявления ритмических свойств исследуемых вариантов АЯ, а следовательно, то место, которое они занимают на градиентной шкале ритмической типологии. Парный индекс вариативности для вокалических интервалов нормированной по темпу речи (nPVI) был вычислен по формуле:

$$\text{nPVI} = \frac{100}{m-1} \times \sum_{k=1}^{m-1} \left| \frac{d_k - d_{k+1}}{(d_k + d_{k+1})/2} \right|$$

где m – количество гласных интервалов в высказывании; d – длительность k -того интервала.

Индекс PVI был рассчитан для индийского, гонконгского, а также британского вариантов АЯ. Для этого мы определили длительность каждого гласного интервала в границах одной синтагмы, включая длительность вокалического интервала конечных слогов в синтагмах¹. По вышеприведенной формуле был рассчитан индекс PVI для каждой синтагмы. Полученные показатели суммированы и выведено среднее значение индекса вариативности для каждого информанта. Затем с учетом всех полученных значений для дикторов трех групп вычислено среднее значение индекса для каждой группы информантов.

При исследовании вариативности длительности вокалических интервалов для всех трех вариантов АЯ были заданы следующие условия:

- под вокалическим интервалом понимались гласные в смежных слогах;

¹ Под синтагмой мы понимаем отрезок речевого высказывания от паузы до паузы, продолжительность которой составляла не менее 100 мс.

- сопоставление соседних вокалических интервалов проводилось в границах одной синтагмы;
- слогообразующие сонанты рассматривались как вокалические интервалы;
- проявления хезитации и вокализованные паузы в ходе анализа не учитывались.

Далее, принимая во внимание фактор влияния параметра длительности на ритмическую организацию языка, для каждого информанта индийского, гонконгского и британского вариантов АЯ были вычислены следующие показатели:

- длительность ударных слогов;
- длительность безударных слогов;
- коэффициент соотношения средней длительности ударного слога к средней длительности безударного;
- разница между средней длительностью ударного и безударного слогов.

Во избежание явлений растягивания мы исключили из данной части анализа позиции, допускающие удлинение безударного гласного, а также предпаузальные слоги.

Все исследуемые речевые образцы подверглись сначала слуховому, затем электронно-акустическому анализу. В слуховом анализе мы задействовали четырех аудиторов. При проведении аудиторского анализа при помощи слуховой разметки мы выделили ударные и безударные слоги и границы интонационных групп – синтагм.

При проведении электронно-акустического анализа, а также математической и статистической обработки данных были использованы компьютерные программы Praat (Version 5.3.42), Microsoft Office Excel 2007 и IBM SPSS Statistics (Version 22).

Материал исследования

В целях изучения ритмических особенностей АЯ в Индии и Гонконге и сравнения их ритмических структур с британским английским нами проанализированы образцы аудиозаписей неподготовленной речи образованных жителей Индии, Гонконга и Великобритании. Общее число информантов составило 60 человек, образовавших три группы по 20 человек в каждой: индийские, гонконгские и британские дикторы. Каждая группа включала 10 женщин и 10 мужчин.

Каждая из них также была представлена тремя поколениями: молодым (от 20 до 35 лет), средним (от 35 до 55 лет) и старшим (от 55 до 65 лет). Для индийских дикторов родным языком является хинди, для гонконгских – кантонский диалект китайского языка. Информанты обеих групп отличаются высоким уровнем владения английским языком в качестве второго. Британские дикторы являются носителями британского произносительного стандарта (RP). В качестве экспериментального материала использовалась монологическая часть бесед, записанных в режиме реального времени в цифровом формате с индийского телевизионного канала New Delhi Television (NDTV), гонконгской радиостанции RTHK Radio-3 и британской радиостанции BBC Radio-4¹. По коммуникативному типу исследуемые образцы являются преимущественно утверждениями, представляющими собой ответ на вопрос интервьюера.

Для определения индекса PVI вариативности длительности вокалических интервалов для индийского, гонконгского и британского вариантов АЯ из общего объема исследуемого материала были отобраны речевые образцы общей продолжительностью приблизительно 1,5 мин. для каждого диктора. Итого, общее время звучания узкого корпуса составило приблизительно 90 мин.

С целью выявления соотношения длительности между ударными и безударными слогами для каждого информанта были проанализированы 50 слогов, взятых из начала бесед, что составило в общей сложности 300 слогов для всех информантов.

Результаты исследования

Сравним значения индексов PVI, полученные для трех групп информантов. Ниже в таблице 1 приводятся следующие данные: среднее значение индекса PVI для каждой выборки (Mean); стандартное отклонение от среднего значения (STD); интервал, включающий 80% всех значений выборки; минимальное (Min) и максимальное (Max) значения выборки.

Как показывают приведенные в таблице значения, разница в ритмической организации между британским и двумя исследуемыми вариантами АЯ очевидна. *Британские дикторы* продемонстрировали

¹ URL : <http://www.ndtv.com/>

URL : <http://programme.rthk.hk/channel/radio/index.php?c=radio3>

URL : <http://www.bbc.co.uk/radio4>

самые высокие показатели PVI – все значения выборки лежат в диапазоне от 72,5 до 77,25, что означает следующее: в британском варианте АЯ наблюдается значительная степень отклонения в длительности вокалических интервалов в соседних слогах. Полученные высокие значения индекса для этой группы дикторов еще раз характеризуют британский вариант АЯ как язык с тактосчитающими признаками.

Таблица 1

Среднее значение, STD, 80 % интервал, минимальное и максимальное значения индексов вариативности длительности вокалических интервалов для дикторов британского, индийского и гонконгского вариантов английского языка

Вариант АЯ	Mean	STD	80 %	Min	Max
BrEn	75,02	1,32	76,26	72,50	77,25
InEn	56,22	1,30	57,38	54,04	58,61
HKE	53,88	3,04	55,99	49,50	60,00

По сравнению с британскими дикторами значения индекса PVI для других двух групп информантов оказались заметно ниже – от 54,04 до 58,61 для дикторов индийского варианта АЯ и от 49,5 до 60 для дикторов гонконгского варианта. Так, среднее значение индекса для группы *индийских дикторов* составило 56,22, а 80% всех значений выборки находится в диапазоне от 54,04 до 57,38. Отметим также, по сравнению с гонконгскими дикторами информанты индийского варианта АЯ продемонстрировали бóльшую однородность в показателях PVI, что выразилось в меньшей разнице между минимальным (54,04) и максимальным (58,61) значениями выборки, составившей 4,57, а также в меньшем отклонении от среднего значения (STD = 1,3).

Показатели *гонконгских дикторов* свидетельствуют о несколько более низких значениях индекса по сравнению с индийскими. Среднее значение индекса для всей группы составило лишь 53,88. При этом самое низкое значение во всех трех группах (PVI = 49,5) также принадлежит гонконгскому диктору. Здесь следует отметить существенный разброс в значениях в данной группе информантов, что проявилось в большой разнице между минимальным (49,5) и максимальным (60) значениями индекса – 10,5 и в большом отклонении от среднего

значения ($STD = 3,04$). Тем не менее, несмотря на значительный разброс в показателях данной группы информантов, 80% всех значений выборки охватывают интервал значений лишь от 49,5 до 55,99.

Для подтверждения наличия значимых различий в PVI показателях между тремя группами информантов был проведен математико-статистический анализ. Применяв t -критерий Стьюдента для двух независимых выборок, мы сравнили три пары дикторов: британских и индийских; британских и гонконгских; индийских и гонконгских. Различия в первых двух парах оказались максимально значимыми при уровне $p=0,000$ в обоих случаях. Различие между группами индийских и гонконгских дикторов оказалось также значимым при уровне $p=0,04$ (при уровне значимости $p < 0,05$). Интерпретируя результаты статистического анализа, отметим, что признаки слогосчитающего типа ритма наиболее ярко выразились у информантов-носителей гонконгского варианта АЯ. Иными словами, можно предположить, что на градиентной шкале ритмичности гонконгский вариант АЯ будет больше тяготеть к языкам со слоговым типом ритма, чем индийский.

Перейдем к рассмотрению показателей соотношения средней слоговой длительности между ударными и безударными слогами для дикторов исследуемых вариантов АЯ. Для сравнения также приводятся соответствующие данные для информантов британского варианта. Таблица 2 содержит средние значения для каждой группы информантов по следующим параметрам: СДС в ударной позиции; СДС в безударной позиции; коэффициент соотношения СДС ударного слога к СДС безударного слога; разность между СДС в ударной позиции и СДС в безударной позиции.

Таблица 2

Средние значения СДС ударных и безударных слогов, коэффициента соотношения и разности для британского, индийского и гонконгского вариантов АЯ (мс)

Вариант АЯ	СДС ударного слога	СДС безударного слога	Коэффициент соотношения	Разность
BrEn	243	134	1,81 : 1	109
InEn	224	166	1,35 : 1	58
HKC	228	181	1,26 : 1	47

Анализируя данные таблицы 2 можно с уверенностью сказать, что в соотношении длительности ударного слога к безударному прослеживается явное отличие исследуемых вариантов АЯ от британского английского, о чем свидетельствуют значения параметров СДС безударного слога, коэффициента соотношения и разности. Так, средняя длительность безударного слога (по сравнению с группой британских дикторов) у группы индийских дикторов оказалась на 32 мс больше и у гонконгских дикторов на 47 мс больше. Таким образом подтверждается следующий факт: говорящие на индийском и гонконгском вариантах АЯ редуцируют гласные в безударной позиции гораздо меньше, чем британцы. Далее, если разность между ударными и безударными слогами в британском варианте составила в среднем 109 мс, то значение этого же параметра в индийском варианте оказалось меньше в 1,9 раз (58 мс) и в 2,3 раза в гонконгском варианте (47 мс). Иными словами, в индийском и гонконгском вариантах наблюдается тенденция к сглаживанию контраста между ударными и безударными слогами. Но наиболее яркое отличие в соотношении длительности ударных и безударных слогов между тремя вариантами демонстрируют значения коэффициента соотношения. Если в британском варианте оно составило 1,81 (что означает, что средняя длительность слогов в безударной позиции у британских дикторов в 1,81 раз меньше, чем в ударной), то в индийском и гонконгском вариантах – лишь 1,35 и 1,26 соответственно. Данный факт существенно отличает акцентно-ритмические характеристики информантов британского варианта от дикторов индийского и гонконгского вариантов, где СДС безударного слога только в 1,35 и 1,26 раза меньше, чем ударного.

Для статистического подтверждения наших предположений о наличии значимых различий в соотношении СДС ударных и безударных слогов между тремя вариантами АЯ мы применили соответствующие методы математико-статистического анализа. Тестировались три параметра: СДС безударного слога, коэффициент соотношения и разность между ударным и безударным слогами. Ввиду отсутствия явных отличий между вариантами в СДС ударного слога данный параметр не проверялся. Во всех случаях уровень значимости устанавливался $p < 0,05$.

Результаты анализа показали максимально значимые различия между группами британских и индийских дикторов, а также между группами британских и гонконгских дикторов по всем трем

проверяемым переменным ($p=0,000$ во всех случаях). Различия между группами индийских и гонконгских дикторов также оказались значимыми при уровне $p=0,002$ для переменной «СДС безударного слога», $p=0,005$ для переменной «коэффициент соотношения между ударными и безударными слогами» и $p=0,031$ для переменной «разность между ударными и безударными слогами».

Таким образом, данные выводы подтверждают изложенные выше результаты вычислений и статистического анализа по индексу вариативности вокалических интервалов PVI для трех вариантов АЯ. Ритмическая составляющая речи носителей британского варианта охарактеризовалась тактосчитающими признаками, выразившимися в значительной степени редукции гласных в безударной позиции и большим контрастом между ударными и безударными слогами. В отличие от британцев, в речи дикторов индийского и гонконгского вариантов проявились слогосчитающие свойства, выразившиеся в меньшей степени редукции безударных гласных и в тенденции к выравниванию ударных и безударных слогов за счет увеличения длительности безударных. При этом в ритмико-темпоральных характеристиках дикторов гонконгского варианта АЯ слоговые признаки проявились в большей степени по сравнению с дикторами индийского варианта.

Изучая ритмические особенности АЯ в Индии и Гонконге, также представляется важным отметить, что еще одной отличительной особенностью данных вариантов АЯ является высокая частотность употребления в ударной позиции *односложных служебных слов*, не находящихся в фокусе высказывания и не обусловленных требованиями ритма. В сильной позиции могут стоять личные и притяжательные местоимения, вспомогательные глаголы, предлоги, а также союзы. Данная черта акцентно-ритмической организации речи отличает дикторов индийского и гонконгского вариантов от информантов британского варианта, где односложные служебные слова, как правило, находятся в безударной позиции и подвергаются сильной компрессии. Причем выделение служебных слов происходит как за счет увеличения длительности, так и в некоторых случаях за счет мелодического выделения. Например:

My 'life it\self | 'has \ been | 'one 'big 'battle 'one 'big 'struggle so ↗ far. |

'After '10 ↗ years | 'of'direct ↗ action | the 'logging was \ stopped. |

So 'this 'coal bloc was 'given to ↗ us | in '19'9\8. |

I 'had to 'give up 'that 'subsidized 'school ↗pays | and con'tinue with ↘my edu↗cation | in an 'evening ↘ school...|

The 'women ↘ said | they ↘ would ,hug ,trees | and '*they*'d have to be ↘ killed. |

Несмотря на то что из контекста очевидно, что выделяемые служебные слова не являются информационным центром высказывания и их выделенность не диктуется требованием чередования ударных и безударных слогов, они несут на себе либо ударение, либо ядерный тон. Однако следует заметить, что акцентирование служебных слов в исследуемых образцах аудиозаписей имеет нерегулярный характер, и в ряде случаев они остаются безударными. Частотность акцентно-мелодического выделения служебных слов в речевом высказывании информантов британского, индийского и гонконгского вариантов АЯ представлена в процентном выражении в таблице 3. Случаи логического выделения односложных служебных слов из анализа были исключены.

Таблица 3

Процентное соотношение частотности употребления ударных и безударных односложных служебных слов в речевом высказывании носителей британского, индийского и гонконгского АЯ (в %)

Односложные служебные слова	BrEn	InEn	HKЕ
Ударные	8,9	23,5	35,0
Неударные	91,1	76,5	65,0

Как видно из таблицы, реже всего имели тенденцию выделять служебные слова британские дикторы – в 8,9% случаев, что было обусловлено либо требованием ритма, либо краткой паузой, следовавшей за выделенным служебным словом (например, *You 've 'brought one ,with you...| 'I 'used to 'think as a ↘child...|*). Наиболее часто акцентировали служебные слова гонконгские дикторы (в 35% случаев) и несколько реже – индийские (в 23,5% случаев). Частое выделение служебных слов может быть обусловлено процессом интерференции – переносом на АЯ свойств просодии интерферирующих языков-субстратов, в которых длительность является неотъемлемым признаком слога, и следовательно, каждый из них может быть в той или иной степени выделенным [3; 11].

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. Специфика акцентно-ритмической организации английского языка в Индии и Гонконге проявляется в тяготении к *слогосчитающему типу* ритмических структур, сопровождающемуся низкой степенью редукции гласных в безударной позиции, что подтверждается значительно более низкими значениями индекса вариативности длительности вокалических интервалов по сравнению с британским АЯ. На слогосчитающие признаки исследуемых вариантов также указывают их ритмико-темпоральные особенности, проявившиеся в выравнивании ударных и безударных слогов за счет увеличения длительности безударных, что выразилось в низких показателях коэффициента соотношения ударных слогов к безударным, а также в небольшой разнице между ударными и безударными слогами.

Еще одной особенностью акцентно-ритмической организации исследуемых вариантов явилась сравнительно *высокая частотность выделения односложных служебных слов*. Причем не только за счет увеличения длительности, но и за счет мелодики, что также подтверждает мысль о том, что в таких вариантах АЯ как индийский и гонконгский, основной единицей ритма является скорее слог, чем такт.

Кроме того, были выявлены некоторые значимые *различия в ритмических свойствах* между двумя исследуемыми вариантами. Слогосчитающие признаки ритма несколько сильнее проявились в гонконгском АЯ, на что указывают более низкие по сравнению с индийским вариантом значения индекса PVI, коэффициента соотношения и разности между ударными и безударными слогами. При этом в отличие от индийских дикторов группа информантов-носителей гонконгского варианта охарактеризовалась бóльшим разбросом в значениях индекса PVI. Это, возможно, связано с тем, что АЯ в Гонконге находится лишь на начальной стадии своего пути к формированию произносительного стандарта, тогда как на территории Индии в настоящее время уже может складываться тенденция к его образованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурая Е. А.* Ритмические средства выражения социальной и национальной идентичности // Фонетика: проблемы и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 33–43. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Сер. Языкознание).

2. *Задоенко Т. П.* Ритмическая организация потока китайской речи. – М. : Наука, 1980. – 268 с.
3. *Софронов М. В.* Просодия основных единиц китайского языка // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. – М., 1991. – С. 113–117. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics4/sofronov-91.htm>
4. *Шевченко Т. И.* Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М. : Ленанд, 2015. – 232 с.
5. *Bauer R. S., Benedict P. K.* Modern Cantonese Phonology. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1997. – 559 p.
6. *Crystal D.* English as a Global Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
7. *Deterding D.* Measurements of Rhythm: a Comparison of Singapore and British English // *Journal of Phonetics*. – 2001. – Vol. 29. – No 2. – P. 217–230.
8. *Grabe E., Low E. L.* Durational Variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis, 2002. – P. 515–546. – URL : http://www.homes.uni-bielefeld.de/gibbon/AK-Phon/Rhythmus/Grabe/Grabe_Low-reformatted.pdf
9. *Low E. L.* The Acoustic Reality of the Kachruvian Circles: a rhythmic perspective // *World Englishes*, 2010. – Vol. 29. – No 3. – P. 394–405.
10. *Low E. L., Grabe E., Nolan F.* Quantitative Characterization of Speech Rhythm: Syllable-Timing in Singapore English // *Language and Speech*, 2000. – Vol. 43. – No 4. – P. 377–401.
11. *Sailaja P.* Dialects of English. Indian English. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd, 2009. – 172 p.

УДК 81'34

Ю. В. Карташевская

доцент кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ;
e-mail: juliakar@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье представлены результаты анализа гендерной вариативности спектрально-акустических характеристик десяти монофтонгов американского варианта английского языка. Фонетическая вариативность сегментных единиц в речи мужчин и женщин рассматривается с позиции двух подходов, существующих в современной научной парадигме: биологического и социокультурного. Исследование длительности, частоты основного тона (ЧОТ) и формантных характеристик F1 и F2 гласных выявляет наиболее информативные показатели гендерных различий на сегментном уровне. Сопоставительный анализ формантных показателей F1 и F2 с результатами исследования Петерсона и Барни (1952) определяет тенденции варьирования гласных в фоностилистическом и диахроническом аспектах.

Ключевые слова: гласный звук; гендер; вариативность; длительность; частота основного тона (ЧОТ); социофонетическое исследование; лингвистическая переменная; формантная частота; акустический анализ.

Y. V. Kartashevskaya

Ass. Prof., Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: juliakar@mail.ru

GENDER VARIATION OF VOWELS IN AMERICAN ENGLISH

The article presents the results of gender-related research of acoustic characteristics of ten American English monophthongs. Phonetic variation is discussed in terms of two approaches: biological approach and the two-culture approach. Analysis of vowel duration, fundamental frequency and formant frequencies F1 and F2 marks significant gender variation on the segmental level. Comparative analysis of formant frequency characteristics with the P&B (1952) data shows the tendencies of vowel variation from phonostylistic and diachronic perspectives.

Key words: vowel; gender; variation; duration; fundamental frequency (F0); sociophonetic research; linguistic variable; formant frequency; acoustic analysis.

Исследования У. Лабова 60-х гг. XX в.¹, в которых гендер впервые рассматривался как социофонетическая переменная, стали отправной

¹ Исследования централизации дифтонгов /aɪ/ и /aʊ/ в речи жителей Марта Винард (Martha's Vineyard) (1961) и социальной стратификации лингвистической переменной /r/ в универсальных магазинах Нью-Йорка (1966).

точкой для последующего изучения гендерной специфики вербального поведения мужчин и женщин. Исследуя языковые изменения, У. Лабов выявил две основные тенденции речевого поведения говорящих: женщины всех социальных классов и возрастов отдают предпочтение более нормативным языковым формам, чем мужчины; низший средний класс использует «гиперкорректные» произносительные варианты, копируя черты среднего класса для завоевания социального престижа. И здесь женщины занимают лидирующую позицию. Воспитывая детей, они передают им свое гиперкорректное речевое поведение и тем самым становятся инициаторами появления языковых изменений [18].

Результаты современных гендерных исследований количественно-качественных характеристик вокализма по разным языковым группам свидетельствуют о наличии универсальных темпоральных моделей, отражающих гендерные различия в языках:

- длительность гласных в женской речи больше их длительности в мужской речи;
- краткие и долгие гласные больше различаются по длительности в женской речи, чем в мужской.

Большая длительность ударных гласных, характерная для женщин, еще раз подтверждает существующий в социолингвистике тезис о большей нормативности женской речи по сравнению с мужской. Взгляд на женщину как хранительницу речевых традиций коррелирует с присущим ей стремлением «говорить правильно», что, по мнению А. Симпсона, является проявлением *усвоенного поведения* (*learned behaviour*) или *воспитания* (*nurture*) [16]. В качестве фонетических коррелятов нормативности женской речи на сегментном уровне могут выступать следующие характеристики:

- широкое вокалическое пространство;
- большая длительность ударных гласных;
- большой контраст по длительности между ударными и безударными гласными;
- меньшая степень качественной редукции гласного [15].

С целью выявления гендерно маркированных различий в реализации гласных американского варианта английского языка нами было проведено комплексное исследование спектрально-акустических характеристик десяти монофонгов /i/, /ɪ/, /e/, /æ/, /ɑ/, /ɔ/, /ʌ/, /ʊ/, /u/, /ɜ:/ в речи пяти мужчин и пяти женщин. Материалом для исследования

послужило чтение текста «Comma Gets a Cure» из архива диалектов английского языка (IDEA)¹.

С помощью программы Praat (версия 5.3.81) были проведены спектральный, временной и частотный виды анализа, в ходе которых исследовались следующие параметры:

- длительность исследуемых гласных в ударной позиции (в мс);
- значение ЧОТ_{макс}, ЧОТ_{мин}, среднее значение ЧОТ гласных (в Гц);
- интервал ЧОТ гласных (в Гц и пт);
- формантные значения F1 и F2 (в Гц).

Длительность

Широко распространенное представление о том, что женщины говорят быстрее мужчин экспериментально не подтверждается. Средняя скорость артикуляции (слог/сек) в нашем исследовании составила 5,20 слог/сек для мужской и 4,82 слог/сек для женской речи (см. табл. 1). Полученные результаты коррелируют с данными исследования Д. Берд (D. Byrd), проведенного на базе широкого речевого корпуса ТИМТ²: скорость артикуляции мужчин составила 4,69 слог/сек, женской – 4,42 слог/сек [6].

Таблица 1

**Время фонации (в сек) и скорость артикуляции (слог/сек):
мужчины и женщины**

Мужчины	M1	M2	M3	M4	M5	Среднее значение
Время фонации	122	120	167	130	133	134,4
Скорость артикуляции	5,24	5,98	4,64	5,24	4,88	5,20
Женщины	F1	F2	F3	F4	F5	Среднее значение
Время фонации	131	132	132	144	133	134,4
Скорость артикуляции	5,30	4,83	4,73	4,80	4,43	4,82

¹ Подробнее о материале и методике проведения акустического анализа монофтонгов американского варианта английского языка см. [1].

² ТИМТ – речевая база данных для американского варианта английского языка. Для создания корпуса данных было привлечено 630 дикторов, представляющих восемь региональных произносительных вариантов США: Север, Северо-Восток, Юг, Запад, Северный Мидленд, Южный Мидленд, Нью-Йорк, «Army Brat».

Таким образом, данный показатель в обоих исследованиях оказывается выше для мужчин в среднем на 6–8 %. Общее время фонации, включающее артикуляцию и паузацию, для обеих групп оказалось одинаковым и составило 134,4 сек.

Также наблюдается определенная зависимость темпоральных характеристик гласных фонем от признака «гендер» (см. рис. 1): в целом, в мужской реализации гласные имеют тенденцию к более краткой артикуляции (за исключением гласных /а/ и /ʊ¹/) и варьируются от 56 мс (/i/) до 153 мс (/ɜː/). Длительность гласных в женской речи находится в диапазоне от 47 мс (/ʊ/) до 177 мс (/ɜː/). Средняя длительность гласных в речи мужчин и женщин составляет 92 мс и 103 мс соответственно. Сходная тенденция гендерной зависимости длительности гласных наблюдается и на материале чтения изолированных слов (данные Хилленбранда и др.): для мужчин – от 188 мс (/ʌ/) до 283 мс (/ɔ/); для женщин – от 226 мс (/ʌ/) до 353 (/ɔ/) [10].

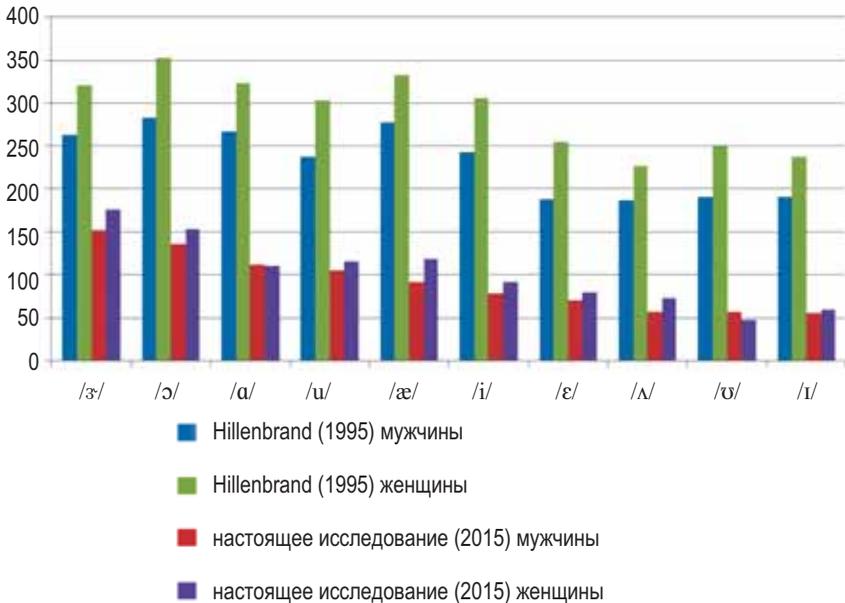

Рис. 1. Средняя длительность монофтонгов (в мс) в речи мужчин и женщин (по данным двух исследований)

¹ Низкая текстовая частотность /ʊ/ в ударной позиции не позволяет получить объективные данные по исследуемым параметрам речи этого гласного.

Собственная длительность гласных обуславливается степенью подъема языка: с его повышением длительность гласного сокращается. Лабиализация ведет к увеличению собственной длительности гласного. Абсолютная собственная длительность гласных уменьшается также по мере смещения артикуляции вперед [3].

Исследование длительности гласных русского языка показывает, что количественная характеристика гласного маркирует изменения его качества. Гласный, длительность которого не превышает 40–50 мс, является редуцированным [3]. В нашем исследовании гласные /ɪ/, /ʌ/, /ʊ/ в мужской реализации (56–57 мс) и /ʊ/, произнесенный женщинами (47 мс), имеют тенденцию к редуцированной артикуляции в потоке речи.

Согласно А. Симпсону, в речи носителей американского варианта гласные в ударной позиции имеют большую длительность у женщин, в то время как мужчины демонстрируют увеличение длительности гласных в безударной позиции, а также консонантных компонентов слов, например, во фразе *The coat has a blend of both light and dark fibers* [16].

Реализации гласных смешанного ряда /i¹/, /ə/ и /ʌ/ имеют выраженную гендерную зависимость: женская речь характеризуется большей частотностью гласных /i/ и /ʌ/, занимающих периферийное положение в вокалическом пространстве, в то время как мужчины отдают предпочтение редуцированному /ə/ [6].

Сокращение длительности гласных, присущее речи мужчин, является не единственным информативным показателем гендерных различий на сегментном уровне. Исследования на материале английского, русского, немецкого и шведского языков указывают на то, что частотность качественной редукиции гласных, а также консонантных изменений, возникающие вследствие экономии артикуляционных усилий, регулярно выше в речи мужчин [1; 3; 6; 10; 11; 15; 16].

Данные Д. Берд свидетельствуют о большей степени ослабления согласных в речи мужчин. Так, конечные взрывные согласные чаще реализуются в речи женщин: 67% vs. 56%. Женщины значительно реже мужчин редуцируют интервокальное сочетание *nt* (*winter*) (nasal flap) (в 4% случаев всех реализаций), а также в стыковой позиции (*suit # in*) реже используют одноударный смычный (flap) в качестве аллофона /t/: 19% (мужчины) vs. 9% (женщины) [6].

¹ В базе данных TIMIT для различения гласных /i/ и /ə/ используется формантный показатель F2: если F2 располагается ближе к F3, чем к F1, то гласный транскрибируется как /i/, в обратном случае как /ə/.

Рассмотренная выше вариативность длительности гласных с точки зрения установленных гендерных стереотипов речевого поведения может быть также обусловлена физиолого-анатомическими различиями строения речевого тракта мужчин и женщин, в терминах А. Симпсона, *биофизической неизбежностью (biophysical inevitabilities) или природой (nature)* [16]. Длина речевого тракта у мужчин составляет 17–18 см, у женщин – 14–14,5 см ($\approx 80\%$ длины речевого тракта мужчины).

В ходе рентгенографического исследования на основе базы данных X-ray Microbeam Speech Production Database2 изучалось движение языка во время артикуляции дифтонга /ai/ в слове *light* и звукосочетания /eɪ/ в *they all*. Были выявлены гендерные различия скорости и характера артикуляции: мужчины преодолевают большее артикуляционное расстояние с большей, чем у женщин, скоростью; для женщин характерно более короткое артикуляционное движение и более длительная реализация /ai/ и /eɪ/. Таким образом, фонетические корреляты нормативности женской речи, такие как широкое акустическое пространство и большая длительность гласных, могут быть результатом работы разных по размеру артикуляторов [15].

Исследование комплексного влияния факторов (возраст, гендер, этническая группа, диалект и т. д.) на длительность гласных показывает, что этот параметр не всегда оказывается гендерно маркированным.

Исследование длительности гласных Е. Яцевич (E. Jacewicz) на материале трех диалектов США – материковой части Севера (the Inland North), Мидленда и Юга – демонстрирует, что социальные факторы «диалект» и «гендер» являются значимыми при анализе длительности гласных, при этом длительность гласных более зависима от произносительного варианта, а влияние гендера менее устойчиво. Дикторами (n=54) в возрасте от 20 до 34 лет были начитаны фразы со словами рамочной структуры /bVt/ и /bVdz/, находящиеся в условиях разной просодической выделенности (level of emphasis: high, intermediate, low).

Длительность гласных в речи жителей Северной Каролины существенно превышает показатели Висконсина (за исключением /æ/) и Огайо. Несмотря на меньшую зависимость длительности гласных от гендерного фактора, женщины сохраняют тенденцию к более долгой их реализации (168 мс vs. 160 мс) во всех исследуемых регионах, за исключением Висконсина, где женская речь характеризуется меньшей длительностью гласных или равна по длительности мужской [11].

Неожиданны полученные данные о гендерной маркированности длительности гласных в речи жителей штата Калифорния [5]. В ходе сравнительного анализа реализации гласных информантами Северной и Южной Калифорнии в возрасте 17–30 лет было обнаружено, что на севере наблюдается дивергенция в реализации гласных: мужчины говорят значительно медленнее женщин. На юге гендерные различия по длительности гласных минимальны (рис. 2).

Анализ *межгендерной вариативности длительности гласных* с учетом показателей стандартного отклонения от среднего значения (SD) в нашей выборке и коэффициента вариации показывает, что в мужской и женской речи наблюдаются разные тенденции количественной модификации гласных. При этом гласные в речи мужчин демонстрируют бóльшую степень вариативности (табл. 5, с. 121). Показатель стандартного отклонения длительности гласных в мужской речи варьируется от 5 мс (/ɪ/) до 36 мс (/ɜ:/). Наиболее вариативны в этой гендерной группе гласные (/ɜ:/) (SD = 36 мс), /ɔ/ (SD = 26 мс) и /a/ (SD = 19 мс).

Женская речь характеризуется меньшим диапазоном стандартного отклонения длительности гласных: от 3 мс (/ɪ/) до 29 мс (/ɔ/). Наибольшая

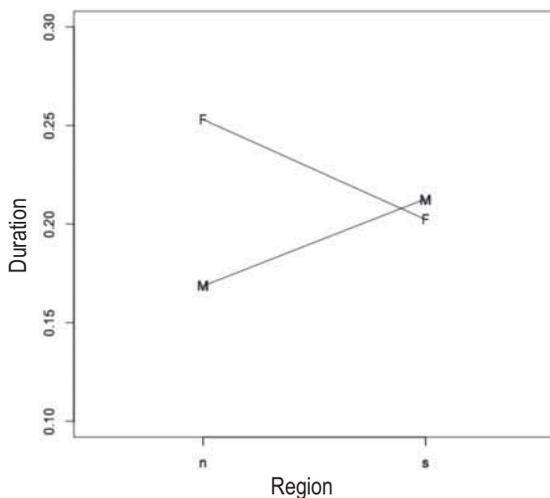

Рис 2. Зависимость средней длительности гласных (в сек) от региона и гендера (F – женщины, M – мужчины, s – Южная Калифорния, n – Северная Калифорния, по данным А. Aiello [5])

вариативность гласных, реализуемых в речи женщин, наблюдается у /ɔ/ (SD = 29 мс), /a/ (SD = 15 мс), /ʌ/ (SD = 15 мс) и /ɜ:/ (SD = 14 мс).

Для проверки равенства средних значений длительности, а также определения значимости различий в зависимости от гендера, нами был применен *t*-критерий Стьюдента в двух выборках: «мужчины» и «женщины». Результаты статистического теста показывают, что значимыми оказываются различия длительности гласных /ɛ/ ($p = 0,004$), /æ/ ($p = 0,000$) и /ɜ:/ ($p = 0,008$). Гласный /i/ ($p = 0,054$) демонстрирует результат, граничащий с допустимым уровнем значимости ($\alpha = 0,05$). В отношении остальных гласных не было обнаружено статистически значимых различий длительности между двумя гендерными группами.

Частота основного тона (ЧОТ)

Сводные данные средних значений ЧОТ гласных, а также показатели стандартного отклонения и коэффициента вариации ЧОТ представлены в таблице 5.

Как показывают результаты настоящего исследования, зависимость значения ЧОТ от фонетических характеристик гласных, обнаруженная на материале чтения изолированных слов [10], не находит своего отражения в связной речи. Это объясняется тем, что в синтагматическом плане звуки речи становятся компонентами более сложных структур (слог, фонетическое слово, высказывание) и претерпевают в их составе изменения, затрагивающие, наряду с их спектральными характеристиками, интенсивностью, длительностью, и значения их собственной частоты основного тона [3]. Так, при чтении слов рамочной структуры /hVd/ носителями американского варианта английского языка выявлено, что гласные высокого подъема /i, u/ имеют наиболее высокую ЧОТ в мужской и женской реализации: /u/ (143 Гц / 235 Гц), /i/ (138 Гц / 227 Гц) по сравнению с гласным низкого подъема /ɔ/, который имеет минимальный показатель ЧОТ (121 Гц / 210 Гц¹) [10].

Средние значения ЧОТ гласных, полученные в настоящем исследовании, составляют 117 Гц для мужской речи в диапазоне от 101 Гц (для /ɔ/) до 135 Гц (для /ʌ/ и /ʊ/) и 230 Гц для женской речи, варьируясь от 207 Гц (для /ɔ/) и 250 Гц (для /ʊ/). Интересно, что мужчины и женщины

¹ В лингвистической литературе существует и иная точка зрения, в соответствии с которой ЧОТ гласных соотносится со степенью продвинуто-сти языка. Наиболее высокими оказываются гласные переднего ряда /i, e, æ/, наиболее низкими гласные заднего ряда /u, o/ [3].

демонстрируют сходные максимальные и минимальные значения ЧОТ гласных. Данные, представленные на графике (рис. 3), позволяют сопоставить средние значения ЧОТ всех гласных по результатам исследования Хилленбранда и др. [10] и настоящего исследования.

Средние значения ЧОТ всех гласных в *мужской речи* по данным Хилленбранда, за исключением сходных значений по гласному /л/ (135 Гц и 133 Гц), находятся выше линии равных значений, т. е. превышают показатели ЧОТ в нашем исследовании (131 Гц vs. 117 Гц). Разница между средним значением ЧОТ, по данным Хилленбранда и др. и настоящего исследования, составила у мужчин 1,8 пт [10].

В распределении средних значений ЧОТ гласных в *женской речи* наблюдается обратная тенденция: данные настоящего исследования находятся ниже линии равных значений, т. е. превышают (незначительно) показатели ЧОТ в исследовании Хилленбранда (230 Гц vs.

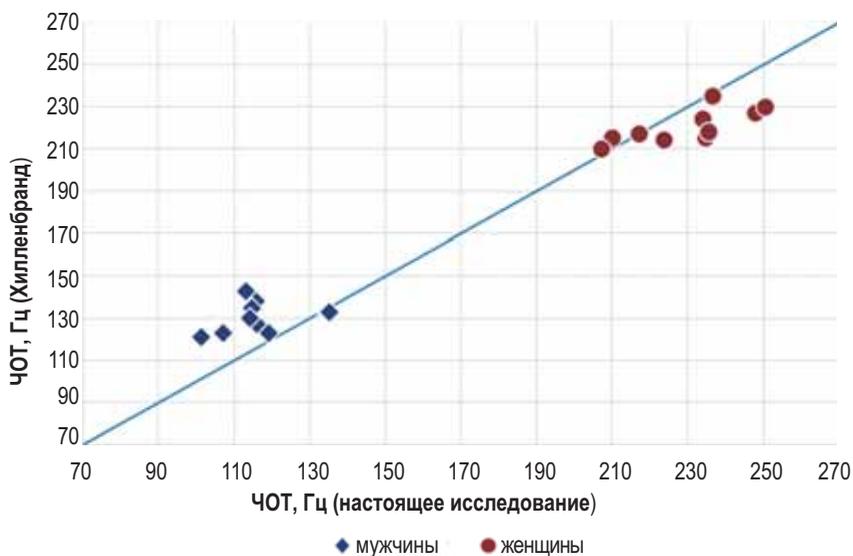

Рис. 3. График распределения средних значений ЧОТ десяти гласных настоящего исследования в сопоставлении с данными Хилленбранда и др.

Точки, расположенные выше линии равных значений (*синяя линия*), обозначают более высокие значения ЧОТ, по данным Хилленбранда.

Точки, расположенные ниже линии равных значений, показывают, что значения ЧОТ, по данным Хилленбранда, ниже по сравнению с настоящим исследованием

221 Гц). Сходные значения ЧОТ наблюдаются у гласных /ɔ/ (207 Гц и 210 Гц), /æ/ (210 Гц и 215 Гц) и /u/ (237 Гц и 235 Гц). Разница между средним значением ЧОТ по данным Хилленбранда и др. и настоящего исследования составила у женщин 0,8 пт.

Внутригендерная вариативность

Многие исследования указывают на бóльшую внутригендерную вариативность значений ЧОТ в мужской группе, что может объясняться биологическими особенностями мужского голоса. У мужчин существенное понижение уровня ЧОТ происходит в период полового созревания и сопровождается ростом гортани, удлинением и утолщением голосовых связок. Изменения ЧОТ продолжаются, постепенно замедляясь, вплоть до достижения ими возраста ≈ 35 лет. В возрасте ≈ 55 лет уровень ЧОТ начинает повышаться. Для женщин уровень ЧОТ остается неизменным вплоть до периода менопаузы, далее начинает снижаться, достигая к 70 годам максимального спада на ≈ 15 Гц.

Данные, представленные в таблице 2, иллюстрируют различия значений ЧОТ как внутри гендерных групп, так и между ними. Разница между максимальными (M5, F2) и минимальными (M1, F4) средними значениями ЧОТ, выраженная в полутонах (пт), составляет в мужской группе – 5 пт, в женской – 2,5 пт, что говорит о бóльшей вариативности ЧОТ среди мужчин.

Таблица 2

Среднее значение ЧОТ (в Гц), стандартное отклонение (SD) (в Гц) и коэффициент вариации (в %) по десяти гласным: мужчины (M) и женщины (F)

	M1	M2	M3	M4	M5
Среднее значение ЧОТ	104	114	111	118	139
Стандартное отклонение (SD)	10	10	14	14	15
Коэффициент вариации	10	9	12	12	11
	F1	F2	F3	F4	F5
Среднее значение ЧОТ	221	246	237	212	232
Стандартное отклонение (SD)	10	17	30	22	21
Коэффициент вариации	5	7	13	10	9

Диапазон ЧОТ

Средние значения ЧОТ_{макс} и ЧОТ_{мин}, а также интервал ЧОТ по исследуемым гласным в обеих гендерных группах представлены в таблице 3. В среднем, интервал ЧОТ по всем гласным в группе женщин значительно шире, чем у мужчин при выражении в герцах, и несколько сокращается при выражении в полутонах (пт). В целом, сохраняется тенденция, при которой женщины демонстрируют больший интервал ЧОТ, что указывает на свойственную им просодическую экспрессию. Наши данные подтверждаются результатами исследования региональных просодических особенностей речи жителей США, в ходе которого было выявлено, что американские женщины используют более широкий диапазон ЧОТ, чем мужчины [4].

Таблица 3

Значения ЧОТ_{макс} (в Гц), ЧОТ_{мин} (в Гц), интервал ЧОТ (в Гц и пт)

Мужчины					Женщины				
Гласные	ЧОТ		Интервал ЧОТ		Гласные	ЧОТ		Интервал ЧОТ	
	мин	макс	в Гц	в пт		мин	макс	в Гц	в пт
/i/	107	124	17	2,6	/i/	230	266	37	2,5
/ɪ/	111	118	7	1,1	/ɪ/	221	247	26	1,9
/e/	111	121	10	1,5	/e/	212	235	24	1,8
/æ/	103	112	9	1,5	/æ/	195	225	30	2,5
/ɑ/	109	129	20	2,9	/ɑ/	211	258	47	3,5
/ɔ/	93	110	17	2,9	/ɔ/	186	228	41	3,5
/ʌ/	126	143	17	2,2	/ʌ/	225	246	21	1,5
/ʊ/	127	143	16	2,1	/ʊ/	241	260	19	1,3
/u/	104	122	18	2,8	/u/	207	266	59	4,3
/ɜ/	104	124	20	3,0	/ɜ/	201	233	32	2,6

Формантные характеристики F1 и F2

Полученные акустические характеристики F1 и F2 десяти гласных в реализации мужчинами и женщинами позволяют:

- выявить внутригендерные особенности распределения гласных в вокалическом пространстве F1 × F2;

- проанализировать межгендерную вариативность акустических свойств гласных;
- провести сопоставительный анализ с данными Петерсона и Барни (1952) с точки зрения фоностилистического варьирования акустических характеристик гласных, а также выявить основные изменения гласных американского произносительного стандарта в диахроническом аспекте [14].

На графиках (рис. 4 и 5, с. 114–115) представлены частотные характеристики гласных по показателям F1 (подъем гласного) и F2 (ряд гласного), реализованные в речи мужчин и женщин. Сравнительный анализ показывает, что гласные у женщин имеют значительно более широкий диапазон распределения в акустическом пространстве F1 × F2. Для представления этих различий в численном выражении мы сравнили совокупность средних значений F1 и F2 десяти гласных и определили, что размер вокалического пространства гласных женской речи больше мужского на 22 % по подъему гласного и на 15 % по ряду гласного. Некоторые исследователи связывают эти различия с характерным для многих мужчин меньшим, чем у женщин, раствором рта при артикуляции [2].

	F1	F2
Женщины	617 Гц	1704 Гц
Мужчины	483 Гц	1447 Гц
Разница между значениями	135 Гц 22 %	257 Гц 15 %

Интересны, на наш взгляд, результаты исследования внутригендерной вариативности речи мужчин, опубликованные в статье с броским названием: «Mumbling is macho: phonetic distinctiveness in the speech of American radio DJs» [8]. Анализ речи восьми американских радио диджеев с точки зрения влияния социального параметра «маскулинность» на фонетическую составляющую речи выявил статистически значимую зависимость дисперсии акустического пространства от степени маскулинности говорящего.¹ Диджеи с низким

¹ В ходе перцептивного анализа были отобраны характеристики, которые оказались наиболее весомыми для определения понятия «маскулинность»: мужественность (machismo), размер тела (physical size) и самоуверенность (self-confidence) [8].

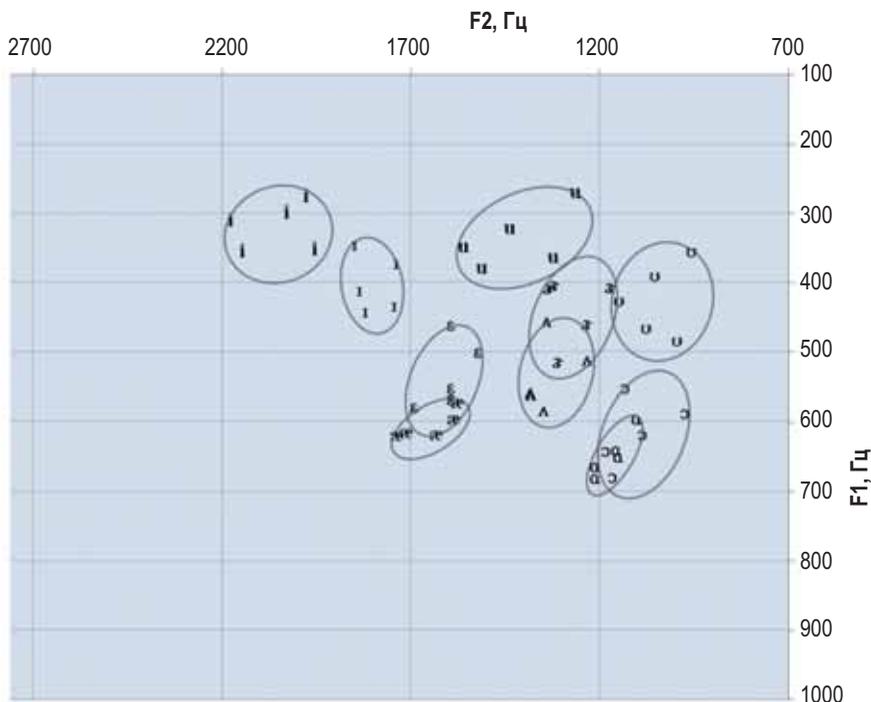

Рис. 4. Средние значения частотных характеристик F1 и F2 (мужчины)

уровнем маскулинности демонстрируют широкое акустическое пространство; с повышением уровня маскулинности диджеев вокалическое пространство сужается. Автор приходит к заключению, что «more-masculine-sounding DJs produce phonetically less-distinct speech than the less-masculine-sounding DJs» [8, с. 83].

Перейдем к обсуждению результатов спектрально-акустического анализа гласных в мужской и женской группах.

Внутригендерная вариативность: мужчины

Коэффициент вариации формантных показателей F1 в группе информантов-мужчин колеблется от 3 % (для /æ/) до 13 % (для /ʊ/ и /u/) и формантных показателей F2 – от 3 % (для /i/) до 9 % (для /u/), поэтому мы можем говорить об относительной однородности полученных

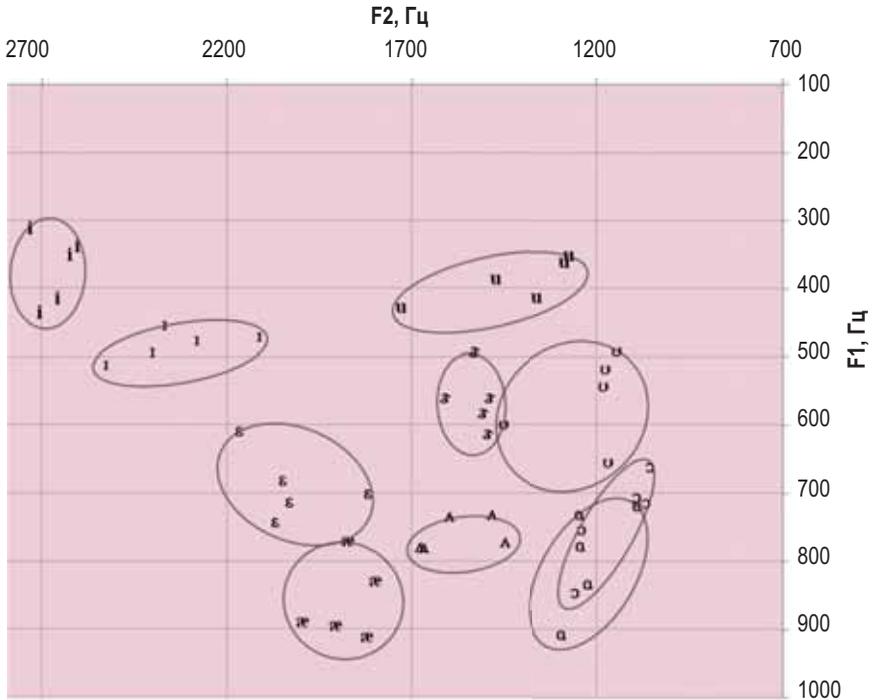

Рис. 5. Средние значения частотных характеристик F1 и F2
(женщины)

данных¹. В целом, гласные у мужчин характеризуются меньшей вариативностью по показателям F1 и F2 по сравнению с женщинами. Статистический анализ с применением *t*-критерия Стьюдента выявляет значимость различий коэффициентов вариации параметров F1 и F2 ($p = 0,003$), указывая на большую вариативность показателей F1 в этой гендерной группе. Открытый передний гласный /æ/ демонстрирует наибольшую однородность значений формант F1 ($SD = 20$ Гц) и F2 ($SD = 73$ Гц) (рис. 4 и табл. 5). Наблюдается тенденция к частичному

¹ Коэффициент вариации характеризует степень однородности совокупности значений. Совокупность считается однородной при значениях меньше 33%. При значениях свыше 33% говорят о большей колеблемости признаков, и совокупность считается неоднородной.

перекрыванию акустических зон гласных /ɛ/ и /æ/, в первую очередь по показателю F2:

	F1	F2
/ɛ/	530 Гц (SD=50 Гц)	1601 Гц (SD=60 Гц)
/æ/	602 Гц (SD=20 Гц)	1648 Гц (SD=73 Гц)

Действительно, результаты тестов по распознаванию гласных Петерсона и Барни показывают, что /ɛ/ перцептивно идентифицируется слушающими только в 87,7% случаев из 100% [14].

Наблюдаемое сближение акустических характеристик F1 и F2 гласных смешанного ряда /ɜ/ и /ʌ/ свидетельствует о сужении (редукции) гласного /ʌ/. Ретрофлексный гласный /ɜ/ имеет дополнительную акустическую характеристику, которая выражается в понижении форманты F3, что отличает его от безэрных гласных. Разница между совокупным показателем F3 всех гласных и средним значением F3 для /ɜ/ составляет от 28% для мужчин до 34% для женщин.

	F3 (Гц) все гласные	F3 (Гц) /ɜ/
Мужчины	2476	1794
Женщины	3031	1999

Наиболее вариативными по ряду (F2) и подъему (F1) в мужском акустическом пространстве являются гласные /ɔ/ (F1 = 422 Гц, SD = 53 Гц; F2 = 1048 Гц, SD = 74 Гц) и /u/ (F1 = 335 Гц, SD = 43 Гц; F2 = 1419 Гц, SD = 125 Гц). Все информанты-мужчины проявляют устойчивую тенденцию к продвижению вперед гласного /u/. Информанты M1 и M2 демонстрируют наиболее выраженное смещение /u/ по ряду: /u/ → /i/.

Наблюдаемое сужение /æ/ и продвижение вперед /u/, как отмечает У. Лабов, являются общими произносительными тенденциями для всех регионов США и приводит к неразличению таких пар слов, как *Kennedy* и *Canada, pens* и *pans, bed* и *bad*. Продвижение /u/ (за исключением восточной части Новой Англии, Висконсина и Миннесоты) вызывает неверное восприятие пар слов: *youth* и *yeast, shoe* и *cheese, boozey* и *beesy*¹ [13].

¹ Об эксперименте по узнаванию гласных, проведенном в рамках проекта Cross-Dialectal Comprehension (CDC) с участием жителей городов Филадельфия, Чикаго и Бирмингем (штат Алабама), представляющих разные произносительные регионы США, см. подробнее в [13].

Мужчины в большей степени, чем женщины, демонстрируют стабильную тенденцию к сужению открытого заднего /а/. Для мужчин характерно частичное наложение акустических зон /а/ и /о/, а также сближение акустических характеристик /а/, /о/ и /л/, что объясняет затруднение идентификации этих гласных на перцептивном уровне. По данным Хилленбранда, хуже всех слушающими распознаются гласные /а/ (92,3%), /л/ (90,8%) и /о/ (82,0%) [10].

Внутригендерная вариативность: женщины

Коэффициент вариации формантных показателей F1 в группе информантов-женщин колеблется от 3% (для /л/) до 14% (для /и/) и формантных показателей F2 – от 2% (для /и/) до 13% (для /у/), что также свидетельствует об однородности полученных данных по показателям F1 и F2. Женщины демонстрируют большую внутригендерную вариативность: для всех исследуемых гласных характерна большая дисперсия значений F1 и F2, за исключением гласных смешанного ряда /л/ и /з/. Примененный *t*-критерий Стьюдента с целью проверки значимости отличия коэффициентов вариации по параметрам F1 и F2 показывает, что оба параметра в равной степени оказываются вариативны ($p = 0,30$).

Закрытые гласные переднего ряда /и/ и /у/ демонстрируют разные тенденции вариативности: /и/ имеет наибольший коэффициент вариации (14%) по показателю F1; /у/ оказывается в большей степени вариативен по показателю F2.

Закрытый задний гласный /у/ имеет большую степень вариативности по показателю F2: он не однороден по степени продвинутости в речи информантов-женщин. Значения F2 для /у/ варьируются в диапазоне от 1273 Гц (информант F2) до 1730 Гц (информант F1).

Большой разброс значений и по подъему, и по ряду наблюдается в реализации /у/: показатели F1 колеблются от 489 Гц (информант F5) до 625 Гц (информант F1), показатели F2 – от 1147 Гц (информант F5) до 1455 Гц (информант F3).

Для женщин в большей степени характерно перекрывание акустического пространства гласных /а/ и /о/, при этом /а/ имеет значительно более открытую степень реализации по сравнению с мужчинами.

Произносительные тенденции гласных:

исследование Петерсона и Барни vs. настоящее исследование

С целью выявления общих, а также гендерно маркированных тенденций варьирования гласных на акустическом уровне нами был

проведен сопоставительный анализ формантных характеристик гласных F1 и F2 со значениями, полученными Петерсоном и Барни в 1952 г. Авторами исследовались акустические свойства долгих и кратких монофтонгов на материале чтения 20 слов рамочной структуры [hVd] с участием 76 носителей национального произносительного стандарта (GA) [14]. Гипотеза о том, что гласные претерпевают значительные качественные изменения в ходе исторического развития, а также имеют тенденцию варьирования в фоностилистическом плане, нашла свое подтверждение в ходе проведенного анализа. Результаты, представленные на графике (рис. 6), позволяют проследить изменения акустических свойств исследуемых гласных в двух гендерных группах.

В потоке речи *мужчин* наблюдается «свертывание» системы гласных, при котором происходит их смещение с периферии акустического

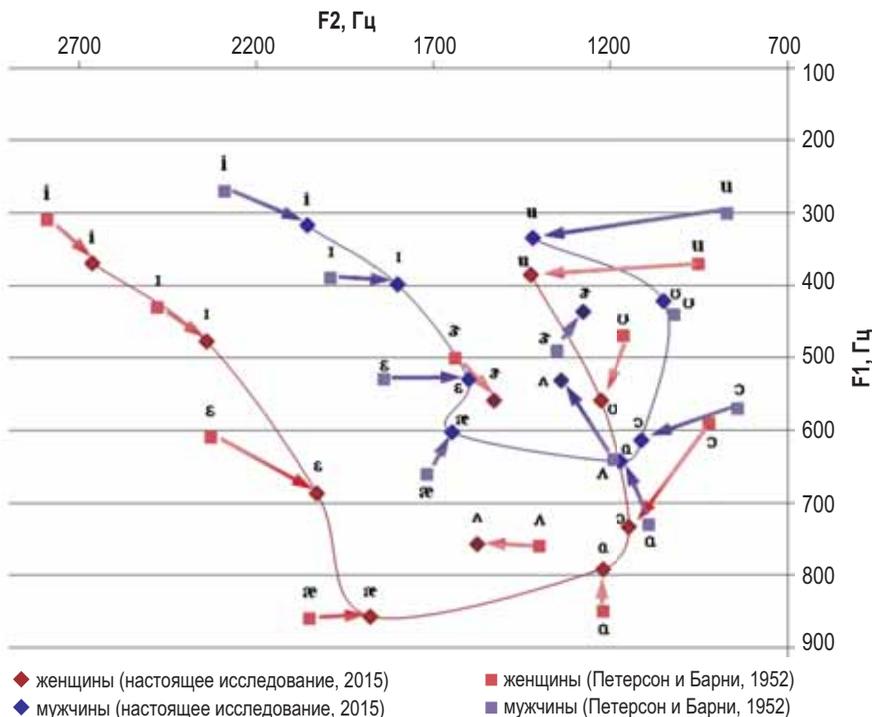

Рис. 6. Акустические характеристики гласных по данным двух исследований (настоящее исследование, 2015 vs. Петерсон и Барни, 1952). Стрелками показана тенденция изменений гласных

пространства к его центру. Гласные переднего ряда /i/, /ɪ/ и /ε/ оттягиваются назад; /æ/ незначительно сдвигается по горизонтальной оси и сужается. Гласные смешанного ряда /ɜ/ и /ʌ/ демонстрируют тенденцию к сужению, более выраженному у /ʌ/, который приобретает качество нейтрального звука /ə/. Закрытый задний гласный /u/ значительно продвигается вперед, /ɔ/ также смещается по горизонтали, /ɑ/ сужается, /ɔ/ и /ɑ/ сближаются по акустическим показателям F1 и F2 почти до полного их слияния.

Речь *женщин* характеризуется менее выраженным оттягиванием назад /i/ и /ɪ/, но большим по сравнению с мужчинами изменением подъема гласных. Гласный /ε/ расширяется и оттягивается назад, /æ/ незначительно оттягивается, при этом оставаясь на периферии вокалического пространства. Для гласных смешанного ряда характерны незначительное расширение (/ɜ/) и продвижение вперед (/ʌ/). Наибольшие изменения в группе задних гласных наблюдаются у гласного /u/, сильное продвижение вперед; и у /ɔ/ – по ряду и подъему (расширение и сдвиг влево). Гласные /ɔ/ и /ɑ/, так же как и в мужской реализации, демонстрируют тенденцию к сближению.

Описанные выше произносительные тенденции могут быть условно представлены следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Произносительные тенденции гласных

(стрелками обозначены: «→» – оттягивание назад; «←» – продвижение вперед, «↑» – сужение, «↓» – расширение; «(→)» – незначительные изменения)

Гласные	Мужчины		Женщины	
	Ряд	Подъем	Ряд	Подъем
/i/	→	(↓)	→	↓
/ɪ/	→	–	→	↓
/ε/	→	–	→	↓
/æ/	(→)	↑	→	–
/ɑ/	(←)	↑	–	↑
/ɔ/	←	↓	←	↓
/ʌ/	←	↑	←	–
/ɜ/	–	–	–	↓
/u/	←	–	←	–
/ɜ/	–	(↑)	→	↓

Выводы

Подводя итог изучению гендерной вариативности гласных, необходимо отметить, что все исследуемые параметры (длительность гласных в ударной позиции, значения ЧОТ_{макс}, ЧОТ_{мин}, среднее значение ЧОТ, интервал ЧОТ, формантные значения F1 и F2) оказываются информативными показателями гендерных различий на сегментном уровне.

Перечислим основные различные и сходные акустические характеристики гласных в речи мужчин и женщин, выявленные в ходе настоящего исследования.

Различные произносительные тенденции:

- бóльшая скорость артикуляции у мужчин;
- бóльшая длительность ударных гласных у женщин;
- более редуцированная артикуляция ударных гласных в мужской речи;
- бóльшая внутригендерная вариативность значений ЧОТ в группе мужчин;
- более широкий интервал ЧОТ по всем гласным в группе женщин;
- значительно более широкий диапазон распределения гласных в акустическом пространстве женской речи;
- меньшая вариативность по показателям F1 и F2 у мужчин по сравнению с женщинами;
- бóльшая дисперсия значений F1 и F2 в женской речи (за исключением гласных смешанного ряда);
- более выраженное «свертывание» системы гласных в мужской реализации.

Сходные произносительные тенденции:

- оттягивание назад гласных переднего ряда /i, ɪ, e/;
- продвижение вперед закрытого заднего гласного /u/;
- расширение и продвижение вперед гласного /ɔ/;
- сужение открытого заднего гласного /a/;
- сближение акустических характеристик /ɔ/ и /a/.

Таблица 5

Средние показатели длительности (в мс), ЧОТ (в Гц), частотных характеристик F1 и F2 (в Гц), среднеквадратическое отклонение (в мс и Гц) и коэффициент вариации (в %)

Гласные	Мужчины											
	Длительность (в мс)	Среднеквадратическое отклонение (в мс)	Коэффициент вариации (в %)	ЧОТ	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)	F1	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)	F2	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)
/i/	79	10	13	116	10	9	317	35	11	2057	100	5
/ɪ/	56	5	10	115	11	9	398	41	10	1801	52	3
/ɛ/	70	6	9	116	14	12	530	50	9	1601	60	4
/æ/	92	8	9	107	14	13	602	20	3	1648	73	4
/a/	111	19	17	119	12	10	644	32	5	1169	46	4
/ɔ/	137	26	19	101	12	12	613	49	8	1111	83	7
/ʌ/	57	6	11	135	15	11	531	50	9	1339	62	5
/o/	57	7	12	135	23	17	422	53	13	1048	74	7
/u/	105	10	10	113	14	13	335	43	13	1419	125	9
/ɜ:/	153	36	23	114	18	16	436	49	11	1277	70	5

Окончание таблицы

Гласные	Женщины											
	Длительность (в мс)	Среднеквадратическое отклонение (в мс)	Коэффициент вариации (в %)	ЧОТ	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)	F1	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)	F2	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)
/i/	92	8	9	248	24	9	369	52	14	2665	54	2
/i:/	60	3	4	234	20	9	478	22	5	2341	154	7
/ɜ/	79	4	5	224	18	8	686	50	7	2029	127	6
/æ/	119	7	6	210	12	6	857	59	7	1878	78	4
/ɑ/	111	15	13	235	19	8	791	78	10	1221	76	6
/ɔ/	154	29	19	207	22	10	734	69	9	1145	98	9
/ʌ/	73	15	21	236	26	11	757	24	3	1578	105	7
/ʊ/	47	9	19	250	26	10	558	66	12	1227	128	10
/u/	116	4	3	237	23	10	386	33	9	1424	188	13
/ʊ:/	177	14	8	217	14	6	559	44	8	1528	50	3

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карташевская Ю. В.* Акустические характеристики монофтонгов в американском варианте английского языка (на материале речи мужчин) // Фонетика сегодня: проблемы и решения. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 74–88. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 712. Сер. Языкознание и литературоведение).
2. *Потапова П. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
3. *Потапова П. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
4. *Шевченко Т. И.* Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 232 с.
5. *Aiello A.* A phonetic examination of California: MA Thesis. – University of California, Santa Cruz, 2010. – URL : <http://people.ucsc.edu/~gmcguir1/LabReport/AielloLRC.pdf>
6. *Byrd D.* Relations of sex and dialect to reduction // *Speech Communication*. – 1994. – V. 15. – P. 39–54.
7. *Clopper C. G., Pisoni D. B., de Jong K.* Acoustic characteristics of the vowel systems of six regional varieties of American English // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 2005. – V. 118 (3 Pt 1). – 1661–1676.
8. *Heffernan K.* Mumbling is macho: phonetic distinctiveness in the speech of American radio DJs // *American Speech*. – 2010. – V. 85 (1). – P. 67–90.
9. *Herrmann F., Cunningham S. P., Whiteside S. P.* Speaker sex effects on temporal and spectro-temporal measures of speech // *Journal of the International Phonetic Association*. – 2014. – V. 44 (1). – P. 59–74.
10. *Hillenbrand J., Getty L. A., Clark M. J., Wheeler K.* Acoustic characteristics of American English vowels // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 1995. – V. 97 (5). – P. 3099–3111.
11. *Jacewicz E., Salmons J., Fox R. A.* Vowel duration in three American English dialects // *American Speech*. – 2007. – V. 82 (4). – P. 367–385.
12. *Jacewicz E., Salmons J., Fox R. A.* Cross-generational vowel change in American English // *Language Variation and Change*. – 2011. – V. 23 (1). – P. 45–86.
13. *Labov W.* Principles of Linguistic Change : in 3 vol. – Vol. 3. Cognitive and Cultural Factors. – Wiley-Blackwell, 2010. – 419 p.
14. *Peterson G. H., Barney H. L.* Control methods used in a study of the vowels // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 1952. – V. 24 (2). – P. 175–184.
15. *Simpson A. P.* Phonetic differences between male and female speech // *Language and Linguistics Compass*. – 2009. – V. 3 (2). – P. 621–640.
16. *Simpson A. P., Ericsson Ch.* Sex-specific durational differences in English and Swedish // *Proc. XVth ICPHS*. – Barcelona, 2003. – P. 1113–1116.

17. *Weirich M., Simpson A. P.* Differences in acoustic vowel space and the perception of speech tempo // *Journal of Phonetics*. – 2014. – V. 43. – P. 1–10.
18. *Wodak R., Benke G.* Gender as a Sociolinguistic Variable: New Perspectives on Variation Studies // *The Handbook of Sociolinguistics* / ed. by F. Coulmas. – Blackwell Publishing, 1998. – P. 125–150.

УДК 81'34

Д. Т. Поздеева

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: da_pozdeeva@mail.ru

РИТМИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В КАНАДСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье представлен исторический обзор словесного ударения в английском языке, а также результаты эксперимента, направленного на выявление особенностей словесного ударения в канадском варианте английского языка. Предлагается теоретическое и практическое обоснование ритмической тенденции словесного ударения, характерной для канадского варианта английского языка.

Ключевые слова: словесное ударение; канадский вариант английского языка; акцентная структура слова; произносительная норма.

D. T. Pozdeeva

Post-graduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: da_pozdeeva@mail.ru

RHYTHMIC TENDENCY OF WORD STRESS IN CANADIAN ENGLISH

The paper offers a historical survey of word stress in the English language as well as the findings of the experimental study aimed at revealing the nature of word stress in Canadian English. Theoretical and practical grounds for the rhythmic tendency of word stress typical for Canadian English are presented.

Key words: word stress; Canadian English; accent word structure; pronunciation standard.

На протяжении многих лет исследователи занимались изучением английского языка в Канаде. При этом в центре внимания оказывались следующие аспекты:

- статус канадского английского – это акцент, диалект или вариант;
- особенности лексического состава английского языка в Канаде;
- фонетические особенности канадского варианта английского языка.

Чем же вызван подобный интерес? Ответ очевиден: в силу своего исторического развития и географического положения Канада занимает особое положение среди стран, в которых английский является

государственным языком. По классификации Д. Кристала, Канада попадает во «внутренний круг» стран, в которых английский язык считается родным, наряду с США, Австралией, Новой Зеландией и Южно-Африканской республикой. Здесь стоит отметить, что географическая удаленность от Великобритании последних трех стран накладывает определенный отпечаток на использование и развитие в них английского языка, в то время как Канада попадает под непосредственное влияние своего могущественного соседа – США. Вместе с этим важную роль играет сосуществование в Канаде двух культур – и, как следствие, двух государственных языков: английского и французского.

Несмотря на то, что многие авторы освещали в своих работах фонетические особенности канадского варианта английского языка, до сих пор вопросу о позиции словесного ударения уделялось незначительное внимание.

В широком смысле ударение можно определить как бóльшую выделенность некоторых элементов речевой цепи по отношению к остальным. Здесь следует провести различие между фразовым и словесным ударением. Фразовое характеризуется большей степенью выделенности одного или нескольких слов во фразе по сравнению с остальными. Под словесным ударением понимается, соответственно, бóльшая степень выделенности одного или нескольких слогов в слове. В дальнейшем речь пойдет только о словесном ударении [2].

В ходе исторического развития акцентная структура английского языка претерпевала определенные изменения; общей тенденцией стал переход от свободного ударения в индоевропейском языке к связанному, или фиксированному, в современном английском. В индоевропейском языке (4,5–2 тыс. до н. э.) существовало два типа ударения – музыкальное и силовое, его позиция не была четко фиксированной и могла смещаться с корневой морфемы на префикс или аффикс. Общегерманский период (приблизительно XV–X вв. до н. э.) характеризуется, в соответствии с теорией А. Мейе, так называемым «акцентным переворотом», результатом которого стало исчезновение музыкального ударения. В поздний общегерманский период ударение уже не могло падать ни на суффикс, ни на окончание, оно фиксировалось на первом слоге – на корне или префиксе. В ранний период существования древнего английского языка (V–XI вв. н. э.) акцентная структура, унаследованная из общегерманского, не претерпела практически

никаких изменений: ударение по-прежнему оставалось силовым, падало на первый слог и не меняло позицию в разных грамматических формах одного и того же слова. Многосложные слова могли иметь два ударения: главное и второстепенное. Важно отметить, что уже в древнеанглийский период ударение выполняло смысловозначительную (грамматическую) функцию, к примеру, с его помощью можно было различать существительные и глаголы.

В более поздние периоды существования английского языка его акцентная структура подверглась изменениям. Среднеанглийский период (XI–XV вв. н. э.) характеризуется ассимиляцией многочисленных заимствований из французского языка, причиной чему послужило нормандское завоевание Англии. В течение почти трех веков французский выступал в качестве языка элиты, латинский являлся официальным языком церкви, а на английском разговаривали низшие слои общества. Продолжительное влияние французского языка привело к тому, что многие заимствования в среднеанглийский период имели французские акцентные модели. Вполне вероятно, что сразу после перехода слова из французского языка в английский оно сохраняло ударение на последнем или предпоследнем слоге, которое в процессе ассимиляции смещалось ближе к началу слова в соответствии с германской традицией. Причиной этого явления принято считать рецессивную тенденцию, в результате действия которой ударение сдвигалось со второго слога на первый в двусложных словах. Если речь идет о словах, состоящих из трех и более слогов, то на них могла повлиять также ритмическая тенденция, суть которой заключается в регулярном чередовании ударных и безударных слогов. В некоторых случаях смещение ударения определялось изменениями в морфологической структуре слова [5].

Еще одним фактором, определяющим позицию словесного ударения, является «сила» (weight) слога. Сильным принято считать слог, содержащий долгий гласный, дифтонг или краткий гласный, закрытый двумя согласными. Слог, имеющий иную структуру, является слабым. Сильный слог, как правило, обладает большей степенью выделенности [2].

Таким образом, принимая во внимание особенности исторического развития английского языка, мы можем сделать вывод, что он сочетает в себе черты и германских, и романских языков. В частности, это прослеживается в двойственности норм акцентуации слов. С одной стороны, в словах романского происхождения ударение чаще всего ставится

на предпоследний или третий от конца слог. С другой стороны, оно может падать на первый слог в соответствии с германской традицией.

Необходимо также отметить тот факт, что к моменту переноса английского языка в Северную Америку в нем уже существовало третичное (пост-тоническое) ударение, в частности, в заимствованных из старофранцузского словах с суффиксами *-ary*, *-ery*, *-ory*. Под воздействием рецессивной тенденции главное ударение переместилось к началу слова или на первый слог, а слог, который ранее находился под сильным ударением, приобрел это так называемое третичное ударение. Кроме того, по мнению Д. А. Шахбаговой, для британского и австралийского вариантов английского языка более сильной оказалась рецессивная тенденция, в то время как для американского и канадского – ритмическая [6].

В исследовании А. А. Ерошина рассматривается развитие акцентной структуры слова на материале британского и американского вариантов английского языка. В центре внимания оказалось выявление константных и вариативных признаков, присущих этим вариантам английского языка. Территориальная вариативность рассматривается в данной работе как один из аспектов вариативности акцентной системы английского языка. На этом уровне константным признается использование определенного акцентного типа: для британского варианта более характерным является использование структуры с одним ударением в слове */+/,* а для американского – с двумя */++/,* т. е. рецессивная и ритмическая тенденции соответственно [3].

Сравнение акцентных структур британского и американского вариантов английского языка представлено в работе Т. Берга [9]. Материалом для исследования послужили 932 слова с различающейся акцентной структурой в двух вариантах языка на основе словаря Дж. Уэллза «*Longman Pronunciation Dictionary*» (1990). В ходе эксперимента учитывалась средняя длина слова, частотность его использования, часть речи, способ словообразования и этимология. В результате был сделан вывод о том, что британский вариант следует считать более подверженным ритмической тенденции; кроме того, низкая частотность использования слов приводит к тому, что они стираются из памяти говорящего, открывая тем самым широкие возможности для акцентной вариативности [9].

Следующей попыткой сравнить британский и американский варианты английского языка стало исследование Е. А. Бурой [1],

основанное на материале 16-го издания словаря Д. Джоунза «English Pronouncing Dictionary» (2003), в результате которого было выявлено и описано около 1480 слов. По итогам исследования установлено, что большинство слов с несовпадающей акцентной структурой являются заимствованиями из других языков, в частности из французского; степень их частотности очень низка. Кроме того, не подтвердился тезис о том, что для британского варианта более характерна рецессивная тенденция словесного ударения, а для американского – ритмическая: обе они в равной степени присущи двум вариантам, что противоречит выводам, сделанным Д. А. Шахбаговой [6].

Для проведения нашего эксперимента был использован список слов, получивших в результате метода сплошной выборки для исследования Е. А. Бурой, акцентные структуры которых не совпадают в британском и американском вариантах английского языка. Были поставлены следующие задачи:

- сопоставить акцентные модели слов в канадском варианте английского языка с моделями в американском и британском вариантах;
- выявить, какой вариант акцентной модели является более распространенным в Канаде;
- дополнить список акцентными моделями, характерными только для канадского варианта.

Материалом для изучения канадского варианта послужил «Canadian Oxford Dictionary» [11]. Стоит сразу отметить, что изначальный список слов содержал около 1380 слов. Затем их количество сократилось до 750. Причиной этому послужило отсутствие в канадском словаре транскрипций почти половины. После проверки было установлено, что степень частотности этих единиц достаточно высока, а после письменного запроса Е. А. Бурой редактор словаря, Кэтрин Барбэр (Katherine Barber), сообщила, что правильность произношения этих слов не играет для канадцев важной роли, т. е. выбор британской, американской или собственно канадской произносительной нормы не является принципиальным. Этот фактор, безусловно, необходимо было учитывать в нашем исследовании: отсутствие кодифицированного варианта произношения определенных слов указывает на то, что процесс самоидентификации канадцев как отдельной и самостоятельной нации еще не завершен, хотя и находится в активной стадии. Как

пишет И. Тэй в книге «Необычные канадские слова» («Weird Canadian Words»): «And while many believe that little differentiates Canadian culture from American culture (a reasonable assumption since we watch their movies and their television programs, eat at their restaurants, consume their goods and listen to their music), the language of Canadians reveals just how unique a nation we inhabit» («И в то время, как многие полагают, что существует лишь незначительное различие между американской и канадской культурой (вполне обоснованное мнение, поскольку мы смотрим их фильмы и телевизионные программы, едим в их ресторанах, потребляем их товары и слушаем их музыку), язык канадцев показывает, насколько уникальна наша нация») [3; 5].

По итогам эксперимента было выявлено 64 акцентные модели, 35 из которых представлены в трех вариантах английского языка. После сопоставления канадского варианта с британским и американским были получены следующие данные: по количеству слов, которые обладают одинаковыми акцентными моделями, 40% из них совпадают или приближаются к британскому варианту; 54,3% совпадают или приближаются к американскому варианту; 5,7% совпадают и с британским, и с американским вариантами.

Что касается распределения второстепенного и третичного ударения в трех вариантах, были получены следующие данные. Для британского и американского вариантов наиболее характерными являются акцентные модели с второстепенным ударением (31,2% и 23,7% соответственно), в то время как модели с третичным ударением представлены в меньшей степени (1,2% и 6,6%). В канадском варианте наблюдается противоположная тенденция: третичное ударение (17,8%) преобладает над второстепенным (17%).

Среди двусложных стоит отметить модель '--', которая в канадском варианте является наиболее частотной (23,3%). Кроме того, ее представленность в канадском варианте в процентном соотношении совпадает с американским вариантом.

Модель '- -' является наиболее частотной в группе трехсложных моделей. Необходимо также принять во внимание тот факт, что в британском и американском вариантах она представлена единичными случаями (два и три слова в каждом варианте соответственно); для канадского варианта является более характерной (8,8% от общего количества слов).

Четырехсложные модели не очень широко представлены в канадском варианте в данной выборке. Наибольшее количество слов в этой группе имеют акцентную структуру: , - - ' - - ; они составляют 3,46 % от общего их числа.

Что касается пяти-, шести- и семисложных моделей, количество слов, приходящихся на каждую, редко превышает один процент от общего их числа, следовательно, эти модели не являются показательными для всего языка в целом.

В то же время в ходе эксперимента было выявлено девять моделей, характерных только для канадского варианта английского языка. На них стоит остановиться более подробно (табл. 1).

Таблица 1

Акцентные модели канадского варианта английского языка

Тип модели			Количество слов	% от общего числа слов
Односложные	-	coupe	1	0,13
Двусложные	, - -	chapeau	1	0,13
Трехсложные	- ' , -	elongate impregnate stalagmite	3	0,4
Четырехсложные	- ' - , -	aristocrat habitué volatillise	3	0,4
Пятисложные	- - ' - - -	elasticity	1	0,13
	- ' - - , - -	concelebration excogitation hydrogenation infantilism obscurantism repatriation	6	0,8
	- ' - - - , -	allantoides	1	0,13
Шестисложные	' - - - , - - - -	justificatory qualificatory	2	0,26
	- ' - - - , - - - -	purificatory	1	0,13

Как видно из приведенной таблицы, в некоторых случаях данные модели представлены одним или двумя примерами; самое большое количество слов с одинаковой акцентной структурой – шесть. Стоит также особо отметить тот факт, что для канадского варианта характерно третичное (или пост-тоническое) ударение: из восьми моделей оно присутствует в шести. В трех из них третичное ударение падает на последний слог, в оставшихся трех – на второй или третий от конца слог. Таким образом, мы можем говорить о превалировании ритмической тенденции в постановке ударения.

Рассмотрим все девятнадцать слов с точки зрения морфологии, этимологии и частотности использования. Для установления частотности мы воспользовались корпусом канадского варианта английского языка (Canadian English Corpus).

Само по себе появление в данном исследовании слова с **одно-сложной структурой** кажется странным. Дело в том, что слово *coupe* в британском и американском вариантах имеет двусложную структуру с различающейся позицией ударения – на первом слоге в британском и на втором – в американском английском. В канадском же варианте оно имеет односложную структуру. Слово *coupe* было заимствовано из французского в середине XIX в. и в результате ассимиляции приобрело данную форму в канадском английском.

Представленная одним словом **двусложная модель** также вызывает интерес. Характерной особенностью данного слова является отсутствие главного ударения – *ˌchapeau*. Здесь мы имеем дело с заимствованием из старофранцузского языка, сохранившим написание и, частично, произношение. С точки зрения позиции ударения, мы можем отметить сходство с британским вариантом, с той только разницей, что в Великобритании это слово произносится основным (главным) ударением – *'chapeau*.

В группу **трехсложных моделей** попали слова *elongate*, *impregnate*, *stalagmite*. Глаголы *elongate* и *impregnate* имеют одинаковую морфологическую структуру: префикс + корень + суффикс *-ate*. Более того, оба происходят от латинских глаголов *elongare* и *impregnare* соответственно. В британском и американском вариантах эти слова имеют только одно ударение; в канадском же появляется третичное ударение. Существительное *stalagmite* также имеет латинские корни – *stalagmites*. Как мы видим, в этой группе слов романского происхождения преобладает

ритмическая тенденция, в целом характерная для канадского варианта английского языка.

Четырехсложные слова, представленные в нашем списке, демонстрируют такую же ритмическую тенденцию, как и трехсложные. Существительное *aristocrat* заимствовано из французского языка в начале XVII в.; существительное *habitué* – более позднее заимствование из французского, все еще сохраняющее исконное написание; глагол *volatillise* уходит корнями в латинский язык. В канадском варианте эти слова получили третичное ударение по аналогии с более частотными словами.

Пятисложные модели представлены тремя вариантами, из которых один имеет только главное ударение (- ' - - -), а два других – главное и третичное (-' - - - и -' - - -). Первый вариант реализуется лишь в одном случае – *elasticity*. Данное слово соотносится с латинским *elasticus* и было заимствовано английским в середине XVII в. Что касается его морфологической структуры, ударение падает на последний корневой слог, как и в британском и американском вариантах; в последних двух моделях также присутствует вторичное ударение, характерное для канадского варианта.

Модель -' - - - представлена шестью словами: *concelebration, ex-cogitation, hydrogenation, infantilism, obscurantism, repatriation*. Как мы видим, данные существительные можно разделить на две группы с точки зрения словообразования: (префикс) + корень + *-tion*; (префикс) + корень + *-ism*. В словах первой модели главное ударение падает на корень, а третичное – на слог, который предшествует суффиксу. В словах второй модели главное ударение также падает на корень, а третичное – на суффикс. В британском и американском вариантах все слова имеют только главное ударение. Что касается происхождения данных слов, все шесть пришли в английский язык из латинского в период с XVI по XVIII в.

Наконец, третья пятисложная модель представлена в нашем списке одним примером – *allantoides* французского происхождения, очень редко используемым жителями Канады. Тем не менее, по аналогии с более частотными словами, оно приобрело типично канадскую акцентную структуру -' - - -.

Среди **шестисложных моделей** выделим две: ' - - - - и -' - - - -. Первая обнаруживается в двух словах – *justificatory* и *qualificatory*.

В британском и американском вариантах они имеют только одно ударение, на первый и второй слог соответственно. В канадском английском слог, предшествующий суффиксу *-ory*, приобретает третичное ударение, в соответствии с преобладающей в Канаде ритмической тенденцией. Вторая модель представлена прилагательным *purificatory*. Отличие двух моделей заключается в постановке главного ударения – на первом или на втором слоге, позиция же третичного ударения остается неизменной – на слоге, который предшествует суффиксу *-ory*.

Использование корпуса канадского варианта английского языка (Canadian English Corpus) [10] позволило установить частотность использования выбранных нами слов в Канаде. Данный перечень включает в себя 50 миллионов слов, взятых из более чем тысячи устных и письменных текстов. Для большей наглядности эксперимента необходимо отметить, что наивысшей частотностью в нашем списке обладает слово *research* – 23 132 использования. Отсутствие слова в корпусе указывает на очень низкую частотность его использования.

После анализа выбранных 19 слов нами были получены следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Частотность использования слов в корпусе Canadian English Corpus

Слово	Количество использований в корпусе	Слово	Количество использований в корпусе
elongate	213	habitué	3
elasticity	125	stalagmite	2
coupe	109	hydrogenation	2
repatriation	106	qualificatory	1
aristocrat	48	allantoides	–
justificatory	25	purificatory	–
impregnate	11	volatillise	–
obscurantism	8	excogitation	–
infantilism	4	concelebration	–
chapeau	4		

Опираясь на приведенные выше данные, мы можем условно выделить три группы слов. Наиболее частотными в данной выборке являются: *elongate, elasticity, coupe, repatriation*. Меньшей частотностью обладают: *qualificatory, obscurantism, infantilism, hydrogenation, habitué, aristocrat, stalagmite, impregnate, chapeau*. Третью группу составляют слова, не представленные в корпусе канадского варианта английского языка: *purificatory, allantoides, excogitation, concelebration, volatillise*. Очевидно, что частотность использования каждого из этих слов по отношению к общему их количеству в корпусе является очень низкой (менее 0,0005 %).

Таким образом, на основе описанного выше мы можем сделать следующие **выводы**.

1. Несмотря на большое разнообразие акцентных структур, представленных в британском и американском вариантах английского языка, даже в относительно небольшой выборке слов (750) на основе трех вариантов мы можем выделить *девять акцентных моделей*, которые встречаются только в канадском варианте английского языка и реализуются в девятнадцати словах.

2. С точки зрения *этимологии* данные слова являются заимствованиями из романских языков – французского или латинского.

3. С точки зрения *морфологии* больше половины из них образованы при помощи суффиксации, то есть являются дериватами.

4. *Частотность* употребления этих слов в канадском варианте очень низкая.

5. Для канадского варианта английского языка типичным является *третичное (пост-тоническое) ударение*, что подтверждает теорию Д. А. Шахбаговой о преобладании в нем ритмической тенденции ударения над рецессивной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Фонетика и фонология дискурса. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 23–41. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 1 (580). Сер. Языкознание).
2. Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс. – 4-е изд. – М. : Издательский центр «Академия», 2014. – 288 с.

3. *Ерошин А. А.* Развитие акцентной структуры слова в фонетической системе английского языка : автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 22 с.
4. *Постникова Л. В., Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И.* Типология вариантов фонологической системы английского языка : монография / под ред. Т. И. Шевченко. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2012. – 194 с.
5. *Расторгуева Т. А.* История английского языка. – М. : Астрель, 2003. – 348 с.
6. *Шахбагова Д. А.* Фонетика британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка. – М. : Фоллис, 1992. – 283 с.
7. *Шевченко Т. И.* Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М. : Ленанд, 2015. – 232 с.
8. *Шевченко Т. И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.
9. *Berg T.* Stress Variation in British and American English // *World Englishes*. – Vol. 18, Issue 2. – 1999. – P. 123–143.
10. Canadian English Corpus. Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/can/>
11. Canadian English Dictionary, 2nd edition (ed. by Katherine Barber). – Oxford University Press, 2004.
12. *Crystal D.* The Past, Present and Future of English Rhythm // *Changes in pronunciation (special issue of Speak Out!)* / ed. by M. Vaughan-Rees. – IATEFL, 1996. – P. 8 – 13.
13. *Thay E.* Weird Canadian Words. How to Speak Canadian. – Folklore Publishing, 2004. – 143 p.

УДК 81'33

Р. К. Потапова

доктор филологических наук, профессор Академии МАИ,
директор института прикладной и математической лингвистики,
заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной
лингвистики факультета ГПН МГЛУ
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ АКУСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ¹

В статье рассмотрены подходы к изучению факторов, влияющих на звучащую речь, с учетом дальнейшего моделирования источника устной информации (говорящего), особенностей его физиологических, эмоционально-стилистических характеристик, технических условий записи материала (например, Skype, YouTube). На материале русской речи рассмотрены модификации вариантов фонем (звукотипы) применительно к полному и неполному типам произнесения в соответствии с разными стилями произношения.

Ключевые слова: вариативность речи и голоса; лингвистические факторы; экстралингвистические факторы; фонетические факторы; технологические факторы.

R. K. Potapova

Sc.D., Professor; Director of the Institute of Applied
and Mathematical Linguistics, MSLU; Head of the Department
of Applied and Experimental Linguistics, MSLU
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

VARIABILITY OF ACOUSTIC PARAMETERS OF SPOKEN LANGUAGE²

The article describes approaches to the study of factors affecting spoken language, taking into account further modeling of the source of verbal information (the speaker), characteristics of his / her physiological, emotional and stylistic characteristics, and technical conditions of the material recording (e.g., Skype, YouTube). Using the material of Russian speech, modification of phoneme variants (soundclasses) is considered for complete- and incomplete-type speech production in accordance with various styles of pronunciation.

Key words: variability of speech and voice; linguistic factors; extralinguistic factors; phonetic factors; technological factors.

¹ Исследование поддержано Российским Научным Фондом (РНФ). Проект № 14-18-01059.

² The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF). Project № 14-18-01059.

Речевой сигнал по своей сущности представляет собой непрерывный нестационарный случайный процесс, статические характеристики которого меняются во времени, а начало и конец не заданы. При исследовании речевого сигнала удобно принять допущение о его квазистационарных свойствах, т.е. неизменности характеристик на некотором временном отрезке T (см. об этом, например: [4; 11]).

На фонетические характеристики звучащей речи оказывают влияние лингвистические и нелингвистические факторы [5, с. 58–71], среди которых можно отметить психическое и физическое состояние говорящего, явления, связанные с патологией мышления и психическими болезнями, а также некоторые виды болезней, например, расстройства речи, болезнь легких, рак гортани, расщепление неба, хроническая хрипота и катаральное состояние, состояние зубов (натуральных и искусственных, потери главным образом передних зубов), влияние наркотиков, алкоголя и т. д. Необходимо также отметить акустические и технические условия, сопутствующие записи речевого материала [5, с. 58; 6].

Для классификации факторов, оказывающих влияние на речь, необходимо учесть те, которые характеризуют состояние человека, отражают воздействие внешней среды, а также связаны с ситуацией общения, стратегией поведения говорящего и т. д. Г. С. Рамишвили [10, с. 62] предложил следующую систему признаков, влияющих на вариативность параметров речи:

- внешние / внутренние: болевые воздействия (тактильные) можно отнести к внешним факторам, а какое-либо заболевание – к внутренним;
- речевые / неречевые: помехи, фиксирующиеся при записи речи, могут быть речевыми или неречевыми, например, шумом какого-либо источника;
- естественные / искусственные: особенности речепроизводства, связанные со структурой речевого аппарата, будут относиться к естественным, а с использованием вставной челюсти, – искусственным;
- умышленные / неумышленные: явления маскировки можно отнести к умышленным искажающим признакам, а особенности отклонений речи при произнесении в затрудненных условиях – к неумышленным;
- спорадические / ординарные: спорадические – единичные, непостоянные признаки голоса, возникающие под воздействием случайных факторов (болевых, алкогольных, наркотических, простудных

заболеваний и т. д.); ординарные – признаки, возникающие в процессе нормального функционирования речеобразующего тракта и обусловленные артикуляционно-голосовыми навыками.

Вышеуказанные признаки связаны с природой механизма речеобразования, функционирование которого обусловлено спонтанными отклонениями движений артикуляторов от заданной артикуляторной программы, а также преднамеренными изменениями самой артикуляторной программы, свойственной данному индивиду (например, в целях маскировки особенностей своего голоса или имитации чужого).

Кроме того, ряд признаков обусловлен вариативностью технических условий записи фонограмм (разброс характеристик звукозаписывающей и воспроизводящей аппаратуры, наличие шумов в телефонном канале связи, акустические особенности помещения, в котором проводилась запись и др.).

Специалисты выделяют четыре группы факторов вариативности параметров речи и голоса:

- лингвистические;
- физиологические;
- экстралингвистические;
- технологические.

Эмоционально-стилистические характеристики речи отнесены к лингвистическим факторам, а ситуации, отражающие акустические свойства окружающей среды, – к экстралингвистическим. Эмоциональное состояние также может отражать действительную или воображаемую ситуацию процесса речевой коммуникации, что проявляется в специфическом изменении спектральных или просодических характеристик. Индивидуальные особенности голоса диктора могут явиться следствием как физиологических и патологических особенностей строения речевого аппарата, так и психического состояния.

Существуют и другие факторы, оказывающие влияние на вариативность акустических параметров, например, профессия, возраст, образование говорящего, которые являются предметом изучения специальных дисциплин, например, социолингвистики, фоностилистики.

Лингвистические факторы вариативности присущи речи как языковой системе. К ним относятся позиционные и комбинационные изменения звуков, эмоционально-стилистические различия и ненормативные отклонения речевых характеристик из-за диалектного произношения, жаргона, акцента и др.

При статистических измерениях спектрально-временных характеристик необходимо учитывать фактор эмоционально-стилистической вариативности речи. Ранее были получены данные по влиянию типа произнесения на характеристики основных звуковых вариантов фонем – звукотипов [1, с. 31–35]. Исследовался полный тип произнесения, который характеризовался тщательностью и отчетливостью артикуляции, и неполный тип произнесения (разговорный стиль), отличающийся некоторой небрежностью и сопровождающийся усилением редукции гласных. Характеристики гласных в полном и неполном типах произнесения достаточно близки. Исключение составляет гласный [о] в позиции между мягкими согласными, у которого F_4 понизилась при неполном типе произнесения на 500 Гц. Позиционные отличия ударных гласных [а, о, у] между твердыми согласными в отличие от [а, о, у] между мягкими оказались незначительными.

При слуховом восприятии заметны различия в качестве предударных гласных, находящихся в начале слова, после заднеязычных и шипящих [ш, ш':], как, например, в словах *утюг* [ут'ук] и *шалить* [шал'ит']. В целом наиболее устойчивые различия гласных наблюдаются в сильной позиции (в ударном слоге) и в слабой позиции (в безударном слоге).

Анализ спектральных характеристик звукотипов согласных позволил установить следующее: наблюдается ослабление энергетического уровня щелевых звуков при неполном типе произнесения по сравнению с полным. Так, в области частот 5...8 кГц энергетический уровень звуков [с, с', з, з', ш, ж] на 6...9 дБ меньше, чем при полном типе произнесения. Для звуков [х, х' ф, ф', в, в'] ослабление уровня составляет 3...5 дБ. Спектральные характеристики мягких согласных отличаются от характеристик парных твердых согласных наличием усиления спектральной энергии в области частот 2,5...3 кГц. Для согласных [х, х'] наблюдалось изменение спектра в целом. Спектральные характеристики смычных согласных для полного и неполного типов произнесения различаются не столь сильно.

Для сонантов при неполном типе произнесения (например, при разговорном стиле произношения) по сравнению с полным стилем характерен более низкий уровень формант (на 6...12 дБ). На спектральные характеристики сонантов оказывает влияние их позиция. Сравнение спектральных характеристик сонантов, находящихся в ударном

слоге в разных позициях, показывает, что частоты формант сонантов в абсолютном начале фразы (т. е. в начале первого слога после паузы) выше соответствующих формант сонантов третьего слова фразы. Выделенным оказывается не только абсолютное начало фразы, но и начало ее третьего слога, которое также характеризуется некоторым повышением частоты формант по сравнению со значениями формант сонантов конца первого и середины третьего слога фразы. Разница в частоте формант при полном типе произнесения достигает 200 Гц. Для сонантов, находящихся в конце первого слова фразы, по сравнению с сонантами, находящимися в середине слова, не отмечалось сколько-нибудь регулярных изменений частоты формант; уровень же формант уменьшился примерно на 6 дБ. Оглушение сонантов обнаружено в позициях абсолютного конца фразы и после согласного перед гласным. В абсолютном конце фразы оглушение сонантов при разговорном стиле произношения, т. е. неполном типе произнесения, встречается примерно в 3 раза чаще, чем в полном. Оглушению чаще подвергались мягкие сонанты, особенно плавные, следующие за гласными [и, ь, ы]. В интервокальной позиции оглушались также преимущественно мягкие сонанты между гласными [и, э] или перед ними.

В позициях после согласного и перед ним оглушение сонантов отмечалось как на стыках морфем и знаменательных слов, так и внутри морфем. В частности, оглушение сонантов отмечалось в позиции после глухих согласных перед гласными на стыках знаменательных слов. В позиции перед глухим согласным оглушение сонантов отмечено во всех случаях. Спектральные характеристики твердых и мягких носовых сонантов в ряде фонетических позиций оказались очень близкими.

В целом, на окраску согласных в нормативном произношении оказывают влияние лабиализация (огубление) последующей гласной [о, у] – как, например, в слове *зуб* [зуп], палатализация (смягчение) – *зал – взял* [зал – в'зал] и веларизация, связанная с дополнительным подъемом задней части спинки языка к мягкому нёбу и смещением назад – *лак – лоб* [лак – лоп].

Следовательно, полный тип произнесения (торжественный, официальный стиль произношения) характеризуется тщательностью произнесения; его признаком является возможность полной фонемной интерпретации фразы. В разговорном стиле (непринужденном, беглом, небрежном) при неполном типе произнесения теряется четкость

артикуляции. Безударные гласные в конечных позициях могут переходить в нейтральные с частотой формант около 500, 1500 и 2500 Гц, а в других позициях подвергаться сильной редукции. В силу сказанного за нормативное произношение для статистических измерений следует принять полный тип произнесения.

На акустические характеристики речи оказывает влияние эмоциональное состояние говорящего. Выделяют следующие характерные признаки эмоциональных высказываний: особая контрастность по частоте основного тона, динамичность произнесения, резкое увеличение или сокращение времени высказывания. Существуют логические, эмоциональные и волевые интонационные модели. Несмотря на широкий диапазон изменений интонации, в ней сохраняются постоянные структуры – интономы – как релевантные элементы коммуникации, например, вопрос, повеление, угроза, совет, сожаление и др. Определенные типы эмоций оказываются общими для ряда языков. Например, по данным слухового анализа выделяется до 17 видов эмоциональных состояний, опознаваемых всеми группами слушателей: удовольствие, радость, восторг, неудовольствие, возмущение, негодование, гнев, злость, ненависть, раздражение, пренебрежение, ярость, ирония, угроза, упрек, страх, испуг, мольба, отчаяние, тоска, горечь, удивление. Для большинства эмоций значения характеристик оказываются близкими [2; 3; 6; 7; 8; 9; 14; 15; 16].

Для некоторых видов эмоций наблюдается значительное увеличение диапазона изменений частоты основного тона. Если для нейтрального произнесения $F_0 = 110...140$ Гц, то для эмоций «ирония» и «неудовольствие» $F_0 = 80...170$ Гц, а для эмоции «восторг» $F_0 = 70...200$ Гц.

Положительные виды эмоций («удовольствие», «восторг») характеризуются повышением частоты формант $F_2...F_4$ ударного гласного на 100...300 Гц, уровня формант A_3, A_4 – на 6...12 дБ, а также увеличением длительности ударного слога в основном за счет гласного почти в два раза. В группе отрицательных видов эмоций («ирония») обращает на себя внимание факт значительного увеличения частоты форманты F_2 (примерно на 350 Гц). Частота основного тона (ЧОТ) на ударном гласном резко изменялась, причем скорость изменения достигала 800 Гц/с. Отмечалось также дрожание частоты основного тона. Несомненно, приведенные данные могут сильно меняться в зависимости от контекста и ситуации [2, с. 144].

Для эмоции «неудовольствие» получены другие значения параметров. Так, среднее значение частоты формант $F_2 \dots F_4$ ниже стандартного. Снижена скорость изменения ЧОТ, причем максимум имел место не на ударном, а на заударном гласном (100 и 450 Гц соответственно). При этом для эмоции «возмущение» в отличие от эмоции «неудовольствие» частота форманты F_2 увеличена, а формант F_3 и F_4 уменьшена. Длительность ударного гласного также уменьшена почти в 1,5 раза.

Следовательно, эмоциональное состояние диктора оказывает существенное воздействие на спектральные и просодические параметры речи, что следует учитывать при отборе речевых тестов для оценки качества передачи. Вместе с тем, включать этот вид факторов в нормативную статистику речи, видимо, нецелесообразно из-за трудности однозначной интерпретации категорий эмоций.

Вариативность статистических характеристик может возникать из-за ненормативного (диалектного, жаргонного) произношения у некоторой группы лиц. Сюда же следует отнести просторечие – диалогическую речь с элементами нормативного литературного языка.

Рассмотренные признаки акцента представляют интерес для социолингвистики, верификации личности, методики изучения иностранных языков. При исследовании статистических характеристик ненормативные признаки (диалектальная речь и явление акцента) должны быть исключены из рассмотрения.

К физиологическим факторам вариативности характеристик отнесены разброс размеров полостей *речевого аппарата* (РА), длина голосовых связок (ГС) и индивидуальные особенности строения РА у дикторов. Известно, что средние статистические размеры РА мужчин и женщин различаются примерно на 17%, так как частота формант обратно пропорциональна длине речевого аппарата от голосовой щели до отверстия рта, соответствующее различие должно наблюдаться в распределении формант.

При произнесении звуков размеры полостей РА и соответствующие им спектры заметно варьируют из-за нестабильности позиций артикулярных органов. Так, по данным В. Н. Сорокина [12, с. 274], при артикуляции гласного [а] в составе слов нестабильность положения спинки языка достигала 30%. Если допустить, что настолько же изменяются размеры передней и задней полостей РА, то вариативность резонансных частот F_1 и F_2 окажется такой же.

Значения частот формант гласных

Диктор	F _i	Форманты гласных F _i в слогах (Гц)									
		Согласный – гласный					Гласный – согласный				
		и	э	а	о	у	и	э	а	о	у
Согласный /п/											
Мужчина	F ₁	0,200	0,400	0,700	0,400	0,275	0,200	0,450	0,650	0,350	0,300
	F ₂	1,476	1,875	1,250	0,700	0,550	2,100	1,625	1,250	0,750	0,700
	F ₃	2,125	2,500	2,200	2,125	2,150	2,700	2,250	2,200	2,200	–
Мужчина	F ₁	0,300	0,600	0,750	0,350	0,250	0,200	0,500	0,800	0,500	0,300
	F ₂	1,700	1,950	1,250	0,550	0,550	2,250	1,800	0,800	0,800	0,700
	F ₃	2,300	2,35	2,200	2,550	2,100	2,450	2,300	2,200	1,900	1,900
Женщина	F ₁	0,375	0,700	0,850	0,450	0,400	0,250	0,725	1,000	0,600	0,300
	F ₂	2,250	2,200	1,350	0,950	0,900	2,600	1,900	1,500	1,000	0,700
	F ₃	2,800	3,000	2,375	2,100	2,800	3,300	2,750	2,250	2,000	2,900
Согласный /п'/											
Мужчина	F ₁	0,150	0,425	0,700	0,500	0,300	0,250	0,400	0,550	0,350	0,300
	F ₂	2,150	1,900	1,375	1,000	0,527	2,150	2,000	1,475	1,025	0,700
	F ₃	3,000	2,265	2,250	2,200	2,500	3,000	2,600	2,400	2,275	–
Мужчина	F ₁	0,175	0,450	0,800	0,450	0,250	0,200	0,500	0,900	0,450	0,100
	F ₂	2,100	1,900	1,450	0,750	0,750	2,100	1,800	1,300	0,800	0,400
	F ₃	2,800	2,400	2,200	1,900	2,000	2,500	2,200	2,000	1,900	1,900
Женщина	F ₁	0,200	0,500	0,875	0,450	0,800	0,250	0,650	0,900	0,650	0,300
	F ₂	2,700	2,200	1,625	1,000	0,800	2,200	2,300	1,600	1,100	0,600
	F ₃	3,300	2,900	2,625	2,600	2,950	3,600	2,800	2,750	1,950	2,600

В таблице приведены значения частот формант гласных в слогах СГ, ГС для двух мужских и женских голосов русской речи, по измерениям М. Халле (M. Halle) [13]. Данные наглядно демонстрируют позицию и индивидуальную вариативность формантных частот. Например,

разница в частоте F_1 и F_2 на гласном [и] в слогах СГ для мужских голосов и отклонение для женского голоса от среднего значения для двух мужских голосов достигли 50%. Отметим также временную изменчивость характеристик для голоса одного из дикторов, на которого оказывают воздействие физическое и эмоциональное состояние.

К числу *физиологических факторов* вариативности характеристик также относится взаимовлияние полостей РА и подсвязочной полости, возникающее при раскрытии голосовой щели. При этом из-за конечного акустического сопротивления голосовой щели должна наблюдаться быстрая девиация резонансных частот, достигающая 10% частоты при закрытой голосовой щели. Одновременно могут возникать дополнительные резонансы в области F_1 и F_2 , затухание которых при закрытой щели снижается. Этим явлением объясняются наблюдаемые на спектрограммах речевого сигнала так называемые «ложные» форманты, которые, возможно, определяют индивидуальность голоса диктора. При автоматическом измерении формантных параметров исключение «ложных» формант вряд ли осуществимо, тем более что их характеристики зависят от ряда трудно оцениваемых признаков скважности импульсов голосовых связок.

К *экстралингвистическим факторам* вариативности характеристик речевых параметров отнесены явления ситуации – пространственное и предметное окружение адресанта в процессе речевой коммуникации, а также динамика или статика положения корпуса говорящего в пространстве. Поза, мимика и жесты оказывают заметное воздействие на диалогическую речь, снимая эмоциональную и семантическую избыточность, присущую письменной речи. Эти признаки являются предметом изучения кинесики и в статистических исследованиях речи не учитываются.

Технологические факторы вариативности речевых характеристик примыкают к экстралингвистическим явлениям, хотя их воздействие проявляется во внесении частотных и нелинейных искажений в уже сформированный речевой сигнал. К этой группе условно можно отнести акустические свойства окружающей среды, акустические показатели помещений и особенности распространения звука в открытом пространстве [11].

Таким образом, предложенная классификация факторов вариативности акустических параметров речи по четырем основным группам

(лингвистическая, физиологическая, экстралингвистическая и технологическая) достаточно условна [5]. Тем не менее она прагматически удобна для изучения особенностей речи и голоса применительно к решению ряда задач фундаментального и прикладного речеведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Златоустова Л. В.* Фонетические единицы русской речи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 105 с.
2. *Михайлов В. Г., Златоустова Л. В.* Измерение параметров речи. – М.: Радио и связь, 1987. – 168 с.
3. *Нушикян Э. А.* Типология интонации эмоциональной речи. – Киев ; Одесса : Вища школа, 1986. – 157 с.
4. *Потапова Р. К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – 5-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2015. – 600 с.
5. *Потапова Р. К., Михайлов В. Г.* Основы речевой акустики. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – 494 с.
6. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
7. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
8. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Исследование речевого сигнала при условии дифференциации эмоциональных состояний (на базе экспериментального моделирования) // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : материалы XXI Всероссийской научной конференции, 30–31 мая 2012 г. – М., 2012. – С. 271–273.
9. *Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебедева Н. Н., Агбалова Т. В.* Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 352 с.
10. *Рамишвили Г. С., Антидзе В. Г.* Система мавтоматической идентификации личности говорящего по фонограмме речи // Вопросы судебно-фоноскопической экспертизы. – Тбилиси : Наука, 1988. – С. 60–77.
11. *Сапожков М. А.* Речевой сигнал в кибернетике и связи. – М. : Связьиздат, 1963. – 452 с.
12. *Сорокин В. Н.* Теория речеобразования. – М. : Радио и связь, 1985. – 313 с.
13. *Halle M.* The sound's pattern of Russian. – Gravenhage : Mouton, 1959. – 206 p.
14. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Temporal correlates of emotions as a speaker-state specific parameters for forensic speaker identification (speech tempotal correlates of fear/anxiety for Russian native speakers) // Potapova R. (ed.). Proc. of the Intern. Workshop “Speech and Computer” (SPECOM’2003). – Moscow, 2003. – P. 291–301.

15. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Kommunikative Sprechfähigkeit: Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
16. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Auditory and visual recognition of emotional behavior of foreign language subjects (by native and non-native speakers) // SPECOM 2013. Lecture Notes in Artificial Intelligence. – 8113. – LNAI. – Cham ; Heidelberg; New York; Dordrecht; London, 2013. – P. 62–69.

УДК 81'34

В. В. Потапов

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник НИР кафедры прикладной
и экспериментальной лингвистики факультета ГПН МГЛУ,
старший научный сотрудник филологического факультета МГУ
e-mail: rkpotarova@yandex.ru

**КОНЦЕПТ «АРТИКУЛЯЦИОННАЯ БАЗА»
КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ СПЕЦИФИКИ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ¹**

В статье рассматривается процесс становления концепта «артикуляционная база», сопоставляются взаимосвязанные языковедческие традиции в России и на Западе. Представлен подробный обзор истории фонетической терминологии, который может быть полезен для специалистов как в области фонетики, так и лингвистики в целом.

Ключевые слова: концепт; артикуляционная база; речеобразование; акустика речи; фонетическая терминология.

V. V. Potapov

Sc.D., Principal Research Fellow,
Department of Applied and Experimental Linguistics,
Institute of Applied and Mathematical Linguistics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
principal Scientific Researcher, Faculty of Philology, Moscow State University
e-mail: rkpotapova@yandex.ru

**THE CONCEPT 'BASIS OF ARTICULATION'
AS THE KEY TO UNDERSTANDING SPOKEN LANGUAGE SPECIFICITY²**

In our article the development of the concept "basis of articulation" is considered, and related linguistic traditions in Russia and in the West are compared. Also a comprehensive overview of the history of phonetic terminology is presented, which can be useful for specialists both in phonetics and linguistics in general.

Key words: concept; basis of articulation; speech production; acoustics of speech; phonetic terminology.

В 2013 г. в международном журнале «Historiographia Linguistica» появилась публикация Г. Е. Кедровой и К. Л. Борисова [17], прочитав

¹ Исследование поддержано Российским Научным Фондом (РНФ). Проект № 14-18-01059.

² The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF). Project № 14-18-01059.

которую, мы решили более подробно остановиться на некоторых важных вопросах, поставленных этими авторами, что выразилось в написании данной статьи.

В работе [17] анализируется проблема становления термина «артикуляционная база» в России первой половины XX в., а также определение данного концепта в западноевропейской лингвистической традиции и соотношение его с тем же российским терминологическим эквивалентом.

Несмотря на большой объем накопленных сведений в данной области знания (например: [3; 6; 19] и др.), вопросы о месте артикуляционных процессов в развитии речевых исследований, терминологическом соответствии / несоответствии в западноевропейской и российской фонетических традициях остаются предметом пристального внимания фонетистов-экспериментаторов.

К концу XX в. в мире насчитывалось до 5 тыс. языков (по некоторым данным, до 6 тыс.) (например: [5; 11]), что зависит от того, рассматривают ли ученые данный диалект какого-либо языка как диалект или как отдельный язык, сотни из которых, однако, уже не используются их носителями и языковыми обществами в повседневной деятельности. Динамика развития языковой ситуации в различных странах складывается в значительной мере в зависимости от наличия, например, диглоссии (применительно к двум факторам одного языка) или билингвизма, многоязычия (например: [14; 15; 21; 29]). В первом случае приоритетное развитие получает кодифицированный литературный язык по сравнению с диалектами (говорами), имеющими более ограниченные локальную и функциональную сферы употребления. Во втором случае в позиции максимально «помехоустойчивого» оказывается язык, имеющий более престижный экономический и политический статус (более подробно см. об этом: [12, с. 80–81, 173–174]).

В то же время многообразие языков мира базируется на единстве общей основы речепроизводства с учетом анатомо-физиологических параметров (см. сагиттальный срез органов речеобразования [7]). Данное утверждение приводит к тому, что звуковые системы различных языков содержат общие звукотипы. Однако анатомо-физиологическая схожесть речевого тракта автоматически не влечет за собой наличия полной звуковой идентичности различных языков.

Общепринятая классификация звуков речи основана на ряде положений, из которых наиболее релевантными признаны следующие:

во-первых, каждый язык обходится ограниченным набором действий органов речеобразования – артикуляционных жестов; во-вторых, каждый артикуляционный жест соотносится с некоторым состоянием речевого тракта; в третьих, артикуляторные жесты реализуются последовательно во времени и пространстве; в-четвертых, совокупность артикуляторных жестов, связанных с работой органов речевого тракта, ведет к образованию того или иного звука речи [4, с. 8].

Таким образом, исследование идентичных по типу речеобразования звуков различных языков выявило, что звуки порождаются при помощи некоторого набора специфических *приемов*, образующих артикуляционную базу отдельно взятого языка.

Важным аспектом фонетических исследований является именно анатомио-физиологический (т. е. артикуляционный) аспект, при котором анализируется сам процесс речеобразования. При этом следует упомянуть, что изучение механизма речеобразования специалисты в разных научных сферах относят еще к XVII в., когда возникла потребность преподавания глухонемым реципиентам (например, работы И. К. Аммана, Х. П. Бонета, Дж. Валлиса). К концу XVIII в. постепенно стала складываться акустическая теория гласных (Х. Г. Кратценштейн), сформировавшаяся к середине XIX в. под влиянием трудов Г. Л. Ф. Гельмгольца.

В этой связи целесообразно подчеркнуть, что подробное и тщательное исследование возникновения и сопоставление данной лингвистической традиции на Западе и в России, проведенное Г. Е. Кедровой и К. Л. Борисовым [17], предстает в значительной степени своевременным и актуальным.

В их статье, богатой фактологическим материалом, прослеживается развитие концепции «артикуляционная база» в России первой половины XX в., детально анализируются основные работы в данной области знания. В России вышеупомянутая концепция приобрела особое направление в своем развитии. С самого начала оно было представлено в основном как «сумма характеристик», дифференцирующих фонетические системы различных языков. Российские языковеды склонялись в пользу фонемной структуры. В то время как на Западе интерес к данной концепции большей частью постепенно

угасал, в российской лингвистике такого не наблюдалось. Более того, исследования в вышеупомянутой области продолжились, их результаты активно использовались в таких сферах, как преподавание теоретической и практической фонетики родного и неродного языков, диалектология и лингвистическая типология.

В основе идеи «артикуляционной базы» лежит представление о том, что для процесса речепроизводства в различных языках и даже группах близкородственных языков характерна определенная общая исходная «рабочая поза» артикуляционных органов, что и образует основу артикуляционной специфики, включая сегментные и супraseгментные характеристики качества голоса.

Авторы совершенно справедливо начинают изложение материала с истории вопроса, связанного с разработкой данной проблемы, прежде всего немецкими исследователями. Упоминаются такие имена, как Э. Зиверс, предложивший термин «Operationsbasis» («операционная база»), Ф. Франке с термином «Artikulationsbasis» («артикуляционная база») и др. Авторы подробно останавливаются на истории фонетических понятий в немецкой фонетической традиции по Э. Зиверсу, например, «Articulationsweise» («способ артикуляции»), «Verhältnisse der Systeme» («средства системы») и т. д. Привлекаются к анализу основополагающие работы Э. Зиверса [27; 28]. Материал излагается последовательно с привлечением данных таких авторов, как В. Шерер, Э. В. Брюкке, К. Л. Меркель, А. Шрёер, В. Фиетор и др.

В следующей части статьи в развернутом виде представлен диалектологический материал, относящийся к аспекту развития взглядов российских языковедов на концепт «артикуляционная база». В изложении данного вопроса перед нами предстают А. И. Томсон («артикуляционная база»), И. А. Бодуэн де Куртенэ (Казанская лингвистическая школа), В. А. Богородицкий («нейтральная позиция»), О. Брок (место базы артикуляции в славянской диалектологии), Л. В. Щерба («артикуляционная база»), Р. О. Шор (социология и лингвистика), С. И. Бернштейн («фонетическая база»). Таким образом, отечественная языковедческая школа представлена достаточно полно.

В заключение хотелось бы упомянуть ссылку авторов статьи на работу Г. Кельца [18], который считает, что в России до сих пор не было основополагающей дискуссии по поводу термина «артикуляционная база», а те, кто пишет на эту тему – только ссылаются на более ранние

работы. Однако эта точка зрения была высказана немецким специалистом в области преподавания языка как второго еще в 1971 г. За последние почти сорок лет, по нашему мнению, сообщество фонетистов уже разработало свой фонетический инструментарий в полной мере, см. например, работы Р. К. Потаповой [13; 24; 25; 26] (ученицы и последовательницы О. А. Норк [9; 10], являвшейся, в свою очередь, ученицей С. И. Бернштейна) в области русско-немецкой и немецко-русской сопоставительной экспериментальной фонетики и фонологии.

В этой связи следует также привести следующие «биполярные» концепты «артикуляционной базы», сформулированные российскими фонетистами во второй половине XX в. и самом начале XXI в. в таких временных рамках, как 1962 и 2001 гг.

С одной стороны, артикуляционная база (*basis of articulation*) – это «... совокупность особенностей артикуляционной работы органов речи, свойственных данному языку и выделяемых путем сопоставления с фонетической системой родного языка» [16, с. 33]. Этот концепт связан с контрастивным методом исследования, что определяется рамками изучения иностранных языков (см., например, [8]).

С другой стороны, артикуляционная база – это «... общие установки произношения, которые придают ему специфическую окраску» [7, с. 312–313]. Данному концепту определен некоторый ряд соответствующих характеристик, к которым относятся, например: поза языка как целого (более передняя или более задняя), типичное положение губ, вертикальное положение гортани, общая четкость или «смазанность» артикуляции и т. д. [Там же, с. 313].

Хотелось бы, тем не менее, пожелать авторам в своих дальнейших изысканиях на данную тему привлекать и работы австрийско-немецких ученых G. Panconcelli-Calzia, B. Pompino-Marschall, F. Trojan [20; 22; 23; 30], а также отечественных исследователей, таких как В. А. Артёмов [1] и Н. И. Жинкин [2], ставшие классическими в области психологии речи и истории экспериментальных исследований.

Все вышеизложенное дает возможность считать, что обсуждаемая тема по истории лингвистических (в данном случае – фонетических) учений по вопросу о соответствующей терминологии как в России, так и за рубежом является достаточно значимой. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть важность конкретизации и детализации фонетического терминологического аппарата вследствие возможного расхождения в трактовке одних и тех же лингвистических понятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артёмов В. А.* Экспериментальная фонетика. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 228 с.
2. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. – М. : Изд-во Академии пед. наук, 1958. – 370 с.
3. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1979. – 312 с.
4. *Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н.* Общая и прикладная фонетика. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 416 с.
5. *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
6. Интерференция звуковых систем / отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 280 с.
7. *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. – М. : РГТУ, 2001. – 592 с.
8. *Кулешов В. В., Мишин А. Б.* Сопоставление артикуляционных баз английского и русского языков и фонетическая интерференция. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 118 с.
9. *Норк О. А.* Интонация // Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М., 1961. – С. 248–262.
10. *Норк О. А., Адамова Н. Ф.* Фонетика современного немецкого языка. Нормативный курс. – М. : Высшая школа, 1976. – 212 с.
11. *Потапов В. В.* К современному состоянию проблемы вымирающих языков в некоторых регионах мира // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 3–15.
12. *Потапов В. В.* Краткий лингвистический справочник: Языки и письменность. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. – 272 с.
13. *Потапова Р. К., Линднер Г.* Особенности немецкого произношения. – М. : Высшая школа, 1991. – 319 с.
14. Принципы описания языков мира / отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1976. – 343 с.
15. Проблемы двуязычия и многоязычия / отв. ред. П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев, Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1972. – 359 с.
16. *Трахтеров А. Л.* Английская фонетическая терминология. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1962. – 349 с.
17. *Kedrova G. E., Borissoff C. L.* The concept of ‘basis of articulation’ in Russia in the first half of the 20th century // *Historiographia Linguistica*. – 2013. – Vol. 40, Issue 1. – P. 151–197.
18. *Kelz H.* Articulatory basis and second language teaching // *Phonetica* 24. – 1971. – P. 194–211.

19. *Ladefoged P., Maddieson I.* The sounds of the world's languages. – Oxford : Blackwell Publishers, 1996. – 450 p.
20. *Panconcelli-Calzia G.* Geschichtszahlen der Phonetik. Quellenatlas der Phonetik. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Co, 1994. – 414 p. (Studies in the history of the language sciences. Vol. 16).
21. Pluricentric languages. Differing norms in different nations / Hrsg. von M. Clyne. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1992. – 443 p. (Contributions to the Sociology of Language 62).
22. *Pompino-Marschall B.* Einführung in die Phonetik. – 2. Aufl. – Berlin : Walter de Gruyter, 2003. – 324 S.
23. *Pompino-Marschall B.* Zwischen Tierlaut und sprachlicher Artikulation: Zur Phonetik der Interjektionen // S. Kowal, D. C. O'Connell (Hrsg.). Interjektionen. Zeitschrift für Semiotik 26. – 2004. – (1/2). – S. 71–84.
24. *Potapova R. K.* Zur vergleichenden Analyse der phonetischen Besonderheiten des Deutschen und Russischen // H.-W. Wodarz (Hrsg.). Beiträge zur Symbol- und Signalphonetik. Frankfurt am Main, 1993. – S. 105–151. (Phonetica Francofortensia 6).
25. *Potapova R. K.* Zur Kategorialität der Wahrnehmung der gesprochenen Fremdsprache (verbale, para- und extraverbale Aspekte der intersprachlichen Kommunikation Deutsch und Russisch) // Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln ; Weimar ; Wien, 2011. – S. 5–63.
26. *Potapowa R.* Beiträge zum Problem der kontrastiven Phonetik // A. Braun, H. R. Masthoff (eds.). Phonetics and its applications. Festschrift for J.-P. Köster on the occasion of his 60th birthday. – Wiesbaden, 2002. – S. 165–177.
27. *Sievers E.* Grundzüge der Lautphysiologie. – Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1876. – 150 S.
28. *Sievers E.* Grundzüge der Phonetik. – 3. Aufl. – Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1893. – 296 S.
29. The world's major languages / ed. by B. Comrie. – London : Croom Helm Ltd. Publishers, 1987. – 854 p.
30. *Trojan F.* Biophonetik. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Bibliographisches Institut, 1975. – 264 S.

УДК 81'34

Т. В. Сокорева, Т. И. Шевченко

Сокорева Т. В., старший преподаватель,
соискатель кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: sokorevatatjana@rambler.ru

Шевченко Т. И., доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ВОЗРАСТА В РИТОТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ США

В статье исследуется влияние социальных факторов территориальной принадлежности и возраста на темпоральные и ритмические характеристики американского варианта английского языка. Представлен краткий обзор работ, посвященных изучению темпа и ритма речи, а также выявлению основных проблем и результатов исследования в данной области социофонетики. Фактор региональной принадлежности – средняя длительность слога (СДС) в речи 32 американцев – показал яркий контраст между показателями речи жителей Юга и представителей Севера, Северного Мидленда и Южного Мидленда. Статистически значимые различия были обнаружены в просодии речи молодежи по сравнению с речью американцев среднего возраста, что свидетельствует о замедлении скорости артикуляции по мере увеличения возраста говорящего. Достоверность полученных результатов подтверждается надлежащим статистическим анализом.

Ключевые слова: просодия; темп; ритм; длительность; средняя длительность слога (СДС); региональная принадлежность; возраст; ударный слог; безударный слог; американский вариант английского языка.

T. V. Sokoreva, T. I. Shevchenko

Sokoreva T. V., Senior Lecturer, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: sokorevatatjana@rambler.ru

Shevchenko T. I., Doctor of Philology, Professor, Department of English
Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

REGION AND AGE FACTORS AFFECTING RHYTHM AND TEMPO OF AMERICAN SPEECH

The present study is devoted to region and age variation in speech tempo and rhythm in American English. The results of previous tempo and rhythm studies are briefly outlined revealing the main issues and data found in this area of

sociophonetic research. Region factor effect: mean syllable and stressed syllable durations of 32 Americans' speech proved that Southern speakers' characteristics are distinctive compared to those of other regions: South Midland, North Midland, and North. Age differences: significant distinctions were found between young and middle-aged speakers' characteristics, testifying to age-related speech rate decrease of middle-aged speakers. The reliability of the research results is ensured by proper statistical analysis.

Key words: prosody; tempo; rhythm; duration; mean syllable duration; region; age; stressed syllable; unstressed syllable; American English.

Изучение ритмических характеристик естественной речи сталкивается с необходимостью учитывать целый ряд социодемографических факторов, влияющих на ритмотемпоральные особенности произношения носителей языка. В частности, применительно к американскому варианту английского языка таковыми могут оказаться принадлежность говорящего к определенному региону проживания и его возраст, роль которых была доказана в отношении произношения гласных [10].

В нашем анализе ритмических и темпоральных особенностей спонтанной речи американцев разных возрастов необходимо было обеспечить учет фактора принадлежности говорящих к определенной территории. Поэтому в качестве предварительного эксперимента для выяснения общих тенденций замедления или ускорения темпа речи, связанных с территорией проживания говорящих, мы изучили образцы высказываний 32 дикторов, которые представляют по классификации У. Лабова [10] четыре основные территории по оси север-юг вдоль Атлантического побережья США: Север, Северный Мидленд, Южный Мидленд, Юг.

Как известно, темп как неотъемлемая часть речевого ритма определяется на основании измерения просодических характеристик речи, в основе которого лежит вычисление длительности определенных элементов высказывания. Во-первых, темпоральные особенности отражаются в скорости артикуляции, измеряемой количеством слогов в секунду или слов в минуту. Во-вторых, установление средней длительности слога (СДС) также свидетельствует о скорости произношения. Кроме того, общее впечатление ускоренного, нормального или замедленного темпа связано с паузальной насыщенностью текста и, соответственно, с соотношением времени фонации ко времени паузации.

Предыдущие исследования, в частности работы Д. И. Полетаева, Е. А. Бабушкиной, Т. И. Шевченко [2; 1; 4], отмечали своеобразие

просодических черт в речи носителей американского варианта английского языка, проживающих в установленных У. Лабовым [10] регионах, как в отношении скорости произнесения, так и паузальной насыщенности текста. В работах Е. А. Бабушкиной и Т. И. Шевченко было установлено, что скорость произнесения уменьшалась при переходе от Севера к Северному Мидленду и к Южному Мидленду. Вместе с тем скорость произнесения у людей, проживающих на Юге, изменялась в обратном направлении: СДС уменьшалась, но паузальная насыщенность текста увеличивалась. Эту комбинаторику двух основных тенденций ускорения или замедления темпа ученые обозначали как своеобразие территориального характера [1; 4].

Одной из основных проблем, которую необходимо решить в рамках настоящего исследования, является проверка гипотезы о том, что просодия, в частности темп и ритм речи носителей языка, реагирует на культурные и фонологические различия, характерные для разных регионов. В последних работах У. Лабова [10; 11], описывающих результаты создания «Атласа североамериканского произношения», основной вывод заключается в том, что наибольшие различия в произношении были зафиксированы между жителями США, проживающими на территории Севера и Северного Мидленда. Свои наблюдения автор подкрепил данными культурологов, которые считают, что Север с точки зрения культуры является совершенно своеобразной территорией по сравнению с Мидлендом и Югом. Эти культурные различия, имеющие глубокие исторические корни, связанные с заселением штатов, получили отражение в культурологической классификации жителей Северной Америки, где северяне обозначены как «моралисты», жители Мидленда – «индивидуалисты», а население Юга – «традиционалисты» [11].

Понятие «южане», как установил У. Лабов [10], распространяется на людей, проживающих гораздо севернее, чем можно предположить – все по отношению к Северу являются не-Севером, включая представителей как Северного, так и Южного Мидленда. Этому противоречат результаты «народной диалектологии» Д. Престона, согласно которой жители США различных регионов интуитивно противопоставляют речь именно жителей Юга своему собственному произношению и общеамериканскому стандарту [14].

В нашем материале самое значительное различие по темпу говорения выявлено между Югом и остальными территориями. Было обнаружено замедление артикуляции за счет роста СДС на территориях

Севера, Северного и Южного Мидленда и значительное ускорение темпа речи на Юге, которое, как было установлено в работе Е. А. Бабушкиной [1], компенсируется увеличением длительности пауз. Полученные нами результаты контрастируют с данными исследования Е. Яцевич и ее соавторов [9], которые установили, что скорость артикуляции быстрее на Севере (в чтении на 8%, в говорении на 12,5%), чем на Юге. Однако необходимо уточнить, что в данной работе представителями Севера считались лишь жители штата Висконсин, а представителями Юга – Северной Каролины.

В отношении возрастных изменений темпа речи ранее было установлено, что они проявляются в замедлении скорости артикуляции на 20–25% у людей пожилого возраста по сравнению с молодежью, что обусловлено наличием большего количества пауз, появляющихся в силу возрастных физиологических изменений организма человека [13]. Тем не менее нужно отметить, что скорость артикуляции зависит от типа и стиля речи – более медленный темп у пожилых людей наблюдается во время чтения и спонтанного говорения; однако представители обоих возрастов говорят с замедленным темпом, если перед ними стоит определенная коммуникативная задача, например, описать картину в галерее. Замедление скорости артикуляции в пожилом возрасте происходит также за счет увеличения длительности определенных отрезков речи таких, как предложение, слоги, гласные и согласные интервалы [15]. В нашем исследовании возрастные особенности изменения скорости говорения были обнаружены при анализе длительности слогов, взятых в качестве основной единицы исследования.

Материалом рассмотрения послужили образцы американской спонтанной речи из корпуса телефонных переговоров «Switchboard» [8]. Были изучены первые реплики высказываний 32 американцев, равно подобранных по возрасту (16 представителей молодого и 16 среднего возраста), а также по региональной принадлежности и гендеру (2 мужчин и 2 женщины из каждого из четырех исследуемых регионов – Юг, Южный Мидленд, Северный Мидленд, Север).

С целью определения наличия региональных, а также возрастных различий темпа американской речи с помощью программы «PRAAT» [7] измерены следующие просодические параметры: средняя длительность слогов (СДС); средняя длительность ударного слога.

Полученные данные были статистически обработаны с использованием программы «Minitab 16.2.2»: для выявления значимых

различий между несколькими группами показателей применялся однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), для статистической оценки разницы между отдельными группами значений – критерий Манна–Уитни (Mann–Whitney).

В ходе исследования полученные показатели длительности всех и отдельно ударных слогов были проверены на наличие влияния на них региональной принадлежности внутри каждой из двух возрастных групп, а также в общей группе, объединявшей представителей молодого и среднего возрастов.

Результаты исследования СДС речи представителей молодого и среднего поколения по отдельности и вместе взятых, согласно дисперсионному анализу, не показали значимых региональных различий. Это говорит об отсутствии кардинальных различий во всех четырех регионах. Однако, сопоставив полученные значения для каждого отдельного региона с показателями других трех при помощи критерия Манна–Уитни, мы установили, что СДС у американцев среднего возраста, проживающих на Юге, значительно меньше, чем у жителей остальных регионов США (рис. 1, с. 160). СДС в речи южан значительно отличается от этого показателя в Южном Мидленде ($W = 2771,0$; $p < 0,05$), в Северном Мидленде ($W = 2709,5$; $p < 0,01$) и на Севере ($W = 2750,0$; $p < 0,05$). Интересно отметить, что подобные различия наблюдаются и у общей, смешанной, группы американцев двух поколений (рис. 2). СДС речи жителей Юга молодого и среднего возрастов вместе взятых значительно отличается от данного показателя в Южном Мидленде ($W = 11254,0$; $p < 0,01$), в Северном Мидленде ($W = 11488,0$; $p < 0,05$) и на Севере ($W = 11551,5$; $p < 0,05$) согласно критерию Манна–Уитни.

Таким образом, в среднем длительность слогов в речи южан гораздо короче, чем у представителей других трех регионов, что может свидетельствовать о наличии более высокой скорости артикуляции на Юге. Данные результаты противоречат результатам Е. Яцевич и ее соавторов, которые обнаружили замедление говорения на Юге, хотя, по словам авторов, полученные в ходе их исследования результаты не учитывают длины фразы, которая у пожилых говорящих короче, чем у молодежи, что, в свою очередь, может повлиять на общие значения скорости артикуляции [9]. В нашем исследовании количество анализируемых слогов является одинаковым для каждого из информантов, при этом внутри фраз длинные и средние по длительности паузы отсутствуют.

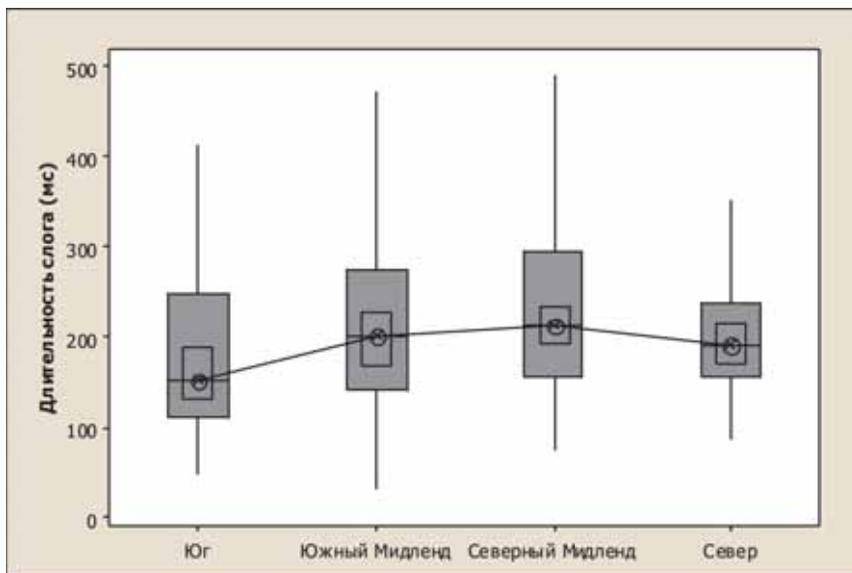

Рис. 1. Распределение значений длительности слогов у информантов среднего возраста из четырех регионов (n = 16)

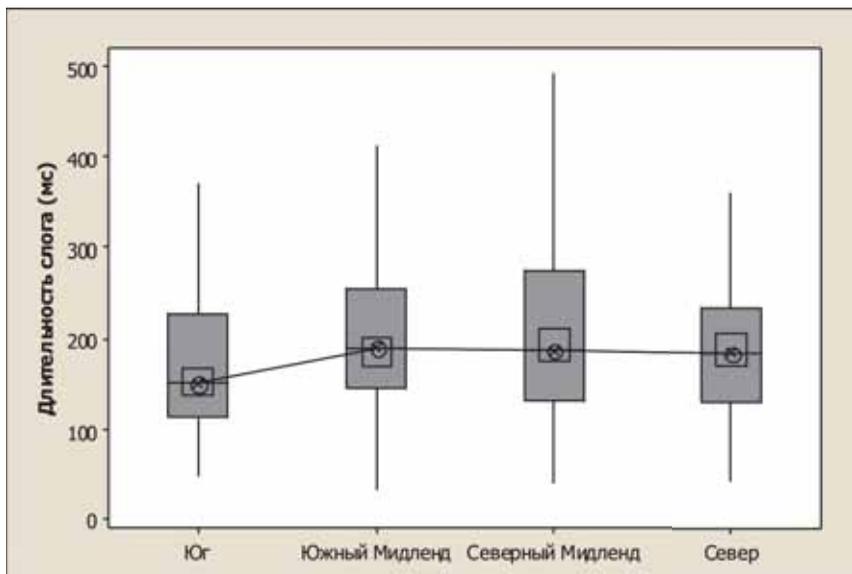

Рис. 2. Распределение значений длительности слогов у информантов молодого и среднего возраста из четырех регионов (n = 32)

Противопоставление ударных и безударных слогов, как сильных и слабых элементов звучания, существенно для восприятия ритма. Ударные слоги в чередовании с безударными создают эффект выделенности одних элементов речи на фоне других, что способствует созданию определенного ритма высказывания. Анализ средней длительности ударного слога показал статистически незначимые различия данного показателя между четырьмя исследуемыми регионами у молодого и среднего поколения по отдельности или взятых вместе. Следовательно, при относительной стабильности длительности ударного слога в речи жителей всех четырех регионов США региональное варьирование проявилось лишь в более короткой СДС у представитель Юга. Этот факт, в свою очередь, свидетельствует о присутствии в речи южан более коротких безударных слогов, тогда как длительность ударных оказалась относительно одинаковой у всех категорий говорящих. Вследствие этого, можно предположить наличие компрессии безударных слогов, проявляющейся в большей степени в речи южан (однако данное предположение требует более тщательного исследования). Идея о том, что с ускорением темпа в английском языке происходит компрессия безударных слогов, была предложена И. Лехисте еще в 1970 г. [12].

Таким образом, установленные нами характеристики ускорения южного произношения подтверждаются на материале длительности слогов. Однако необходимо отметить, что в данной работе мы не рассматривали параметр паузации, который также влияет на восприятие темпа речи.

Определение наличия или отсутствия регионального варьирования ритмотемпоральных характеристик речи жителей США было необходимо для дальнейшего учета данного фактора при исследовании возрастных особенностей американского речевого ритма. Поэтому наряду с фактором территориальной принадлежности в исследуемом материале изучались возрастные изменения рассматриваемых показателей.

В итоге нами были обнаружены статистически значимые различия в СДС и длительности ударного слога у представителей молодого и среднего поколений (рис. 3, 4). Значения СДС и длительности ударного слога в речи американцев среднего возраста гораздо больше, чем у молодежи, согласно критерию Манна–Уитни (СДС: $W = 45422,0$; $p < 0,001$; длительность ударного слога: $W = 14067,0$; $p < 0,001$).

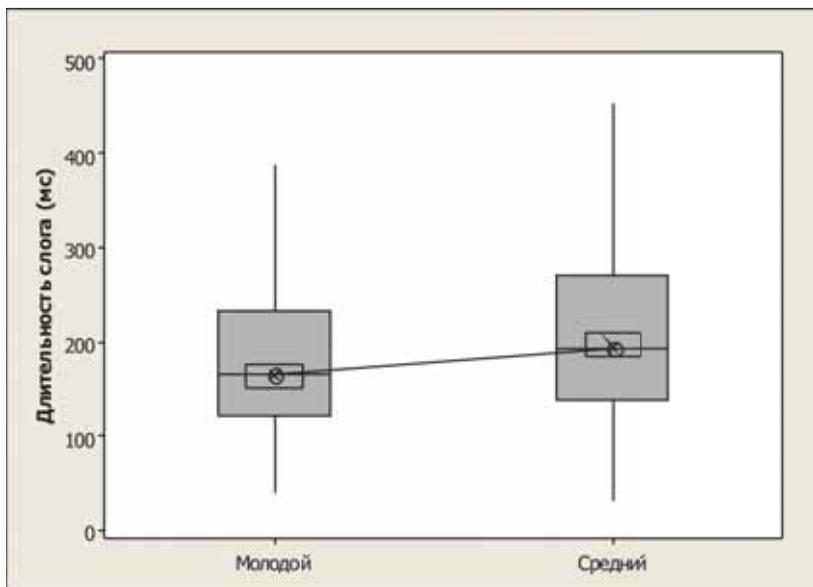

Рис. 3. Распределение значений длительности слогов в речи информантов двух возрастных групп (n = 32)

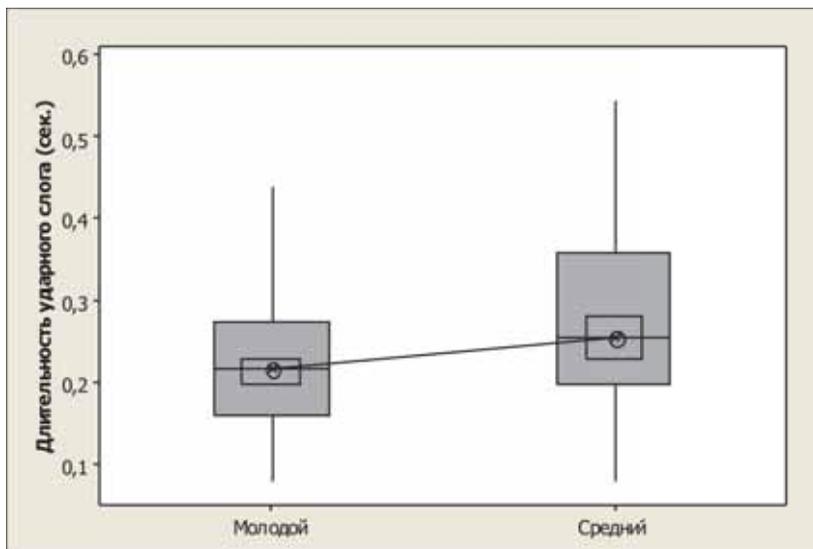

Рис. 4. Распределение значений длительности ударного слога в речи информантов двух возрастов (n = 32)

Следовательно, мы можем подтвердить наличие определенных возрастных изменений в темпоральных характеристиках американской речи, а именно, замедление скорости артикуляции с возрастом, о котором говорили Дж. Амерман и М. Парнел [5], Б. Бенджамин [6], С. Линвилль [13]. Вместе с тем необходимо отметить, что по данным других лингвистов разница в скорости артикуляции у молодого и пожилого поколения, проживающих на Юге США, оказалась незначительной [9], что ставит новую задачу верификации полученных сведений на большом материале корпусных данных спонтанной речи, как это было выполнено в работе Т. В. Соколовой [3].

Значимость полученных результатов о возрастных характеристиках темпа и ритма заключается в том, что они выявляют важную сторону изучения языка в его развитии. Внутриличностное развитие произношения человека, связанное с возрастом, ставит под сомнение правомерность изучения тенденций изменения языка в целом и фонологии гласных в частности «в видимом времени», опираясь только на данные разных возрастных групп, без учета целого ряда других социофонетически значимых факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабушкина Е. А.* Территориальная вариативность просодии английской речи в США : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 22 с.
2. *Полетаев Д. И.* Социальная дифференциация интонации в ограниченном речевом сообществе : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 153 с.
3. *Соколова Т. В.* Ритм изменяется с возрастом (акустический анализ спонтанной речи 102 жителей США) // Фонетика сегодня: проблемы и решения. – М., 2015. – С. 214–230. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 1 (712). Сер. Языкознание и литературоведение).
4. *Шевченко Т. И.* Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 232 с.
5. *Amerman J., Parnell M.* Speech timing strategies in elderly adults // *Journal of Phonetics*. – № 20. – 1992. – P. 65–76.
6. *Benjamin B.* Speech production of normally aging adults // *Seminars in Speech and Language*. – № 18. – 1997. – P. 135–141.
7. *Boersma P., Weenink D.* Praat: doing phonetics by computer. 2015 [Computer program]. Version 5.3.80, retrieved 05 April 2015. – URL : <http://www.praat.org/>
8. *Godfrey J., Holliman E.* Switchboard-1 Release 2 LDC97S62. Web Download. – Philadelphia : Linguistic Data Consortium, 1993.
9. *Jacewicz E., Fox R., O'Neil C., Salmons J.* Articulation rate across dialect, age and gender // *Language variation and change*. – V. 21, 2. – 2009. – P. 233–251.

10. *Labov W., Ash Sh., Boberg Ch.* The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. – Mouton de Gruyter. – 2006. – 335 p.
11. *Labov W.* Dialect diversity in America: the politics of language change. – Charlottesville and London : University of Virginia Press, 2012. – 175 p.
12. *Lehiste I.* Suprasegmentals. – Cambridge, M.A. : MIT Press, 1970. – 194 p.
13. *Linville S.E.* Vocal Aging. – San Diego : Singular Publishing Group, 2001. – 320 p.
14. *Preston D.* Folk Dialectology // D. Preston (ed.). American Dialect Research. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 1993. – P. 333–377.
15. *Smith B., Wasowicz T., Preston T.* Temporal characteristics in the speech of normal elderly adults // Journal of Speech and Hearing Research. – № 30. – 1987. – P. 522–528.

УДК 81'42

М. В. Хитина

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
института прикладной и математической лингвистики факультета ГПН МГЛУ
e-mail: khitina49@mail.ru

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ВОСПРИЯТИЯ ЗВУЧАЩЕГО МАТЕРИАЛА¹

В статье рассматривается вопрос о возможной оценке качества восприятия речевого сообщения в затрудненных условиях, под которыми могут пониматься как наличие шума и помех, так и восприятие иноязычной речи, а также проблемы со слухом. Предлагается набор критериев, позволяющих оценить качество восприятия (и понимания) сообщения аудиторам.

Ключевые слова: восприятие; понимание; затрудненные условия восприятия; аудитивный эксперимент; критерии оценки восприятия.

M. V. Khitina

Sc.D., Professor of the Department of Applied
and Experimental Linguistics, MSLU
e-mail: khitina49@mail.ru

ASSESSMENT CRITERIA FOR PERCEPTION OF VOICED MATERIAL

The article discusses the question of possible assessment of perception quality for voice messages in difficult conditions which can include both presence of noise and interference, and perception of foreign speech and hearing problems. A set of criteria is proposed to assess the quality of perception (and understanding) messages by listeners.

Key words: perception; understanding; difficult conditions of perception; auditory experiment; perception assessment criteria.

Восприятие материалов различного вида в затрудненных условиях – важная для речевой коммуникации проблема, Однако факторы, мешающие восприятию речи, такие как шум, речевые и музыкальные помехи, искажения в канале связи, реверберация – не единственные,

¹ Исследование выполнено в рамках НИР – государственного задания Минобрнауки России № 2014 / 102, науч. рук.: д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова (The study is conducted in the frame of Research & Development Project – State Terms of Reference (by the Russian Ministry of Education and Science) № 2014 / 102; Head of research – Dr. habil., professor R. K. Potapova).

которые могут создать затруднения и усложнить понимание сообщения. К их числу, по мнению ряда специалистов, относятся также: восприятие иноязычной речи, иноязычный акцент, тугоухость и т. д. Используемые при исследовании зашумленного речевого сигнала методы, а также разработанные методики оценки качества восприятия, как представляется, могут быть рекомендованы для оценки качества аудирования (и понимания) иноязычной речи.

Работы по исследованию механизма аудирования в затрудненных условиях активно проводились отечественными специалистами в 80-е гг. прошлого века и касались анализа восприятия как изолированных речевых единиц, так и целостных сообщений. Так, например, задаче выявления механизма аудирования изолированного слова английского языка (в условиях «белого» шума, на материале сбалансированных артикуляционных таблиц) посвящена работа Т. Н. Чугаевой, А. С. Штерн [6].

В качестве признаков, влияющих на восприятие, рассматривались: частотность, длина слова, ударный гласный, ритмическая структура (факторы, существенные для русского, немецкого, французского языков). Проведенный авторами контрастивный анализ выявил отличие английского слова от русского. Отмечалась его большая грамматическая омонимия, более частое присутствие побочного ударения. Эти черты также были учтены в градуировке факторов. В качестве дикторов были задействованы носитель языка и квалифицированный преподаватель. Аудиторы (слабая и сильная группа слушателей ФПК, студенты-американцы) имели разную степень сформированности артикуляторной и перцептивной базы. Проведенный эксперимент показал, что сумма весов всех факторов не превышала 40%, при этом, чем хуже была степень владения языком, тем сумма была меньше. Так, для всех групп аудитором ведущими в опознании слова оказались «частотность», «длина», «ударная гласная» и «часть речи». Было отмечено, что корреляция с механизмом родного языка падала, а изучаемого – росла, что подтвердило полученные ранее данные по восприятию немецкого слова русскими и русского слова немецкими учащимися [Там же].

Особое место среди рассматриваемых факторов занимала «длина слова» (градуировка в слогах и фонемах). Он оказался главным фактором для американских и одним из ведущих для русских аудиторов.

Фактор «частотность» стал главным для русских и одним из ведущих для американских аудиторов (чем частотнее было слово, тем лучше оно распознавалось). Улучшение в группе сильных аудиторов

происходило за счет более резкого увеличения опознаваемости высокочастотных слов в произнесении диктора-американца. Снижение веса фактора «частотность» для носителей и его первое место по значимости для неносителей языка является универсальной чертой.

Фактор «часть речи»: эксперимент показал, что лучше опознавались существительные и прилагательные, несколько хуже – глаголы (тоже универсальная черта). Данные результаты подтверждаются исследованиями, проводимыми на кафедре прикладной и экспериментальной лингвистики МГЛУ и касающимися восприятия монологов, диалогов, трилогов в «белом» и «розовом» шуме, при различных соотношениях сигнал / шум [см. 1–5].

Фактор «ударный гласный» также оказался одним из ведущих. Опора на ударные гласные отмечалась во всех трех группах слушавших диктора-американца. При этом наблюдалось полное рассогласование полученных данных при прослушивании русского диктора [6].

«Место ударения» (при наличии трех градаций: начало – середина – конец слова) стало значимым для всех: среднеударные слова распознавались лучше крайнеударных. Разница в градациях чаще была существенна для русского диктора. Из этого следует, что дикторы по-разному реализуют ритмическую структуру слова. Для сильной группы и для аудиторов-американцев более важной является опора на класс начального звука [гласный или согласный]; при этом во всех случаях лучше опознаются слова, начинающиеся с гласного. Веса дифференциальных признаков согласных невелики, их факторы не всегда оказываются значимыми [Там же].

Итак, как отмечают исследователи, разница в механизмах аудирования зависит от произносительных навыков диктора. Аудиторы сильной группы ощущают ее сильнее. В целом для более высоких уровней соотношение градаций факторов одинаково (т. е. независимо от диктора). Однако для более низкого, фонетического уровня выявлялась разница в их реализации. Отмечается, что перцептивные эталоны у русских аудиторов сформированы, если говорить о высокочастотных словах. Восприятие было лучше при большом сходстве артикуляторной базы дикторов и перцептивной базы аудиторов. Аудиторы слабой группы в большей степени опираются на механизм родного языка [6].

В работе А. С. Штерн [7] представлены ранги факторов, оказывающих влияние на восприятие слова. Исследовались несколько языков

(немецкий, французский, агульский), а также восприятие в помехах (степень владения иностранным языком, акцент, «белый» шум). Анализ полученных данных показывает, что среди исследуемых («ударный гласный», «ударный гласный с *i*-образным переходом», «звонкость / глухость», «твердость / мягкость», «смычность / шелест», «шумность / сонорность», «начальный звук», «консонантная нагрузка», «количество консонантов», «количество квазиомонимов», «место ударного слога», «ритмика н/с/к», «ритмика (линейно)», «длина в фонемах», «длина в слогах», «длина в морфемах», «часть речи», «объективная частота», «субъективная частота», «форма слова», «опознаваемость сегмента», «тип ошибки») наиболее значимыми оказываются «ударный гласный», «начальный звук», «длина в слогах», «длина в морфемах», для некоторых языков – «часть речи» и «консонантная нагрузка». Например, для пары языков немецкий / русский важными оказались «звонкость / глухость» и «твердость / мягкость». В некоторых случаях значимой была «объективная частота».

В работе А. С. Штерн [8] отмечается, что «движение» в сторону механизма носителей изучаемого языка проявляется и в проценте правильного опознания, и в иерархии факторов, и в соотношении их градаций. Однако одновременно растет корреляция с механизмом в родном языке, причем движение идет зигзагообразно. Даже у сильных аудиторов дословность восприятия текста лучше, чем у носителей языка, в то же время слабые аудиторы «не умеют» подключить механизм восприятия изолированного слова к восприятию текста. Например, артикль для американцев–носителей языка является скорее признаком слова, а для русских (даже с хорошим знанием языка) – это отдельное слово.

Акцент также можно считать помехой, ухудшающей восприятие. При очень хорошем владении вторым языком существуют как бы варианты перцептивных баз – для естественной и акцентной иностранной речи. Отмечается различие в механизмах восприятия в зависимости от языка. Так, например, и для русского, и для немецкого языков существенны факторы «ударная гласная», «часть речи» и некоторые другие. Однако ранги этих факторов существенно различаются. Специфика рассматриваемых языков может быть, в частности, связана с морфологическим оформлением слова (русские осуществляют опору на слог и на морфему, но на слог в 1,5 раза сильнее; немцы – в основном только на морфему). Присутствует и зависимость механизма восприятия от степени владения языком. Она проявляется

как в онтогенезе, так и при изучении иностранного языка. Наборы и иерархия факторов меняются при изучении иностранного языка, при этом сходство с механизмом родного языка падает, а изучаемого растет. Близки механизмы восприятия у лиц, хорошо владеющих иностранным языком, и у носителей соответствующего языка, аудирующих в более трудных условиях [8].

Проведенное А. С. Штерн исследование позволило подтвердить положение о том, что у человека имеется **перцептивная** база, и обращение к ней осуществляется в процессе восприятия. Перцептивные эталоны существуют не только на фонетическом, но и на других уровнях (имеются эталоны высокочастотных слов, структур предложений и текстов и т. д.). У билингов – две перцепционные базы [8].

В подобном случае восприятие начинается с фазы ориентировки (определение уровня лингвистического отрезка), затем идет выбор перцептивной базы. При недостаточном владении языком и невозможности обращения к эталонам на данном уровне происходит «спуск» на перцептивную базу более низкого уровня, что одновременно отражает поэлементность восприятия. Далее включаются механизмы апперцепции и антиципации (опора на прошлый опыт и предсказание будущего), проявляющиеся в вероятностном прогнозировании стимула [8].

Учитывая существование сходных механизмов при исследовании восприятия иноязычной речи и восприятия звучащей речи в затрудненных условиях нами предлагается метод оценки, разработанный на кафедре прикладной и экспериментальной лингвистики МГЛУ в ходе проведения ряда научно-исследовательских работ.

1. Количественные критерии оценки

1. Провести следующие подсчеты:

1.1. Подсчитать воспринятое аудитором:

- а) количество слогов;
- б) количество слов;
- в) количество словосочетаний;
- г) количество частей предложений;
- д) количество предложений.

1.2. Определить число слов, имеющих в исходном тексте.

2. Провести следующие расчеты:

- 2.1. Вычислить соотношения указанных в пункте 1.1. единиц.
Провести нормировку полученных данных.

- 2.2. Подсчитать общее число слов (суммировать данные по пунктам б–д), воспринятых аудитором.
- 2.3. Вычислить отношение числа воспринятых слов к их количеству в исходном тексте.
- 2.4. Вычислить общее количество знаменательных слов из списка воспринятых (см. пункты б–д).
- 2.5. Определить количество знаменательных слов в исходном тексте.
- 2.6. Вычислить отношение воспринятых знаменательных слов к числу знаменательных слов исходного текста.
- 2.7. Установить количество незнаменательных слов (не несущих значимую информацию).
- 2.8. Определить количество незнаменательных слов в исходном тексте.
- 2.9. Вычислить отношение воспринятых незнаменательных слов к их числу в исходном тексте.
- 2.10. Определить соотношение числа воспринятых знаменательных и незнаменательных слов
- 2.11. Определить соотношение числа знаменательных и незнаменательных слов в исходном тексте.
3. Определить количество предложений в исходном тексте.
 - 3.1. Вычислить отношение числа воспринятых предложений к числу предложений исходного текста.

II. Качественно-количественные критерии оценки

- 1.1. Сопоставить услышанные единицы с исходным текстом. Определить:
 - а) количество правильно воспринятых слов;
 - б) количество правильно воспринятых словосочетаний;
 - в) количество правильно воспринятых частей предложения;
 - г) количество правильно воспринятых предложений.
- 1.2. Определить число модификаций воспринятых единиц по сравнению с единицами исходного текста
- 1.3. Количество изменений грамматической формы существительных – рода, числа, падежа и т. д.
- 1.4. Количество изменений вида и времени глаголов, наклонения, причастий и деепричастий и т. д.
- 1.5. Количество изменений наречий, местоимений.

- 1.6. Количество замен на другую часть речи (например, существительное на прилагательное или глагол и т. д.).
- 1.7. Количество синонимичных замен слов.
- 1.8. Количество замен-паронимов.
- 1.9. Количество омонимичных замен (омофонов).
- 1.10. Количество антонимичных замен слов.

III. Оценка определения глобальной темы (предметной области) и локальных тем текста

1. Определение темы (глобальной и локальных).
 - 1.1. Глобальная тема – не определена; определена (неправильно, близко по смыслу, правильно).
 - 1.2. Локальные темы – не определены; определены: полностью, частично (более половины, половина, менее половины).
2. Возможная фиксация глобальной и локальных тем:
 - а) есть только глобальная тема;
 - б) есть только локальные темы.
3. Замены (модификации) глобальной и локальных тем:
 - а) возможность замены глобальной темы локальной;
 - б) возможность замены локальной темы глобальной;
 - в) сужение глобальной темы;
 - г) расширение глобальной темы;
 - д) замена на тему, близкую по смыслу (возможно, определение степени близости).

Данные критерии в дальнейшем могут уточняться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Ю. В., Потапова Р. К., Хитина М. В.* Специфика смыслового восприятия спонтанного звучащего текста (в условиях эскалации уровня шума) // Сессия научного совета РАН по акустике и XXIV Сессия Российского акустического общества «Акустика речи». – Т. 3: Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика. – Саратов, 2011. – С. 40–45.
2. *Потапова Р. К., Потапов В. В., Хитина М. В.* К опыту смыслового восприятия звучащей речи в условия акустического шума // Речевые технологии. – № 2. – М., 2010. – С. 3–18.
3. *Потапова Р. К., Потапов В. В., Хитина М. В.* Исследование перцептивно-слухового восприятия звучащих текстов в затрудненных условиях // Речевые технологии. – № 3. – М., 2010. – С. 8–13.

4. *Потапова Р. К., Потапов В. В., Хитина М. В.* Экспериментальное исследование возможности определения темы текста в затрудненных условиях // Труды РАО. Акустика речи, Медицинская и биологическая акустика. – Т. 3. – М. : Геос, 2011 – С. 10–15.
5. *Хитина М. В.* Исследование смысловой организации восстановленных текстов монологов, реализованных в розовом шуме // Современное речеведение – агрегация междисциплинарных знаний. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 245–254. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (699). Сер. Языкознание).
6. *Чугаева Т. Н., Штерн А. С.* Изучение механизма восприятия речи в условиях интерференции // Экспериментально-фонетический анализ речи. – Л. : ЛГУ, 1989. – Вып. 2. – С. 59–70.
7. *Штерн А. С.* Статистическая модель восприятия слова по лингвистическим признакам // Экспериментальная фонетика. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. – С. 61–80.
8. *Штерн А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1990. – 31 с.

УДК 81'34

Н. Б. Цибуля

кандидат филологических наук, профессор кафедры фонетики
английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: cybnb@mail.ru

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ

Статья выполнена в рамках исследований невербального общения. Ее целью является анализ теории М. Боудена и выделенных им плоскостей исполнения жестов, а также их употребления в различных фоностильях. В работе рассматривается корреляция между уровнями использования жестов и просодией в публичной речи и интервью. Доминантное или сбалансированное применение плоскостей зависит от коммуникативной цели устного текста.

Ключевые слова: фоностиль; плоскость исполнения жестов; просодия; коммуникативная цель; устный текст.

N. B. Tsibulya

Ph.D., Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSU
e-mail: cybnb@mail.ru

PHONOSTYLISTIC CHARACTERISTICS OF NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION

The article is written within the framework of nonverbal studies. The aim of the research is to analyse M. Bowden's theory of gesture performance planes and also to reveal their use in different phonostyles. Correlation between prosody and levels of gesture in public speech and interview is discussed. Dominant or balanced use of planes is determined by the communicative aim of oral text.

Key words: phonostyle; gesture performance plane; prosody; communicative aim; oral text.

В работах, посвященных невербальному общению, изучаются мимика, движения тела и жесты, тактильное поведение, использование говорящими пространства и др. При исследовании жестов ученые выявляют микро- и макрожесты, их длительность, амплитуду, интенсивность, соотношенность с выражениями лица и движениями тела, а также корреляцию с речью и просодией. При анализе жестов оказывается важным еще один аспект, а именно, в какой плоскости, на каком уровне тела они исполняются.

Одним из исследователей, разрабатывающих эту проблему, является Марк Боуден (Mark Bowden), эксперт в области вербального и невербального общения, создатель теории использования жестов в различных плоскостях, известный инструктор в сфере театрального искусства, бизнеса и политики.

М. Боуден окончил университет в Соединенном Королевстве по специальности исполнительского мастерства и театрального искусства. Затем изучал методы контролирования жестов в Лаборатории сценического движения и сценографии Жака Лекока в Париже, сотрудничал со многими специалистами в области невербального общения и психологии движения.

В настоящее время М. Боуден проводит тренинги для многих престижных западных фирм, консультирует ведущих мировых политиков с целью совершенствования их навыков невербальной коммуникации [7].

По данным компании Футси 100 (FTSE 100: Financial Times Stock Exchange 100), 80% контактов в области бизнеса заканчиваются неудачей. Принимая во внимание тот факт, что невербальная составляющая нередко является доминантной в человеческом общении, М. Боуден подвергает критике устоявшиеся традиции и сложившиеся невербальные стереотипы, характерные для публичной речи, в частности, презентаций, докладов и т. д., так как определенные положения тела сигнализируют о внутреннем состоянии выступающего и могут вызвать весьма отрицательные реакции со стороны слушателей [5].

Целью настоящей статьи является анализ теории М. Боудена, а также проведение эксперимента с применением и проверкой ее основных положений на материале таких фоностилей, как публичная речь, телеинтервью в реальной записи и представленное в художественном фильме.

М. Боуден выделяет несколько плоскостей исполнения жестов, соотносимых с разными уровнями человеческого тела [5]. Каждая из них имеет определенные характеристики, важные с точки зрения продуцирования и восприятия жестов, а также соотносится с голосовыми параметрами, артикуляцией и просодией высказывания. Поскольку данная теория и связанная с ней практика обучения невербальной коммуникации обращены в первую очередь бизнесменам и политикам, основой своей концепции М. Боуден считает завоевание доверия слушателей, зрительской аудитории, будь то деловые партнеры, электорат, участники митинга, съезда и т. д.

Рассмотрим выделяемые М. Боуденом плоскости исполнения жестов, соответствующие разным уровням человеческого тела. Следует отметить, что каждая из них непосредственно связана с определенными позами, положениями человеческого тела и головы, мимикой выступающего.

Первая область, которую подробно анализирует исследователь, находится ниже уровня талии. М. Боуден называет ее «Плоскость гротеска» («GrotesquePlane»). Он объясняет, что в современном английском языке слово «grotesque» ассоциируется с чем-то уродливым, неприятным, неконгруэнтным, искаженным. Однако, как отмечает исследователь, во многих существующих руководствах по презентации рекомендуется держать руки опущенными, т. е. в плоскости «GrotesquePlane», при этом тело должно быть неподвижным. По признанию многих людей, такая позиция вызывает у них чувство физической тяжести, что влечет за собой затруднение в формулировании мыслей, а также эмоциональную неустойчивость, нередко выражающуюся в апатии, вялости, сонливости или, наоборот, в нервозности или агрессии. Такое положение тела, как правило, сопровождается речью с определенными просодическими изменениями, а именно: наблюдается нисходящее движение голосового тона, всякий раз более глубокое и низкое в конце каждой развиваемой микротемы. Заполненные паузы и паралингвистические явления, как например вздохи, также характеризуются нисходящим мелодическим движением. В результате этого речь выступающего звучит монотонно, однообразно, незаинтересованно и действует на аудиторию усыпляюще. Докладчик может произвести впечатление унылого, подавленного человека, лишённого мотивации. Поэтому, какими бы ни были текст презентации, наглядные графики и цифры, свидетельствующие об успехах и престиже фирмы, – такая поза, положение тела и рук, а также интонация говорящего вызывают у слушателей недоверие и отчуждение.

В некоторых случаях опущенные вдоль тела руки сопровождаются не неподвижностью позы, а расхаживанием перед слушающими. Выступающий ходит взад и вперед по залу, а просодическая организация речи отличается большой громкостью, резкими высокими нисходящими тонами, придающими высказываниям командный, доминирующий характер. В результате использования подобных просодических структур речь приобретает агрессивную тональность и вызывает отрицательную реакцию у деловых партнеров.

Вспомним данные, которые приводят основатель кинесики Р. Бирдвистел, а также известный исследователь А. Мерабиан, о том, что основной объем информации передается не словами, а невербальными средствами и интонацией. При неконгруентности вербального и невербального каналов аудитория больше доверяет невербальному поведению и интонации, а не словесному выражению мысли [4; 6].

М. Боуден придает особое значение конгруентности обоих каналов, совершенно справедливо считая, что просодия и невербальные средства не должны идти вразрез со словесным выражением мысли. Им надлежит поддерживать и усиливать ее, делать более наглядной и яркой. В бизнесе, как слова и просодия, так и невербальные средства, призваны способствовать формированию взаимного доверия, осознанию важности и надежности делового сотрудничества. В политике вербальная и невербальная организация речи государственных деятелей должна вселять в людей уверенность в правильности поставленных задач, а также в успехе их реализации.

Нельзя не согласиться с М. Боуденом в том, что невербальное поведение человека, демонстрирующее его открытость, готовность к общению, доброжелательность, благорасположение, а также отсутствие стремления к конфронтации, будет понятно в любой культуре мира. Искренние, честные намерения говорящего невербально манифестируются в области, которую М. Боуден назвал «Плоскость правды» («TruthPlane»). Она находится на уровне пояса. Как признают многие люди, расположение рук и / или жестикуляция на этой высоте придают им чувство уверенности, спокойствия, собранности, уравновешенности, защищенности, вызывает прилив энергии. М. Боуден объясняет: здесь помещается центр гравитации человека, и руки, находящиеся в его проекции, способствуют еще большей концентрации массы тела в этой плоскости и вызывают чувство сбалансированности и физической устойчивости.

Обучение М. Боуденом актеров, а также многочисленные тренинги бизнесменов, проводимые им в различных компаниях по всему миру, консультации для политиков, показали, что использование при общении «TruthPlane» дает плодотворные результаты как со стороны выступающих, так и слушающих.

Благодаря природе физической системы человека голосовой тон всегда сопряжен с той плоскостью, в которой исполняются жесты. Следует отметить, что другие существующие программы подготовки

презентаций включают в себя многочисленные трудоемкие тренировки просодии. В момент эмоционального кризиса, однако, выступающий забывает советы наставника, и его интонация конгруэнтна той невербальной области, которую М. Боуден называет «GrotesquePlane». Поэтому, когда говорящий использует область «TruthPlane», чувство уверенности, спокойствия, доверия естественным образом проявляется и в просодической организации речи. Интонация становится более обращенной, доверительной и убедительной.

Далее на горизонтальной оси человеческого тела находится область, которую М. Боуден называет «PassionPlane». Слово «passion» восходит к латинскому слову «pati» («страдать»). Написанное с заглавной буквы и употребленное с определенным артиклем – «The Passion», оно имеет значение «Страсти господни». В переводе на русский язык «passion» может означать «страсть, страстное увлечение», а также «энтузиазм» или «взрыв эмоций» [2]. Следовательно, в современном английском языке данное слово выражает не только любое сильное чувство, положительное или отрицательное, но также энтузиазм и страстное увлечение (к.-л. или ч.-л.). Таким образом, область «PassionPlane» можно охарактеризовать как «Плоскость проявления эмоций, энтузиазма». По сравнению с «TruthPlane», это более широкое пространство, которое поднимается от линии пояса вверх на высоту груди и достигает плеч. Манифестация эмоций и жестикаляция в этой плоскости связаны с повышением уровня кислорода в крови и, следовательно, уровня энергии. По мнению М. Боудена, человек, используя эту плоскость для жестов, говорит от души, от сердца, вызывая у аудитории похожую эмоциональную реакцию. Проявление чувств выражается не только в словах и жестах, но и в интонации. Для этого стиля речи характерен восходящий тон, создающий у слушателей эффект ожидания чего-то важного, вовлеченности в эмоциональный порыв говорящего. По нашим наблюдениям, для подчеркивания важности определенных слов и усиления эмоциональной составляющей также используются высокие нисходящие тоны.

Следует заметить, что очень активное использование жестов в данной плоскости может вызвать у публики отрицательную реакцию и создать впечатление излишней эмоциональности речи.

Рассматривая далее пространства исполнения жестов, М. Боуден выделяет еще три, которые находятся в области головы. Первое охватывает рот и нижнюю часть лица. Они образуют плоскость, которую

исследователь называет «Плоскость разоблачения» («DisclosurePlane»). Слово «disclosure» означает «раскрытие» (секрета, тайны), «обнаружение» (скрытых обстоятельств), «разоблачение» (тайных замыслов) [1]. Такое определение связано с тем, что жестикуляция у нижней части лица выдает состояние человека, когда тот стремится скрыть свое волнение или сомнение в правильности того, что он говорит. Например, движение руки у подбородка или от подбородка к уху свидетельствует о сильном беспокойстве [3]. Прикрытие рта рукой вызывает у слушателей чувство недоверия. Действительно, такой жест или положение руки в этой области во время речи создают впечатление, что выступающий что-то скрывает или недоговаривает. По нашим наблюдениям, такая речь звучит глуховато, имеет нечеткую артикуляцию, обрывистые тоны. Подобное высказывание воспринимается совершенно иначе, чем при положении рук в области пояса, т. е. «TruthPlane».

В некоторых случаях во время длительных выступлений докладчик пытается снять усталость и снять нагрузку с шеи, подперев подбородок рукой и опираясь в это время на локоть, – поза, удобная для говорящего, но затрудняющая общение с аудиторией.

Второе пространство, выделяемое М. Боуденом в области головы, находится на уровне переносицы, глаз и висков и называется «Плоскость мысли» («ThoughtPlane»). Расположение пальцев на висках вызывает умственное напряжение, а разведение рук в стороны на этой высоте может стать причиной сильного возбуждения, рассеянного внимания, растерянности и беспорядочности мыслей. Совершенно другой эффект наблюдается, когда пальцы рук находятся на переносице, являющейся центром «плоскости мысли». У выступающего усиливается концентрация внимания, появляются уверенность и упорядоченность мыслей.

Еще одно пространство, расположенное на уровне головы, охватывает ее верхнюю часть и область сверху – «Плоскость невербального проявления сильного накала эмоций» («EcstasyPlane»), обычно ассоциирующаяся с очень страстными выступлениями.

Мы рассмотрели горизонтальные уровни исполнения жестов, по М. Боудену¹, так как именно они представляют важность для нашего эксперимента. Конечно, можно оспаривать названия проанализиро-

¹ Важное место в его теории занимают также вертикальные плоскости и различные техники дыхания, которые не имеют прямого отношения к нашему эксперименту.

ванных плоскостей, одни из которых являются более, а другие – менее удачными. Ценным в этой теории и практике обучения невербальному общению является выделение естественных областей жестикуляции, находящихся на разных уровнях человеческого тела и связанных с проявлением эмоций, способностью формулировать мысли, завоевать доверие аудитории или, наоборот, вызвать отчуждение слушателей.

Обратимся теперь к результатам нашего эксперимента, материалом которого послужили публичные речи премьер-министра Великобритании Д. Камерона, а также взятое у него интервью. Анализу были также подвергнуты отрывки из американского художественного фильма «Фрост против Никсона». Общая продолжительность звучания материала составила около 1,5 час.

Речь Д. Камерона «*Britain is a small island, but a great country*» была произнесена в Шотландии перед референдумом. Как это часто наблюдается в подобных ситуациях, премьер выступал с подиума (кафедры), который закрывает от зрителей уровень пояса оратора, но позволяет хорошо видеть тело выше пояса, т. е. уровень груди, «*chest plane*» (М. Боуден называет его «*PassionPlane*»). Это область невербального выражения чувств, эмоций, энтузиазма. Интересно, что в начале речи Д. Камерон произносит: «*Let me just get this off my chest one more time*»¹. Таким образом, используя слово «*chest*» в идиоматическом выражении, премьер начинает активно использовать «*chest plane*» для жестикуляции.

Движения головы при этом подчеркивают движения рук. Жесты совершаются попеременно то правой, то левой рукой на уровне груди, сверху вниз, уверенные, четкие, очень ритмичные, подчеркивающие фразовые ударения. Пальцы рук могут принимать при этом три положения: 1) быть собраны к середине ладони, а указательный палец выставлен вперед (жест убеждения); 2) слегка расслаблены; 3) рука сжата в кулак.

Чаще всего используется первый – жест убеждения (указующий). Действительно, демонстрируя гордость за свою страну, премьер пытается вызвать такое же чувство у слушателей. Это особенно важно в преддверии референдума в Шотландии, поэтому он пытается убедить аудиторию, что Великобритания всегда была сильна тем, что Англия, Уэльс, Северная Ирландия и Шотландия являют собой

¹ «Разрешите мне еще раз облегчить душу».

единое сильное государство, известное своими достижениями и способное достичь многого в будущем. В речи преобладают средние и высокие нисходящие тоны как в конечных, так и в неконечных синтагмах. Тембр голоса меняется от выражения пафоса, гордости до доверительности, что сопровождается то нарастанием громкости, то ее уменьшением.

Взывая к чувству гордости за свою страну, Д. Камерон откидывает голову назад, выпрямляет спину. Легкая улыбка на лице и вся мимика выражают открытость и расположенность к аудитории. Убеждая слушателей, премьер слегка наклоняет голову и тело вперед. Говоря о кризисе, хмурится, слегка сдвигает брови. Взгляд становится серьезным. Выражение лица свидетельствует о том, что премьер озабочен состоянием экономики. Доверительный тембр голоса также демонстрирует его модально-эмоциональное отношение к сложившейся ситуации. Темп в течение всей речи средний или немного замедленный.

Таким образом, основная цель данной речи заключается в том, чтобы убедить аудиторию, настроить ее на волну патриотизма и тем самым предотвратить возможный нежелательный результат референдума. Поэтому жесты в основном наблюдаются в плоскости груди – области манифестации эмоций, что соответствует положениям М. Боудена о функциях этого невербального пространства.

Обратимся к анализу другой речи Д. Камерона, произнесенной им на конференции консервативной партии в 2012 г. Тогда премьер говорил о достижениях консерваторов, а также о проблемах, стоящих перед партией, о путях их решения, и, самое главное, о большом потенциале партии консерваторов, их энергии, профессионализме и других качествах, которые помогут вывести страну на более высокий экономический уровень.

В целом, по сравнению с речью, произнесенной в Шотландии, премьер говорит более сдержанно, менее эмоционально. Однако в его выступлении явно выделяются несколько частей, каждая из которых имеет свою коммуникативную цель. В начале речи Д. Камерон обсуждает достижения и проблемы, стоящие перед партией. Так же, как в Шотландии, премьер выступает с трибуны, которая является естественным барьером между ним и собравшимися: закрывает плоскость пояса (по М. Боудену, «TruthPlane»), очень важную область, невербальная манифестация в которой обычно свидетельствует о правдивости

и искренности говорящего и вызывает доверие аудитории. Не имея возможности открыто жестиковать в данном пространстве, премьер держится за барьер подиума так, что его руки оказываются в плоскости пояса. Прозвоня отдельные жесты в области груди, докладчик возвращает руки в это исходное положение.

При подготовке выступлений политиков, особенно высокого ранга, организаторы данных мероприятий используют прием, адресованный аудитории и направленный на снятие барьера между говорящим и слушателями: на передней части трибуны, обращенной к зрителям, располагается лозунг и / или символ патриотического содержания. Таким примером является подиум президента США, а в анализируемой ситуации (речи Д. Камерона на конференции консервативной партии) мы видим на нем изображение флага Великобритании и лозунг «Britain can deliver»¹, являющийся лейтмотивом речи премьера.

В той части выступления, в которой Д. Камерон формулирует свои цели и выражает уверенность в партии, ее преданности и больших потенциальных возможностях дальнейшей деятельности в различных областях, включая школьное образование, медицину и др., его речь становится более эмоциональной, и жесты перемещаются в «Плоскость эмоций» (по М. Боудену, «PassionPlane»). Просодическое оформление фраз также соответствует общей эмоциональной направленности. Увеличивается громкость, ускоряется темп речи, используются краткие и психологические паузы. Наряду с восходящими тонами, создающими эффект ожидания, звучат высокие нисходящие тоны, придающие речи яркую эмоциональность и убедительность и демонстрирующие значения личной вовлеченности, ответственности и стремления осуществить намеченные планы.

Обратимся к анализу другого фоностилля – интервью, которое дал Д. Камерон журналисту Эндрю Марру (Andrew Marr) по злободневному вопросу использования в Интернете информации порнографического содержания, адресованной детям и подросткам.

В течение всей беседы, длящейся почти 22 мин., Д. Камерон часто использует жесты (в основном правой руки) на уровне живота, в так называемой «Плоскости правды, искренности» (по М. Боудену, «TruthPlane»). То есть, за исключением отдельных моментов, не поднимает руки выше груди («PassionPlane»). Как известно, использование

¹ «Британия сдерживает свои обещания, добивается успеха».

«TruthPlane» способствует уверенности, концентрации внимания, внутреннему спокойствию и, что очень важно, аудитория воспринимает говорящего как уверенного, умного, честного и правдивого человека, которому можно доверять.

Однако посмотрим на исходное положение рук премьера. Они чуть ниже локтей лежат на подлокотниках кресла, кисти рук расположены внизу живота, пальцы сцеплены, или (реже) кисть правой руки сжимает кисть левой. Таким образом, хотя премьер использует жесты в основном в «Плоскости правды, искренности», т. е. старается вселить уверенность в своих зрителях, положение кистей рук, а также сцепленные пальцы говорят о достаточно закрытой позиции и определенной напряженности премьера. Использование «TruthPlane», а также сами высказывания и их просодическое оформление свидетельствуют о том, что Д. Камерон действительно озабочен тем, что происходит в Интернете, и не только как премьер-министр, но и как отец. Он выражает решимость в осуществлении программы борьбы с этим социальным явлением. Исходную закрытую позицию рук можно интерпретировать как невербальное выражение определенных сомнений в отношении кардинального решения обсуждаемой проблемы.

В то же время, место проведения беседы, скорее всего, выбрано неслучайно. Интервью проходит в довольно непринужденной обстановке в саду дома премьер-министра на Даунинг Стрит. Журналист и премьер сидят на веранде. Вокруг цветы, деревья, зеленая трава. Стоит прекрасная солнечная погода. Окружающая природа и тишина создают определенное настроение и фон, вселяющий спокойствие и уверенность.

Премьер активно использует легкие движения головы и тела в такт ритмической организации речи. Мимика является достаточно выразительной и соответствует общему смыслу высказывания. Нейтральное, несколько хмурое, оживленное, немного ироническое или довольное выражение лица коррелируют с модально-эмоциональными значениями фраз.

Хотя оба участника беседы сидят в креслах и часто используют жесты, они делают это по-разному. Журналист Э. Марр более склонен использовать «Плоскость груди» («PassionPlane»), т. е. пространство невербальной манифестации эмоций. Он достаточно активно жестикулирует, поднимая руки (в основном правую) до уровня груди, и редко использует, в отличие от премьера, «Плоскость правды». Исходной позицией в течение всего интервью является расслабленное

положение кисти левой руки на левом бедре, а кисть правой при этом накрывает левую. Пальцы расслаблены и немного раздвинуты. Руки ниже локтей упираются в подлокотники кресла, т. е. находятся на уровне «TruthPlane». С одной стороны, исходное положение рук журналиста свидетельствует о его более расслабленном состоянии, по сравнению с премьером. С другой стороны, использование «PassionPlane» говорит о его большей эмоциональности. Об этом также свидетельствует более активная мимика.

Речь как журналиста, так и премьера в целом характеризуется быстрым темпом, краткими и средними по длительности паузами. Тембр голоса варьируется в зависимости от модально-эмоциональной направленности высказывания, а также от обсуждаемого вопроса: при смене микротемы тембральная окраска голоса меняется.

Реагируя на ответы (feedback) премьера, журналист кивает головой, демонстрируя таким образом свою солидарность и согласие. Д. Камерон более сдержан в своих реакциях на вопросы и высказывания А. Марра. Для премьера характерны нейтральное выражение лица и в редких случаях едва заметные кивки головой.

В речи премьера наблюдается использование нисходящих, нисходяще-восходящих тонов и мелодической модели «нисходящий тон + восходящий тон» («fall + rise»). Наряду с этим, часто слышен восходящий тон, причем не только в неконечных, но и в конечных синтагмах. Данное явление согласуется с положением М. Бодена о частом использовании восходящих тонов при исполнении жестов в плоскости «TruthPlane», что, по его мнению, способствует установлению контакта, доверительности и внушает доверие.

Сравним это документальное интервью с поведением участников другого – представленного в художественном фильме «Фрост против Никсона». Известный журналист Д. Фрост берет интервью у президента США Р. Никсона. Речь идет о злоупотреблениях властью президентом. Встреча проходит в одной из телестудий и носит очень напряженный, накаленный характер. Журналист уличает президента во лжи, приводит неоспоримые документальные факты нарушения им закона, бездействия и, более того, попустительства преступникам. Оба участника очень эмоциональны, что выражается не только в интонационных особенностях их речи, но и на невербальном уровне. Прежде всего это выразительная мимика, представляющая весь спектр

эмоций и модальности. Следует также отметить активное использование ими жестов, причем в основном на уровне груди. Таким образом, актеры, играющие роли журналиста и президента, в отточенной, стилизованной форме наглядно демонстрируют функциональную значимость области, которую М. Боуден называет «PassionPlane».

Анализ основных положений теории М. Боудена и проведенное исследование нескольких фоностилей позволяют сделать следующие выводы.

1. Невербальная манифестация на различных уровнях тела является естественным проявлением физической природы человека.
2. Каждый уровень функционально обусловлен и соотносится с различными модально-эмоциональными значениями.
3. Невербальная активность говорящих тесным образом коррелирует с просодическими характеристиками речи.
4. Фоностилистические особенности невербальных средств общения в первую очередь зависят от общей коммуникативной цели устного текста.
5. Воплощение коммуникативной установки затем конкретизируется и реализуется в невербальном поведении, определенным образом воздействующим на реципиентов.
6. В различных фоностилях, в зависимости от коммуникативной задачи, наблюдается сбалансированное или доминантное использование различных плоскостей исполнения жестов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой англо-русский словарь : в 2 т. / под ред. И. Р. Гальперина. – Т. 1. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 822 с.
2. Большой англо-русский словарь : в 2 т. / под ред. И. Р. Гальперина. – Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 863 с.
3. *Клейтон П.* Секреты языка тела. Учитесь видеть и действовать правильно / пер. с англ. Л. А. Борис. – М. : Арт-родник, 2004. – 168 с.
4. *Birdwhistell R.* Kinesics and Context. Essays on Body Motion Communication. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. – 338 p.
5. *Bowden M.* Winning Body Language. – New York : Mc Graw Hill, 2010. – 234 p.
6. *Mehrabian A.* Nonverbal Communication. – New Jersey : Aldine Transaction, A Division of Transaction Publishers, 2007. – 226 p.
7. The Art Of. – URL : <http://www.theartof.com/speakers/mark-bowden>

УДК 81'34

Т. И. Шевченко, И. Е. Галочкина

Шевченко Т. И., доктор филологических наук,
профессор кафедры фонетики английского языка
факультета ГПН МГЛУ
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Галочкина И. Е., кандидат филологических наук,
профессор кафедры фонетики английского языка
факультета ГПН МГЛУ
e-mail: iren_prof@yahoo.com

НАВСТРЕЧУ СОГЛАСИЮ: ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СОБЕСЕДНИКОВ В ДИАЛОГЕ

Статья посвящена обзору результатов современных исследований в области речевой аккомодации. Авторы описывают явление фонетической конвергенции, состоящее в полной или частичной согласованности частотных, темпоральных и динамических параметров речи собеседников и обеспечивающее чувство согласия в общении и успех в решении совместной задачи. Эта согласованность трактуется как динамический процесс, развивающийся в ходе диалога. Результаты, достигнутые в ходе экспериментов в рамках лабораторной фонологии, подкрепляются данными перцептивного анализа мелодики диалогов в художественных фильмах.

Ключевые слова: адаптация; аккомодация; конвергенция; дивергенция; идентичность; частотные, темпоральные, динамические, ритмические характеристики речи; терминация.

T. I. Shevchenko, I. E. Galochkina

Shevchenko T. I., Doctor of Philology, Professor,
Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Galochkina I. E., Ph.D., Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: iren_prof@yahoo.com

ENSURING CONVERGENCE: PHONETIC ADAPTATION OF PARTNERS IN DIALOGUE

The article is a survey of recent research in speech accommodation. It focuses on the phenomenon of phonetic convergence, consisting in complete or partial concordance of pitch, temporal and dynamic parameters of interlocutors' speech, which gives a sense of solidarity in communication and facilitates progress in doing

a common task. Convergence is viewed as a dynamic ongoing process over the course of dialogue. The results obtained in laboratory phonology experiments are corroborated by auditory analysis of pitch convergence in feature films discourse.

Key words: adaptation; accommodation; convergence; divergence; identity; pitch, temporal, dynamic, rhythmic characteristics of speech; termination.

Между идентичностью и конвергенцией

Ситуативная вариативность речи может быть намеренной и сознательной, но может происходить инстинктивно и бесконтрольно. Мы настраиваемся на темп речи собеседника, на характер паузации, высотный уровень, громкость и даже тип произношения – процесс, известный как *конвергенция*. Один задает темп говорения и, как при ходьбе вдвоем, второй должен подстраиваться, согласовывать с ним свой темп речи и другие характеристики. *Дивергенция* – это явление противоположного характера, когда человек подчеркивает свои отличия от других людей. Два этих процесса составляют предмет изучения и сущность *теории речевой аккомодации* [7; 9].

Благодаря конвергенции человек может приблизиться к более престижному стилю речи (*конвергенция вверх*) или, напротив, снизить свой регистр (*конвергенция вниз*). Эти процессы наблюдаются в целом ряде языков: венгерском, фризском, иврите, тайском и многих других [8]. Конвергенция, как и дивергенция, может быть *двусторонней* или *односторонней*, *полной* или *частичной*. В работе Джайлза и его соавторов [9] приводится следующий пример: человек, который произносит 50 слов в минуту, может ускорить свой темп речи ради собеседника до 100 слов/мин (*полная конвергенция*) или до 75 слов/мин (*частичная конвергенция*). В прикладной лингвистике, как мы увидим далее, различают иные градации аккомодации (близость – *proximity*, конвергенция – *convergence*, синхронность – *synchrony*, координация реплик – *coordination in turn taking*), а весь процесс называют *согласованностью* – *entrainment* [17].

Кроме фонетической «настройки», т. е. адаптации собеседников друг к другу в произношении, различают *лексическую*, *синтаксическую* и *семантическую* конвергенцию; каждая из них обеспечивает успех коммуникации [20], который состоит в согласованности речевых действий между собеседниками, способствует совместному решению таких прикладных задач, как, например, выигрыш в компьютерной

игре [19]. В итоге в прикладной лингвистике экспериментальные работы дают материал для улучшения диалоговых систем, типа «человек – компьютер».

Когнитивные теории диалога рассматривают согласованность участников на многих уровнях лингвистической репрезентации, обеспечивающих производство и понимание речи. В частности, в качестве ключевого может быть избрано употребление такого лексического средства, как самые частотные слова в корпусе. Устанавливается связь между этим типом лексической согласованности партнеров в компьютерной игре, с одной стороны, и естественностью диалога и успехом в этой совместной деятельности, с другой. С точки зрения *координации* речевых действий при смене реплик было установлено, что более высокая степень лексической согласованности соответствует меньшей доле прерванных партнером реплик (*interruptions*) и большему количеству их частичного наложения, когда один партнер предвосхищает завершение высказывание другого, но не мешает ему закончить (*overlaps*). Плавные переходы реплик от одного участника к другому (*smooth transitions*) исключают затянувшиеся паузы. Следовательно, перебивы и сверхдлительные паузы – признаки слабо скординированных диалогов [19].

Во время беседы ее участники адаптируют свою манеру говорения к тем речевым формам, которые использует собеседник: изменяют громкость, если он говорит громче [5] или повторяют за ним ту же синтаксическую конструкцию [21]. Значительный объем специальной литературы свидетельствует о том, что согласованность партнеров не только обеспечивает успех диалога в целом, но и то, как они воспринимают друг друга [20]. Высоко оценивается умение синхронизировать свое коммуникативное поведение, в том числе невербально в мимике лица. При этом люди, склонные к *эмпатии* (пониманию точки зрения другого человека) в большей степени проявляют эту способность. Отмечается, что степень согласованности, которая проявляется в лексических и синтаксических повторах в течение первых пяти минут диалога, дает надежные сведения для того, чтобы предсказать, насколько успешно будет выполнена совместная задача [21].

Конвергенция дает чувство согласия, гармонии в общении. Так матери, например, меняют свою манеру говорения, общаясь с маленькими детьми. В общении со взрослыми людьми конвергенция выступает

как попытка получить социальное одобрение, понравиться собеседнику. В социальном плане согласованность – это средство интегрирования в группу, возможно путем изменения своей *социальной идентичности*. Например, лектор или оратор ради социальной привлекательности ищет «точки соприкосновения» со своей аудиторией [2], а звезды популярности в интервью подчеркивают свою связь с молодежной аудиторией, стремясь полностью идентифицироваться с ней [1].

Социальное одобрение опирается на тот факт, что мы сравниваем речевое поведение людей со своим, оцениваем его по своим критериям, и чем больше оно похоже на наше, тем больше эти люди нам нравятся. Это относится, например, к темпу речи высказывания: во время эксперимента по восприятию речи информанты оценили по аудиозаписи как более компетентных и привлекательных тех говорящих, речь которых совпала с их собственной по темпу, в отличие от тех, кто говорил быстрее или медленнее. При этом оказалось, что на результаты эксперимента повлиял пол говорящего, а также пол аудитора. Аналогичный эксперимент был построен на изменении длительности пауз, и в этом случае близость показателей диктора к собственным данным аудиторов обеспечила позитивное восприятие голосов [3]. Такие условия восприятия используются в коммерческих целях, когда звуковая реклама учитывает типичные голосовые характеристики целевой аудитории [16]. В Японии, например, пользователи компьютеров работали с мультипликацией, герои которой в большей или меньшей степени подражали их голосам в отношении ритма, интонации, громкости, высоты. Когда участников эксперимента попросили оценить такие качества героев, как дружелюбие, сочувствие, спокойствие и сотрудничество, наивысший балл получили те, кто по характеристикам голосов на 80% совпадали с участниками эксперимента [14].

Итак, мы любим людей, которые в прямом смысле находятся с нами «на одной (звуковой) волне» и говорят в том же ритме. Если различие очень велико, коммуникация может и не состояться. Однако, осознавая свою идентичность, мы не теряем ощущения того, как наш социальный статус соотносится со статусом собеседника; и если явление аккомодации, как правило взаимной, характерно для любого диалога, то для людей различного статуса оно характерно в разной степени. Полагают, что конвергенция дает надежный ключ к тому, чтобы установить социальный статус партнеров в интервью: люди низкого

положения стремятся быть похожими на тех, у кого статус выше. По тому, в какой степени один говорящий адаптируется к другому, можно определить, чей статус выше, кто доминирует в разговоре [13]. Грегори и Уэбстер полагают, что изменение речевого поведения продавцов на Тайване зависит от размера кошельков их покупателей. Но не менее очевидны и колебания в речевых характеристиках известного американского телеведущего Ларри Кинга в зависимости от того, с кем он беседует – с более или менее высокими по статусу гостями его телепередачи: с Биллом Клинтоном или с Генри Киссинджером, например [13]. Американские специалисты [12] пытались даже доказать, что по уровню аккомодации претендентов можно предугадать результаты президентских выборов. Тот факт, что их прогнозы не сбылись (А. Гор доминировал как оратор, но проиграл в 2000 г.), трактуется как исключение из правила.

Существуют и межкультурные различия относительно аккомодации собеседников из другой страны. Японцы не приветствуют проявление такого сближения в переговорах с западными партнерами. Иными словами, они не хотят, чтобы речь американцев звучала с японской интонацией, подозревая в этом фальшь и снисходительное отношение [14]. Мы полагаем, что как представители самой закрытой культуры, японцы отстаивают ее уникальность, т. е. свою национальную идентичность. Это – проявление дивергенции, когда различие акцентируется для утверждения своей идентичности.

Фонетические сигналы согласованности в диалоге

В компьютерной лингвистике собран большой материал по анализу фонетических сигналов согласованности в диалоге, в частности относительно тех, которые призваны указать партнеру (а в дальнейшем – компьютеру) на необходимость выдать сигнал обратной связи (сигналы обратной связи – это короткие речевые сегменты, которые произносят для того, чтобы проявить неослабевающий интерес и внимание без смены говорящего [22]). В фокусе внимания исследователей – сходство сигналов, которыми обмениваются участники диалога. Оно, как показали эксперименты, увеличивается в ходе развертывания диалога и связано с координацией по высоте голоса и темпу речи собеседников, а также с успешным выполнением совместной задачи [16]. При этом идет разработка методов измерения

явлений согласованности: большинство работ направлено на обнаружение сходства речевого поведения в течение всего диалога или его сопоставление на ранней или поздней стадиях разговора; эффективной оказалась методика измерения просодических характеристик [6], а также принцип наблюдения за сигналами на локальном уровне, т. е. в участках диалога, завершающих реплику одного участника непосредственно перед высказыванием другого.

В работе с Колумбийским корпусом игр Гравано и Хиршберг [11] выделили пять (см. список далее) речевых явлений, которые значимо коррелируют с речью, сопровождаемой сигналами обратной связи. Однако авторы отметили, что отдельные говорящие демонстрируют различные комбинации этих сигналов и варьируют способы их выражения. В этой связи работа Левитан и ее соавторов направлена на поиск доказательства того, что участники диалога согласовывают выбор и способы произнесения таких сигналов в течение всей беседы и на локальном уровне, т.е. на стыке реплик [16]. Материал – тот же Колумбийский корпус игр [11], который состоит из 12 спонтанных диалогов, в которых участвуют 13 человек (6 женщин и 7 мужчин), из них 11 встречаются дважды, каждый раз с новым собеседником. Продолжительность звучания – 9 час 8 мин. Участники, разделенные занавесом, выполняли компьютерные игры, требующие совместных решений. Корпус аннотирован: отмечены способы смены реплик (плавные, прерванные, частично наложенные), сигналы обратной связи. Всего 5 691 смена реплик в корпусе, из них 58 % – плавные, 2 % – прерванные, 11 % – сигналы обратной связи.

В анализе измерялись пять сигналов и их характеристики, ранее установленные в работе Гравано и Хиршберг [11]:

- мелодическое движение – понижение высотного уровня последних 200 мс или 300 мс в речевой единице – (IPU – беспрепаузальном сегменте, отделяемом паузой 50 мс и более в речи одного человека);
- высотный уровень – средняя частота основного тона (ЧОТ) последних 500 мс и 1000 мс;
- интенсивность – средняя интенсивность последних 500 мс и 1000 мс;
- длительность – длительность речевой единицы от паузы до паузы (IPU) в секундах и в количестве слов;

- качество голоса – (NHR – соотношение шумов к гармоникам), измеряемое с помощью программы Praat.

Левитан и ее соавторы [16] пытаются установить, за какими паузами следует сигнал обратной связи, если говорящий не передает право на реплику. С помощью статистической программы ANOVA выявляется значимое различие между теми речевыми единицами (IPU), за которыми следует такой сигнал, и теми, за которыми его нет.

Первое измерение – подсчет сигналов, общих для каждой пары собеседников. В корпусе каждый употребил от 0 до 5 сигналов (в среднем 2,17). Путем применения t-критерия устанавливают: в среднем участники диалога имеют значимо больше сигналов (cues), общих для своей пары, чем с другими участниками в корпусе ($t = 2,1$ $df = 23$ $p < 0,05$). Эти данные говорят о том, что такие сигналы – не просто проявление индивидуального речевого поведения, а по крайней мере частично – результат *согласованности* с партнером по диалогу [16].

Второй тип измерения предназначен для выявления сходства в показателях выявленных характеристик сигналов, общих для двух собеседников. Измеряется различие между участниками диалога путем сопоставления конкретных данных во всех беспаузальных отрезках, предшествующих сигналам обратной связи. Сравнение с усредненными показателями различия со всеми другими дикторами, с которыми данный участник не разговаривал, показывает, что если различие с партнером меньше, чем со всеми другими, то в данном диалоге происходит согласование по этому показателю. Итог: 11 из 12 диалогов демонстрируют согласование по высотному уровню и по интенсивности, 9 – по качеству голоса, 8 – по интонации и 7 – по длительности.

Коэффициент парных корреляций для всех просодических характеристик партнеров диалогов и в среднем по каждому участнику относительно всех дикторов корпуса показывают, что различия в интенсивности, высотном уровне и качестве голоса в речевых единицах перед сигналами обратной связи меньше между партнерами, чем между этими дикторами и теми участниками, с которыми они не разговаривали. Просодические показатели координируются в диалогах попарно. Различия уменьшаются к концу разговора, о чем свидетельствуют данные по первой и второй половине диалога. Вывод: *согласованность* – динамичный процесс, который развивается в процессе диалога.

Обращаясь к локальному уровню анализа путем изучения смежных беспазуальных речевых единиц на границе реплик двух партнеров, авторы установили, что согласованность по высотному уровню и по интенсивности – это, прежде всего, локальное явление. Эта настройка на голос партнера происходит постоянно, и хотя в течение разговора-игры участники эксперимента могут значительно расходиться по своим показателям, они вновь согласовывают высотные уровни и интенсивность, прислушиваясь к завершению реплики собеседника.

В доказательство значимости согласованности по изученным сигналам для координации реплик авторы сопоставили данные по этим сигналам с количеством сверхдлинных пауз и прерванных реплик. Результат: негативная корреляция. Позитивная корреляция сигналов – с результатами игры, определяемая по счету в ее конце [16].

Продолжая экспериментальную работу в том же направлении, Левитан и Хиршберг [17] детализировали последовательные этапы согласованности речевых действий партнеров в диалоге, начиная с *сближения* (proximity), далее к *конвергенции* (convergence) и завершая *синхронизацией* (synchrony). На уровне одного диалога данные извлекались по всему массиву, на уровне смены реплик – из финального беспазуального отрывка одного собеседника и следующего за ним начального отрезка в реплике другого. Избирались четыре измерения:

- интенсивность – средняя и максимальная в каждом беспазуальном отрезке;
- высотный уровень – средний и максимальный уровни ЧОТ;
- качество голоса – дрожание (jitter), мерцание (shimmer) и соотношение шума к голосу (NHR);
- скорость речи – количество слогов в секунду, рассчитываемое автоматически по словарю.

Все характеристики были нормализованы по гендерной принадлежности путем вычисления средней величины по каждой гендерной группе и ее стандартному отклонению.

На уровне целого текста игры *сближение* устанавливалось методом парной корреляции применительно к двум типам отличий: *от партнера* по данной характеристике и *от всех других*, с которыми не разговаривал. Сближение проверялось и другим способом – сравнением участника с самим собой в другом диалоге. *Согласованность*

отмечалась, по мнению авторов, если участник проявлял больше сходства с самим собой, чем с партнером [17].

Итак, во всех экспериментах подтверждался факт сближения партнеров по диалогу на основании того, что различие в паре всегда меньше, чем между каждым диктором и всеми другими, с кем он не разговаривал. Это проявилось в средней и максимальной интенсивности, уровне максимальной ЧОТ; в меньшей степени – в мерцании, а также в скорости речи. То же наблюдение верно и для всех других различий, но там они статистически не значимы.

Однако все участники больше похожи на самих себя (в другом диалоге), чем на своих партнеров по следующим характеристикам: средний уровень ЧОТ, дрожание, мерцание, соотношение шума и голоса (NHR) и скорость речи. Только средняя и максимальная интенсивность значительно ближе к партнерам, чем к самому себе в другом диалоге, с другим партнером. Этот факт говорит о том, что люди меняют свою нормальную громкость, чтобы приспособиться к партнеру. Влияние собеседника на громкость речи сильнее, чем индивидуальная норма. Аналогичным образом можно объяснить данные по максимальной ЧОТ. Результаты по мерцанию и скорости речи, только двум характеристикам, по которым участники больше похожи на себя, чем на партнеров, и больше похожи на партнеров, чем на других, говорят о том, что в этих измерениях участники сохраняют свои индивидуальные особенности, но, тем не менее, изменяют свой стиль ради координации со стилем партнера [17].

На границах реплик сближение еще ближе, чем по всему диалогу. Даже по тем характеристикам, по которым в целом по всей беседе оно не отмечено, говорит о том, что согласованность состоит в постоянной поднастройке участников диалога друг к другу в совместной игредиалоге. Об этом же свидетельствует увеличение показателей сближения во второй части диалога по сравнению с первой. Так, например, показатели качества голоса (NHR) обнаруживают сходство не во всем диалоге, а лишь во второй его части. Только в интенсивности сходство проявляется сразу в начале диалога, а такие характеристики, как качество голоса, требуют больше времени для взаимной настройки.

Возвращаясь к вопросу о столкновении *идентичности с аккомодацией* речевых действий и, как следствие, возникающей *согласованности* через *сближение* и *конвергенцию* к *синхронности* и *координации*

реплик в диалоге, мы можем сделать выводы, опираясь на результаты экспериментов, изложенные в данном разделе. По ряду просодических показателей, выявленных на материале диалогов-игр, требующих согласованности партнеров, участники, тем не менее, сохранили верность самим себе по показателям средней ЧОТ, качеству голоса и скорости речи, которые они только частично модифицировали в ходе развертывания диалога. *Идентичность*, таким образом, была сохранена, несмотря на сильное воздействие фактора *согласованности*.

Как видно из описанных выше результатов экспериментальных работ, тема взаимодействия и конвергенции в диалоге активно разрабатывается. Однако, как справедливо отмечают сами авторы разработок для диалоговых систем типа «человек – компьютер», нет уверенности в том, что в реальной ситуации перед игровым автоматом люди поведут себя так же, как в лабораторных условиях (запись в кабине, за занавеской, отделяющей от собеседника, каждый сеанс компьютерной игры за определенную плату). Так, например, еще более далек от реальных ситуаций эксперимент, в котором дикторам предлагают читать текст одновременно с носителем другого диалекта английского языка, сидящим напротив, за тем же столом [15]. При этом автор работы ставит две основные цели: во-первых, сравнить ритмические характеристики американского и индийского вариантов английского языка, которые принято относить к тактосчитающей и слогосчитающей группам соответственно, а во-вторых, выяснить, возникает ли конвергенция во время взаимодействия между носителями двух вариантов языка, и если да, то какой характер она носит. Для проведения эксперимента использовались записи с одиночным и совместным чтением текста.

Автор исследования выдвигает следующие гипотезы: в американском варианте ударные слоги в стопах, содержащих один слог, должны быть длиннее, чем содержащих несколько, а в индийском варианте такого отличия быть не должно. Что касается длительности стопы, то в американском варианте она не зависит от количества слогов, в то время как в индийском варианте – зависит от него напрямую. Конвергенция (или дивергенция) устанавливается посредством сравнения двух вариантов прочтения текста – одиночного и синхронного.

В результате было выявлено: в американском варианте ударные слоги длиннее в стопах, состоящих из одного слога. Кроме того, они длиннее в синхронном варианте прочтения текста, но при этом

отмечается общее замедление темпа речи. В индийском варианте ударные слоги также длиннее в односложных стопах. Речь одного из индийцев демонстрирует взаимосвязь ситуации говорения и количества слогов в стопе – во время синхронного чтения ударный слог сокращается сильнее, чем при одиночном чтении. Таким образом, конвергенция возникает лишь в случае с одним информантом, т. е. его речь становится более тактосчитающей во время взаимодействия с американцем.

Для американского варианта английского языка в эксперименте было характерно увеличение длительности стопы при увеличении количества слогов в ней. Длительность стопы увеличивается также во время синхронного прочтения текста по сравнению с одиночным прочтением. Таким образом, во время взаимодействия носителей американского и индийского вариантов, в американском варианте можно наблюдать явления, более характерные для языка со слогосчитающим строем, что говорит об определенной степени конвергенции между двумя вариантами языка. В индийском варианте английского языка многосложные стопы длиннее односложных. Для одного информанта характерно увеличение длительности стоп в условиях одиночного чтения.

Темп речи в американском варианте был намного медленнее в условиях синхронного чтения по сравнению с одиночным. Эта разница была исследована в каждой паре информантов, в результате чего установлено, что темп речи носителей американского варианта приближался к темпу речи носителей индийского варианта, т. е. явление конвергенции проявилось и при исследовании темпа речи. Относительно ритмической конвергенции автор отмечает, что в речи американских информантов во время взаимодействия с носителями индийского варианта проявлялись некоторые свойства, характерные для слогосчитающей модели языка, а именно, длительность стопы стала более зависимой от количества слогов в ней. Обратная ситуация характерна для индийского варианта. Таким образом, можно предположить, что частичная конвергенция возникла в результате взаимной настройки говорящих друг на друга. Необходимо также обратить внимание на тот факт, что информант-носитель индийского варианта, в речи которого обнаружена наиболее явная ритмическая конвергенция, долгое время проживал в США, т. е. мог привыкнуть к ритмическим характеристикам американского варианта [15].

В реальной речевой практике людей каждая ситуация демонстрирует наложение целого ряда факторов, влияющих как на идентичность говорящего, так и на степень его конвергенции / дивергенции по отношению к собеседнику. Так, например, анализ темпа и ритма двух интервью известного американского телеведущего Дэвида Леттермана в его вечернем телешоу на CBS, где его «гостями» был президент США (Барак Обама), а затем первая леди (Мишель Обама), показал, как социальный статус и личность собеседника влияют на речь ведущего. Согласуя свой темп с речью президента (5,5 сл/сек), ведущий ускоряет свой до 4,8 сл/сек, но в разговоре с первой леди (4,4 сл/сек) замедляет его до 4,1 сл/сек.

Данные по ритмической настройке еще выразительнее, но дивергенция в первом случае столь очевидна, что нуждается в особом комментарии. По данным Грабе и Лоу [10], которые сопоставили ритм 18 языков по методу PVI (индекс парной вариативности соседних слогов), индекс вариативности гласных nPVI для английского языка составляет 57,2, на фоне которого показатель президента – 63 представляется гиперакцентным, а показатель первой леди – 59 ближе к норме. Ведущий, увеличив темп в первом интервью, снижает индекс гласных до 50, как в слоговом китайском языке. Во втором интервью, однако, он чувствует себя спокойней и выравнивает nPVI(v) до 60. В отношении индекса согласных rPVI(c) речь президента напоминает слогосчитающий французский язык – 51, в то время как первая леди ближе к английскому, но «перекрывает» этот показатель – 77. Ведущий в первом интервью по индексу согласного ближе к норме английского языка – 69, а во втором диалоге – к мужскому варианту – 55. Эти колебания очевидны.

Что касается этнической идентичности в ритме, то работа Томаса и Картера [24] показала, как ритм городского населения афроамериканцев в штате Северная Каролина изменился за последние два века от слога- к тактосчитающему, несколько превысив показатели евроамериканцев (55,15 vs. 53,04), т.е. стал гиперакцентным по сравнению с ними, в то время как испаноговорящие билингвы сохранили слогосчитающий характер даже в английском языке (42,64). В Новой Зеландии, напротив, английский язык переселенцев в некоторой степени приобрел признаки слогосчитающего ритма, как в языке маори, что особенно характерно для молодых людей [23]. Следовательно,

с течением времени языковые контакты приводят к конвергенции больших слоев населения, оказывая воздействие на такую исконно присущую характеристику языка как ритм.

В художественных фильмах

С интересом воспринимая результаты компьютерных измерений в ходе лабораторного эксперимента, мы вынуждены отметить, что жесткие его рамки загоняют собеседников в неестественные для реальной коммуникации условия. Нам кажется, что валидность таких измерений необходимо проверять на большом корпусе живой речи. Кроме того, во всех описанных выше экспериментах изучалась фонетическая адаптация собеседников, происходящая автоматически и в подавляющем большинстве случаев спонтанно. Однако настройка на собеседника осуществляется и осознанно, на уровне разработки стратегии высказывания, где учитываются различные аспекты коммуникативного акта. При выработке общей стратегии поведения в конкретном акте общения принимаются во внимание социальные факторы: степень близости между собеседниками (родственники, друзья, коллеги по работе и т. п.) и различие в социальном положении. Такая настройка на партнера является универсальным правилом, обязательным к соблюдению всеми, кто стремится добиться поставленной цели, сохранив собственное лицо и лицо адресата, т. е. оставаясь вежливым.

На уровне тактики ведения беседы в интонационном оформлении высказывания находят отражение совпадение или несовпадение точек зрения коммуникантов на тему разговора (диалог-унисон или диалог-конфликт), ожидание определенного типа реакции от собеседника, желание или нежелание передать ему слово, предположение о содержании общего информационного поля. Адаптация на этом уровне осуществляется за счет воспроизведения мелодических моделей интонационных групп, употребляемых собеседником, использования определенных тональных конфигураций и т. д. В рамках данной статьи хотелось бы обратиться к результатам наблюдений за поведением такой единицы как «терминация», играющей значительную роль в стратегической и тактической интонационной подстройке под собеседника.

Коммуникативная значимость этой единицы была описана Д. Брэйзилом в его основополагающем труде [4]. Ее формальная сторона определяется как уровень начала ядерного тона, а содержательная – как

ожидание определенного типа реакции со стороны собеседника. Высокая терминация предполагает ожидание активной (вербальной или невербальной) реакции адресата, средняя – сигнал к пассивному согласию. Низкая терминация требует завершения тематического блока или разговора в целом.

С точки зрения теории вежливости предложение пассивного согласия или завершения разговора означает увеличение степени импозиции, т. е. усиливает степень риска «потери лица» собеседником. Отсюда вывод: чем ниже социальный и возрастной статус говорящего, тем в меньшей степени он может использовать низкую и среднюю терминации. Это предположение подтверждено, в частности, результатами аудиторского и функционального анализа текста художественного фильма «Запах женщины», статистические данные по использованию терминации нисходящих тонов в котором приведены в таблице ниже.

Таблица наглядно демонстрирует зависимость вида терминации от социального и возрастного статуса говорящего: первые три фигуранта, занимающие более высокое общественное положение, отличаются преобладанием низкой и средней терминации. Промежуточную позицию занимает Карен, достаточно дружелюбная и вежливая по отношению к Чарли, но, будучи старше его, на момент общения являющаяся еще и его работодателем. Сам Чарли ограничивает свой уровень тональный репертуар преобладанием высокой терминации, тем самым адаптируясь к социальным характеристикам собеседников.

Таблица

Процентное содержание различных видов терминации нисходящих тонов в коммуникативном типе утверждения у основных персонажей фильма

Персонаж	Терминация		
	Низкая	Средняя	Высокая
М-с Хансекер (глава Дисциплинарной комиссии, 60+)	78	11	11
Траск (глава колледжа, 50+)	51	28	21
Слейд (полковник в отставке, 60+)	55	24	21
Карен (племянница Слейда, 30+)	41	32	27
Чарли Симмс (студент, 18)	20	29	51

Подстройка терминации наблюдается и в диалоге между собеседниками, близкими по дистанции и статусу. Так, своеобразный социальный и эмоциональный унисон подчеркивается употреблением высокой терминации в одном из эпизодов фильма «Ноттинг Хилл»:

Honey: 'Since it's an 'evening of an 'nouncements ... I've 'also \got one, Ahm... I've de'cided to ,get en'gaged. I've 'found myself a 'nice,} 'slightly 'odd-looking \bloke }'who I 'know is ,going to ,make me 'happy for the 'rest of my 'life.

William: \Wait a 'minute. 'I'm your 'brother} and I ,don't know ,anything a'bout this.

Max: ,Is he fi'nancially 'viable?

Honey: He's an 'artist,} with 'brilliant 'prospects. (*As she sits down, Honey leans towards Spike and whispers.*) 'By the 'way – it's 'you.

Spike: 'Me?

Реплики всех участников этого разговора характеризуются преобладанием высокой терминации в ядерном тоне (высокий нисходящий или высокий восходящий тоны). Хани и Уильям – брат и сестра, для которых Макс и Спайк являются близкими друзьями. Все они равны и по возрасту, и по положению. С коммуникативной точки зрения каждый из них апеллирует к собеседникам, ожидая немедленной реакции, содержание которой теоретически может оказаться любым. Однако, все надеются на проявление заинтересованности, активности собеседников (что соответствует высокой терминации), а не пассивного соучастия (средняя терминация) или ухода от темы (низкая терминация).

Идеальным случаем интересующей нас интонационной подстройки можно признать, очевидно, диалог-унисон; однако эта разновидность диалога встречается относительно редко. Но достаточно показательным можно считать и факт чередования терминации в тех типах диалога, где происходит противопоставление мнений говорящих. Вспомним хотя бы шутивное соревнование друзей за обладание последним пирожным, которое предназначается самому большому в компании неудачнику (фильм «Ноттинг Хилл»). В этом полилоге прослеживается чередование низкой терминации в репликах участников, уверенных в своем «преимуществе», с высокой терминацией не согласных с ними друзей. Можно предположить, что в приводимом ниже эпизоде Берни и Белла подстраиваются под серьезно-минорный настрой Макса: они не просто сами уверены в объективности своей

позиции и в невозможности найти в ней изъяны (употребление низкой терминации – низкого нисходящего и низкого восходящего тонов), но и ожидают согласия с ней и других участников беседы (средний нисходящий тон).

Хани и Белла бросают вызов: с их точки зрения, каждая из них имеет не меньше оснований претендовать на приз. Особенно ярко этот контраст мнений выражен в речи Хани, которая начинает и заканчивает свои реплики высокой терминацией, словно требуя от друзей ответа на вопрос «А что вы скажете на это?».

Max: 'Having you \here,} \Anna,} 'firmly e'establishes what I've \long su\spected,} that we 'really 'are the 'most \desperate \lot of 'under-a,\chievers. I'm 'not 'saying it's a 'bad \thing,} in \fact, }I 'think it's \something we should 'take \pride in. 'I'm ,going to ,give the 'last ,brownie} as a \prize,} to the 'saddest \act here.

Bernie: \Well, } \obviously,} it's \me, \isn't it – I 'work in the \City} in a \job I ,don't under,stand} and 'everyone 'keeps 'getting pro\moted a ,bove me. I 'haven't had a \girlfriend since ... \puberty,} → and,} \nobody ,fancies me,} and ,if these \cheeks get any ,chubbier,} they \never \will.

Honey: And I \don't have \hair – I've 'got \feathers, and I've got 'funny 'goggly \eyes,} and I'm at'tracted to 'cruel \men and ... no \one'll ever \marry me ...

Max: You \see – in \credibly \sad.

Bella: On the \other ,hand,} her 'best friend is \Anna \Scott. ~And \most of her \limbs work. Where,as 'I'm 'stuck in this ,thing} 'day and ,night} in a \house full of \ramps. And to 'add \insult to \serious ,injury – I've 'totally 'given up \smoking, } my \favourite ,thing,} → and} ... the \truth is... 'we 'can't have a \baby.

Характерно, что в реплике Беллы начальная фраза, содержащая противопоставление мнению Хани, произнесена с высоким нисходящим тоном, а последующие интонационно адаптированы под речь Берни и Макса, продолжая линию ориентирования на пассивное согласие собеседников.

В эпизоде с воришкой в книжном магазине Уильяма воспроизведение заданной хозяином спокойной мелодической модели [высокая шкала (предшкала) + тон с низкой (средней) терминацией], сопровождаемое лексическим повтором, в ситуации конфликта между говорящими создает юмористический эффект. Если Уильям имеет право на использование средней и низкой терминации, по праву ожидая

пассивного согласия собеседника, то со стороны последнего предполагается сопротивление и вызов, интонационно выражаемые высокой терминацией. Несовпадение лексико-грамматического контекста, выражающего протест, и значения интонационной единицы средней терминации и делает эту ситуацию смешной – воришка словно подстраивается под ролевую доминанту Уильяма, на которую он не имеет права в сложившейся конфликтной ситуации.

William: Ex^hcuse me.

Thief: ^hYes.

William: 'Bad _hnews.

Thief: _hWhat?

William: We've →got a^h se^hcurity ,camera }in this ,bit of the _hshop.

Thief: ^hSo?

William: 'So, I 'saw you 'put that 'book down your _htrousers.

Thief: I 'haven't got a _hbook down my ,trousers.

William: _hRight – I ^htell you ,what – I'll ^hcall the po,lice – →and – 'what can I →say? If I'm _hwrong about the ,whole ,book-down-the-,trousers sce,nario,} I 'really a_hpologize.

Таким образом, есть основания утверждать, что одной из интонационных единиц, выполняющих функцию адаптации к собеседнику в процессе коммуникации, является терминация. С ее помощью говорящий получает возможность вести беседу с учетом возрастного и социального статуса собеседника, а также осуществлять подстройку под его отношение к теме разговора и эмоциональное состояние.

Выводы

Все предложенные читателю материалы, основанные на изучении специальной теоретической и экспериментально-фонетической литературы, включая ряд работ авторов статьи, раскрывают картину необыкновенно разнообразных типов вариативности произношения английского языка (географического, социального и ситуативного характера). На фоне этой вариативности из ее многообразных признаков и их сочетаний складывается речевой (звуковой) портрет личности, составляющий ее неповторимость, ее идентичность. Эта идентичность проявляется в общении с другими людьми той же или иной культуры; она модифицируется и приближается, как правило, по своим характеристикам к речи собеседника, если люди стремятся к согласию и пониманию.

Обзор результатов современных исследований в области речевой аккомодации показывает, как явление фонетической конвергенции, состоящее в полной или частичной согласованности частотных, темпоральных и динамических параметров речи собеседников, обеспечивает чувство согласия в общении и успех в решении совместной задачи. Эта согласованность трактуется как динамический процесс, развивающийся в ходе развертывания диалога. Результаты, достигнутые в рамках лабораторной фонологии, подкрепляются данными анализа ритма участников в реальных условиях интервью и перцептивного анализа мелодики дискурса в художественных фильмах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Г. С.* Социально обусловленная вариативность фонетических средств как фактор регуляции общения : автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 18 с.
2. *Фрейдина Е. Л.* «Социальная привлекательность» как фактор речевого общения // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – М. : Прометей, 2011. – С. 283–288. (Сборник научных трудов, вып. 10).
3. *Beebe L., Giles H.* Speech accommodation theories: a discussion in terms of second language acquisition // *International Language of the Sociology of Language*, 46. – 1984. – P. 5–32.
4. *Brazill D.* *The Communicative Value of Intonation in English.* – Birmingham : Birmingham University Press, 2014. – 224 p.
5. *Coulston R., Oviatt S., Darves C.* Amplitude convergence in children's conversational speech with animated personas // *Proceedings of ICSLP'02.* – 2002. – P. 2689–2692.
6. *Edmund J., Heldner M., Hirschberg J.* Pause and gap length in face-to-face interaction // *Proceedings of Interspeech.* – 2009. – P. 2779–2786.
7. *Giles H., Smith Ph.* Accommodation Theory: Optimal levels of Convergence // H. Giles, R. St. Clair (eds.). *Language and Social Psychology.* – Baltimore : Basil Blackwell, 1979. – P. 45–65.
8. *Giles H., Williams A.* Accommodating hypercorrection: a communication model // *Language & Communication.* – 1992. – Vol. 12, No 3(4). – P. 343–356.
9. *Giles H., Powesland P.* Accommodation Theory // N. Coupland & A. Jaworski (eds.). *Sociolinguistics: A Reader and Coursebook.* – London : MacMillan, 1997. – P. 232–239.
10. *Grabe E., Low E. L.* Duration Variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis // Gussenhoven C., Warner N. (eds.). *Papers in Laboratory Phonology 7.* – Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 515–546.
11. *Gravano A., Hirschberg J.* Turn-taking cues in task-oriented dialogue // *Computer Speech and Language.* – 2011. – Vol. 25 (3). – P. 601–634.

12. *Gregory S., Gallagher T.* Spectral analysis of candidates' nonverbal vocal communication predicting US presidential election outcomes // *Social Psychology Quarterly*. – 2002. – Vol. 65, No. 3. – P. 298–308.
13. *Gregory S., Webster S.* A nonverbal signal in voices of interview patterns effectively predicts communication accommodation and social status perceptions // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – Vol. 70, No. 6. – P. 1231–1240. – URL : Columbia.edu/~rmk7/HC/HC_Readings/Gregory
14. *Karpf A.* *The Human Voice: How this extraordinary instrument reveals essential clues about who we are.* – New York and London : Bloomsbury, 2006. – 401 p.
15. *Krivokapić J.* Rhythm and convergence between speakers of American and Indian English // *Laboratory Phonology* 4(1). – 2013. – P. 39–65.
16. *Levitan R., Gravano A., Hirschberg J.* Entrainment in speech preceding backchannels. – 2011. – URL : aclweb.org/anthology/p11-2020.
17. *Levitan R., Hirschberg J.* Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions. – 2011. – URL : cs.columbia.edu/nlp/papers/2011/p70791
18. *Nass C., Lee K. M.* Does computer-synthesized speech manifest personality? Experimental tests of recognition, similarity-attraction, and consistency-attraction // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. – Vol. 7, No 3. – 2001. – P. 171–181.
19. *Nenkova A., Gravano A., Hirschberg J.* High frequency word entrainment in spoken dialogue // *Proceedings of ACL-08: HLT, Short Papers (Companion Volume)*. – Columbus, Ohio : Association for Computational Linguistics, 2008. – P. 169–172.
20. *Pickering M., Garrod S.* Do people use language production to make predictions during comprehension // *TRENDS in Cognitive Science*. – 2007. – Vol. 11, No. 3. – P. 105–110. – URL : [psychology.Illinoisstate.edu.>...24...garrod2007](http://psychology.Illinoisstate.edu/>...24...garrod2007).
21. *Reitter D., Moore J.* Predicting success in dialogue // *Annual Meeting-Association for Computational Linguistics*. – Vol. 45, No 1. – 2007. – P. 808–815.
22. *Schegloff E.* Discourse as an interactional achievement: Some uses of “uh huh” that come between sentences // D. Tannen (ed.). *Analyzing Discourse: Text and Talk*. – Georgetown University Press, 1982. – P. 71–93.
23. *Szakay A.* Rhythm and Pitch as Markers of Ethnicity in New Zealand English // *Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science and Technology*. – Christchurch, New Zealand : Linguistic Department, the University of Canterbury, 2006 – P. 421–426.
24. *Thomas E., Carter P. M.* Prosodic Rhythm and African American English // *English World Wide*. – 2006. – Vol. 27(3). – P. 331–355.

УДК 81'34

И. И. Явиц

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета ГПН МГЛУ
e-mail: i1yavits@gmail.com

НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ БРИТАНЦЫ

Цель данной статьи – определить наиболее популярные среди британцев темы шуток, маркеры и механизмы создания юмористического эффекта. В статье приведен обзор теорий юмора. С позиций лингвистики проанализирован корпус из лучших текстов шуток фестиваля «Фриндж». Эти данные сравниваются с аудиозаписями живых выступлений. На примере электронно-акустического анализа показана значимость просодических факторов в изучении юмора.

Ключевые слова: стендап-комедия; юмор; смех; маркер; шутка; просодия.

I. I. Yavits

Post-graduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: i1yavits@gmail.com

WHAT DO THE BRITISH PEOPLE LAUGH AT?

The aim of this article is to show the most popular topics for jokes among British people, look at joke markers and joke mechanisms. An overview of humour theories is given. A corpus of the best jokes gathered at the Fringe Festival is analyzed with the help of linguistic theories. An electro acoustic analysis of one joke is given to illustrate the importance of prosody in humour.

Key words: stand up comedy; humour; laughter; marker; joke; prosody.

Психолог Род Мартин называл юмор и смех социальными феноменами, помогающими людям наладить коммуникацию [26, с. 114]. Однако идея «смешного» в разных культурах отличается, поэтому существует риск быть непонятым или даже добиться обратного эффекта – обидеть собеседника [25]. Чтобы воспринимать шутки британцев и уметь самому шутить, нужно изучить общие тенденции в юморе, в частности национальные особенности стендап-комедии в Великобритании.

Необходимость изучения смешного обуславливается возможностью преподавать основы понимания и построения юмористических высказываний для обучающихся английскому языку. В социофонетическом исследовании К. Эванс Дейвис «Как изучающие английский язык шутят с носителями» отмечается «беззащитность изучающих язык

в мире носителей» [22, с. 1]. Работа основывается на теории вербальной коммуникации Дж. Гамперца [22, с. 2], т. е. речь идет не просто об анекдоте, а о «совместной шутке» (joint joking), когда люди дополняют фразы друг друга, – неотъемлемый этап социализации в коллективе, что по мнению автора является одним из сложнейших форм коммуникации [22, с. 22]. В подтверждение приводится пример, когда иностранцы смеялись раньше, чем носители, т. е. не совсем попадали в такт шутки. В данном случае, смех является своего рода защитным механизмом. Если шутка не понятна иностранцу, он, скорее всего, будет смеяться вместе с группой, чтобы это скрыть. Автор отмечает и фонетические маркеры юмора, а также выражение лица, жесты и т. д.

Такая интонационная маркированность юмора противоречит *теории мультимодальности* С. Аттардо, который считает, что нет универсального «ироничного голоса», а юмор – всегда сложное комплексное явление [18, с. 5]. Теория С. Аттардо восходит к идеям Артура Кеслера, который первым ввел понятие «бисоциации» [23, с. 59]. Эту мысль развил в семантическую теорию скриптов Виктор Раскин [24, с. 11]. Основная идея В. Раскина заключается в том, что текст может считаться шуткой, если верны два утверждения: ему соответствуют полностью или частично два скрипта, эти скрипты противостоят друг другу [24, с. 99]. Минусом теории было то, что модели В. Раскина не распространяются на другие виды юмора, например, невербальный. Кроме того, Вилибанд Рух опроверг некоторые постулаты этой теории с помощью экспериментов [27, с. 98]. Семантическая теория скриптов переработана С. Аттардо в «Общую теорию вербального юмора», впоследствии дополненную его идеями о мультимодальности юмора, а также важности экстралингвистических факторов [17, с. 222].

Теории превосходства (Платон, Аристотель, Томас Гоббс) говорят о возвышении или принижении говорящего перед зрителями. К. Лоренц сравнивал смех с триумфальным возгласом, который направлен на не члена группы [9, с. 133]. С.С. Мельников, А.В. Дмитриев, А. А. Сычев и А. Адлер отмечают две цели использования смеха: демонстрация превосходства и компенсация [12, с. 216].

Основатель *теории разрядки* Г. Спенсер трактовал смех как мышечное возбуждение из-за напряжения нервной системы и освобождение от социальных норм [28, с. 2]. З. Фрейд высказывал похожие мысли: юмор – это механизм замены, когда свои скрытые импульсы преобразуются

в более социально приемлемые; это возможность открыто выразить свое «Я». К. Глинка попытался составить формулу шутки [8]:

$$\text{ЭЮ} = \text{ЛС} \times \text{С/Тр} + \text{ФН}$$

где **ЭЮ** – эффект юмора, **ЛС** – личная сопричастность, **С** – сложность задачи, **Тр** – время разрешения задач, **ФН** – фон настроения. Единственной проблемой данного уравнения является невозможность верифицировать его, поскольку «фон настроения» и «личную сопричастность» невозможно измерить.

С. З. Агранович и С. В. Березин выдвигают концепцию человека как существа двусмысленного. Разум животных серьезен, а человека бинарен, что объясняется функционально асимметричными полушариями и медиативными структурами головного мозга [1, с. 99].

А. Г. Козинцев, опровергнув лингвистические и психологические теории юмора, рассматривает юмор с культурологической, психологической и биологической точек зрения. Понятия «юмор» и «смех» связаны не как стимул и реакция, как может показаться на первый взгляд [6, с. 101]. Не все шутки вызывают смех, который, в свою очередь, может быть спровоцирован щекоткой, например. По мнению автора, юмор – «субъективная диалектика, игровое самоотрицание» [6, с. 230]. В определении смеха исследователь близок к И. Канту: «Смех – это аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [5].

А. Г. Козинцев, С. В. Березин и С. З. Агранович цитируют М. В. Бороденко, которая отметила, что комическое – это контр-знак, средство деформации существующего знака. Социальная норма – наиболее частый объект осмеяния [2, с. 28].

Идеи контр-знака и субъективности юмора объясняют все его формы, однако пока не дают ответы на некоторые более практические вопросы. Например, почему одни люди умеют рассказывать анекдоты, а другие – нет? Для комиков это ключевой вопрос. Согласно опросу, проведенному на Эдинбургском фестивале «Фриндж», большая часть комиков сказали, что интонация важнее лексического содержания шуток, так как задача юмориста – создать правдоподобный смешной образ. Если несмешную шутку могут простить, то фальшивый образ обрекает на провал [17]. Для ответа на наш вопрос нужно уделить внимание просодическим маркерам презентации шуток. Просодия юмора упоминается в работах С. Аттардо, но он, не найдя явных закономерностей, считает их несущественными.

Ю. П. Королева изучает просодические характеристики юмора и иронии на материале речи известного лингвиста Девида Кристала [7]. Ироническое высказывание оказывается интонационно маркированным: снижена громкость, увеличен темп, смена окраски голоса – имитируется чужой голос, резко расширен тональный диапазон [7, с. 47]. С. Н. Радостева отмечает, что понижение тона и ускоренный темп используются в шуточных замечаниях, произнесенных как будто «между прочим» [13, с. 217].

Трудно себе представить интонацию, которая была бы универсально смешной, но есть некие стандарты, о которых знают комики. Для них вопрос комического ритма или «timing» представляет огромную значимость. В статье А. Бромлей «Playing off the Beat: Joke Performance, or the Groove of Infectious Laughter» ритм сравнивается с джазом и описывается в музыкальных терминах [21]. Искусство комика – это умение едва заметно менять ритм, обманывая зрителей так, как это происходит иногда в музыке [21].

В таблице ниже представлены 60 шуток, которые были отображены из реальных стендап-выступлений и признаны лучшими на ежегодном голосовании зрителей на фестивале «Фриндж» в Эдинбурге за последние 6 лет [11]. На 2015 г. приходятся первые десять шуток, на 2014 г. – вторые десять и т. д.

Таблица

**Лучшие шутки Эдинбургского фестиваля
2009–2015 гг.**

Зачин шутки	Основная фраза	Механизм	Маркер	Тема
I just deleted all the German names off my phone.	It's Hans-free.	Фонетика	Я Имя собств.	Стереотип
Kim Kardashian is saddled with a huge arse...	but enough about Kanye West.	Фонетика	Имя собств.	ТВ
Surely every car is a people carrier?	–	Логика	Нет маркера	Быт
What's the difference between a 'hippo' and a 'Zippo'?	One is really heavy, the other is a little lighter.	Фонетика	Имя собств.	Название
If I could take just one thing to a desert island...	I probably wouldn't go.	Синтаксис	Я	Язык

Продолжение таблицы

Зачин шутки	Основная фраза	Механизм	Маркер	Тема
Jesus fed 5,000 people with two fishes and a loaf of bread. That's not a miracle.	That's tapas.	Логика	Имя собств.	Религия
Red sky at night. Shepherd's delight. Blue sky at night.	Day.	Фонетика	Нет маркера	Язык
The first time I met my wife, I knew she was a keeper.	She was wearing massive gloves.	Лексика	Я	Семья
Clowns divorce...	Custardy battle.	Фонетика	Нет маркера	Семья
They're always telling me to live my dreams.	But I don't want to be naked in an exam I haven't revised for.	Лексика	Я	Язык
I've decided to sell my Hoover...	well, it was just collecting dust.	Синтаксис	Я	Быт
I've written a joke about a fat badger...	but I couldn't fit it into my set.	Логика	Я	Комедия
Always leave them wanting more, my uncle used to say to me...	Which is why he lost his job in disaster relief.	Синтаксис	Я	Работа
I was given some Sudoku toilet paper. It didn't work...	You could only fill it in with number 1s and number 2s.	Лексика	Я Ты Имя собств.	Язык
I wanted to do a show about feminism...	But my husband wouldn't let me.	Логика	Я	Феминизм
Money can't buy you happiness? Well, check this out,	I bought myself a Happy Meal.	Лексика	Ты Я Имя собств.	Язык
Scotland had oil,	but it's running out thanks to all that deep frying.	Логика	Имя собств.	Стереотип Шотл.
I forgot my inflatable Michael Gove...	which is a shame 'cause halfway through he disappears up his own arsehole.	Логика	Имя собств. Я	ТВ
I've been married for 10 years,	I haven't made a decision for seven.	Логика	Я	Семья

Продолжение таблицы

Зачин шутки	Основная фраза	Механизм	Маркер	Тема
This show is about perception and perspective.	But it depends how you look at it.	Синтаксис	Ты	Комедия
I heard a rumour that Cadbury is bringing out an oriental chocolate bar...	Could be a Chinese Wispa.	Лексика	Я Имя собств.	Стереотип
I used to work in a shoe-recycling shop.	It was sole-destroying.	Фонетика	Я	Работа
I'm in a same-sex marriage...	the sex is always the same.	Лексика	Я	Семья
My friend told me he was going to a fancy dress party as an Italian island. I said to him:	"Don't be Sicily."	Фонетика	Я Имя собств.	Стереотип
I can give you the cause of anaphylactic shock in a nutshell.	–	Синтаксис	Я	Язык
The Pope is a lot like Doctor Who.	He never dies, just keeps being replaced by white men.	Логика	Имя собств.	Религия
You know you are fat when you hug a child	and it gets lost.	Логика	Ты	Внешность
The universe implodes...	No matter.	Синтаксис	Нет маркера	Язык
I was adopted at birth and have never met my mum	That makes it very difficult to enjoy any lap dance.	Логика	Я	Семья
The good thing about lending someone your time machine	is that you basically get it back immediately.	Логика	Ты	Фантастика
You know who really gives kids a bad name?	Posh and Becks.	Логика	Ты Имя собств.	ТВ
Last night me and my girlfriend watched three DVDs back to back.	Luckily I was the one facing the telly.	Лексика	Я	Семья
I was raised as an only child	which really annoyed my sister.	Синтаксис	Я	Семья

Продолжение таблицы

Зачин шутки	Основная фраза	Механизм	Маркер	Тема
You know you're working class	when your TV is bigger than your book case.	Логика	Ты	Рабочий класс
I'm good friends with 25 letters of the alphabet...	I don't know Y.	Фонетика	Я	Алфавит
I took part in the sun tanning Olympics –	I just got Bronze.	Лексика	Я Имя собств.	Олимпиада
Pornography is often frowned upon,	but that's only because I'm concentrating.	Синтаксис	Я	Порнография
I saw a documentary on how ships are kept together.	Riveting!	Лексика	Я	ТВ
I waited an hour for my starter so I complained:	"It's not rocket salad."	Лексика	Я	Ресторан
My mum's so pessimistic, that if there was an Olympics for... pessimism...	she wouldn't fancy her chances.	Логика	Я Имя собств.	Пессимизм
I needed a password eight characters long	so I picked Snow White and the Seven Dwarves.	Лексика	Я Имя собств.	Быт
Crime in multi-storey car parks.	That is wrong on so many different levels.	Лексика	Нет маркера	Быт
People say "I'm taking it one day at a time." You know what?	So is everybody. That's how time works.	Синтаксис	Я	Язык
Drive-Thru McDonalds was more expensive than I thought...	once you've hired the car...	Логика	Я Ты Имя собств.	Быт
I was playing chess with my friend and he said, "Let's make this interesting."	So we stopped playing chess.	Логика	Я	Шахматы
My mother told me, you don't have to put anything in your mouth you don't want to.	Then she made me eat broccoli, which felt like double standards.	Логика	Я	Семья
I was in a band which we called The Prevention,	because we hoped people would say we were better than The Cure.	Лексика	Я Имя собств.	Музыка

Окончание таблицы

Зачин шутки	Основная фраза	Механизм	Маркер	Тема
Someone asked me recently – what would I rather give up, food or sex. Neither!	I'm not falling for that one again, wife.	Логика	Я	Семья
I admire these phone hackers. I think they have a lot of patience.	I can't even be bothered to check my own voicemails.	Логика	Я	Быт
My friend died doing what he loved ...	Heroin.	Логика	Я	Наркотики
I've just been on a once-in-a-lifetime holiday.	I'll tell you what, never again.	Синтаксис	Я Ты	Отдых
I'm currently dating a couple of anorexics.	Two birds, one stone.	Синтаксис	Я	Внешность
I picked up a hitch hiker.	You've got to when you hit them.	Лексика	Я Ты	Происшествие
I bought one of those anti-bullying wristbands when they first came out. I say 'bought' ...	I actually stole it off a short, fat ginger kid.	Логика	Я	Внешность
As a kid I was made to walk the plank.	We couldn't afford a dog.	Логика	Я	Семья
Being an England supporter is like being the over-optimistic parents of the fat kid on sports day.	–	Логика	Имя собств.	Стереотип
What do you call a kid with no arms and an eyepatch?	Names.	Синтаксис	Ты	Внешность
Dave drowned. So at the funeral we got him a wreath in the shape of a lifebelt.	Well, it's what he would have wanted.	Синтаксис	Имя собств.	Смерть
For Vanessa Feltz, life is like a box of chocolates:	Empty.	Логика	Имя собств.	ТВ
Wooden spoons are great. You can either use them to prepare food. Or, if you can't be bothered with that,	just write a number on one and walk into a pub...	Логика	Ты	Быт

В данном случае показан пласт так называемых «коротких шуток» (one-liners). Естественно, музыкальный юмор, импровизация, комментарий зрителя, остроумный ответ и т.д. не вошли в список. Нужно также принимать во внимание, что этот перечень шуток – некое «зеркало» того, что британцы считают смешным или остроумным.

В таблице шутки специально разделены на две части – зачин (setup) и основную фразу (punchline). «Распад» шутки происходит сразу на нескольких уровнях: логическом – от не смешного к смешному; синтаксическом – конец предложения или части сложноподчиненного предложения; фонетическом – фраза, смысловая пауза, фраза.

Несмотря на то, что стендап-комедия считается более свободной формой выступления, наблюдается четкая организация мультимодального противопоставления двух идей, в результате которого первая исчезает или становится абсурдной.

Стендап – это чаще всего рассказ о своем мировосприятии. Поскольку эти шутки были выбраны из живых выступлений, многие из них несут отпечаток личности комика, который чаще всего говорит о своем опыте (Я). В 39 шутках из 60 звучит слово «я» или «мой». Это соответствует образу британцев как нации, любящей подшутить над собой. В 13 случаях имеется прямое обращение «ты» / «вы» (Ты). Имена собственные использованы в 20 шутках для эффективной экономии времени и создания яркого понятного образа.

Интересно, что механизм более половины шуток чисто языковой, лингвистический. Четко определить его в 25 шутках тяжело, они построены на обмане ожидания, абсурде, неверной логике, интересном умозаключении и т. д., поэтому в таблице вся эта область обозначена словом «Логика». В остальных 35 случаях можно четко выделить: лексическую (14 шуток), синтаксическую (13 шуток) и фонетическую (8 шуток) полисемию, или механизм создания комического эффекта. Фонетическая полисемия кажется представленной гораздо в меньшей степени (но это объясняется тем, что шутки были преподнесены в виде печатного текста), тем не менее она встречается достаточно часто. Это говорит о том, что «звуковая» организация шуток настолько сильна, что людям даже не нужно слышать их, а достаточно прочитать.

Тематику шуток сложно определить, руководствуясь теорией несоответствия, так как нужно выявить две темы, что не всегда возможно. Если посмотреть на основной объект шутки, который, по

Козинцеву [6] и И. Канту [5], превращается в ничто, то наиболее смешные темы:

- семья – 10 шуток;
- язык – 8 шуток;
- быт – 7 шуток;
- телевидение – 6 шуток;
- внешность – 4 шутки.

Для сравнения данных были изучены аудиозаписи выступлений других комиков того же фестиваля за два последних года. Было отобрано 60 новых шуток, вызвавших самый громкий и продолжительный смех. Оказалось: то, над чем смеются англичане, и то, что они считают смешным или «достойным» юмора, – абсолютно разные вещи. Во-первых, жесты и имитация чужой речи (32 шутки) оказались самыми продуктивными. Наиболее популярные темы – внешность (10 шуток), национальные стереотипы (10 шуток), секс (9 шуток). Таким образом, подтверждается мысль о том, что между юмором и смехом нет прямого соответствия.

Электронно-акустический анализ живых стендап-выступлений наглядно демонстрирует важность просодических показателей в шутке. Например, 37 пауз из 60 были дольше 0,6 сек. Согласно классификации пауз Брауна 1980 г., они не только заметны, но и воспринимаются как значимые [19]. 15 пауз были больше 1 сек, иногда гораздо дольше, чем сама ключевая фраза. Она создает то самое напряжение, вслед за которым идет разрядка.

На рисунке (с. 214) видна осциллограмма шутки, где предметом юмора является ритм самого высказывания. Пауза в 2 сек не просто смысловая, а ключевая; без нее шутка не вызвала бы смеха. О таких паузах идет речь, когда комики употребляют термин «timing», отличающий хорошего комика от плохого. С. Аггардо попытался опровергнуть значимость этого понятия, проведя эксперимент с чтением рассказа про инженера и лягушку. Однако полученные данные не представляют ценности, ведь шутки воспроизводили студенты, которые не имели представления о том, как их преподнести (по словам автора, делали ошибки в тексте) [19, с. 246]. Кроме того, история про инженера и лягушку покажется смешной лишь инженерам, а нам не известны ни те, кто слушал, ни те, кто говорил.

В этой статье были частично отражены результаты анализа шуток, собранных автором на фестивале «Фриндж». На рисунке наглядно видна роль паузы в юморе и необходимость изучения просодии юмора.

Таким образом, британцы, как и вообще все люди, могут смеяться над чем угодно. В то же время, сами они называют смешными шутки с четкой двусоставной смысловой, синтаксической и фонетической организацией. Эта модель является идеализированным стандартом смешного. Она не обязательна, но желательна. Использование местоимений «я», «мой» говорит о личностной привязанности юмора. Иными словами, когда зритель считает, что человек шутит, и принимает его идею, то смеется, стараясь выполнить свою часть коммуникации.

По мнению британцев самыми смешными темами являются: семья, язык, быт, телевидение, внешность. Но анализ живых выступлений показал, что на самом деле темы, над которыми смеются британцы: внешность, национальность, секс.

Паузы и ритм играют ключевую роль в юмористической «игре» со зрителем. Чтобы стало понятно, что человек шутит, шутку нужно выразить фонетически: сделать паузу перед ключевой фразой и затем произнести с контрастным тоном или другим голосом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранович С. З., Березин С. В.* Homo amphibolos. Человек двусмысленный. Археология сознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.club/chapter.php/1019451/7/Berezin_-_Homo_amphibolos._Chelovek_dvusmyslennyy_Arheologiya_soznaniya.html
2. *Бороденко М. В.* Два лица Януса-смеха. – Ростов-н/Д : Феникс, 1995. – 86 с.
3. Демография Великобритании [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Demography_of_the_United_Kingdom.
4. Демография Ирландии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_the_Republic_of_Ireland
5. *Кант И.* Критика способности суждения. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.
6. *Козинцев А. Г.* Человек и смех. – СПб. : Алетейя, 2007. – 234 с.
7. *Королева Ю. П.* Роль просодии в реализации юмора и иронии в риторическом дискурсе (на материале британских академических публичных выступлений) // Фонетическая вариативность современной английской речи. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2007. – С. 45–53. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 523. Сер. Лингвистика.)
8. *Криштафович И. А.* Теория Юмора // Труды чайного клуба [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://e-lub.net/annuals/ht1.htm#23>
9. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло») : пер. с нем. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – 272 с.
10. Лучшие британские комики 2015 года. – URL : <http://www.ranker.com/list/best-british-and-irish-stand-up-comedians-2015/bigcraig>

11. Лучшие шутки Эдинбургского фестиваля [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/how-best-jokes-2015-edinburgh-6316899>
12. Мельников С. С. Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии. – № 1. – Казань : Информ.-аналит. центр «Эксперт», 2015. – С. 213–217.
13. Радостева С. Н. Просодические средства выражения юмора в английском языке // Фонетика: проблемы и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 214–221. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 687. Сер. Языкознание).
14. Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. – М. : Высшая школа, 1990. – 142 с.
15. Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.
16. Шевченко Т. И. Социальный контекст и вариативность английского произношения // Фонетика сегодня: проблемы и решения. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 241–254. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 712. Сер. Языкознание и Литературоведение).
17. Явиц И. И. Национальная идентичность юмора (на материале интонации юмористов из Ирландии, Шотландии и Англии) // Фонетико-фонологические аспекты дискурса. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 193–203. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 661. Сер. Языкознание).
18. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1997. – 426 p.
19. Attardo S., Pickering L. Timing in the performance of jokes // HUMOR : International Journal of Humor Research. – Vol. 24, Issue 2. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. – P. 233–250.
20. Attardo S., Pickering L., Baker A. A. Prosodic and multimodal markers of humor in conversation. Pragmatics and Cognition // Prosody and Humor. – № 55. – Amsterdam : John Benjamins, 2011. – P. 37–60.
21. Bromley A., Fesca M. Playing Off the Beat: Joke Performance, or the Groove of Infectious Laughter. – URL : <http://earwaveevent.org/article/playing-off-the-beat-joke-performance-or-the-groove-of-infectious-laughter/>
22. Evans D. C. How English-learners joke with native speakers: an interactional sociolinguistic perspective on humor as collaborative discourse across cultures Department of English. – Alabama : University of Alabama, 2001. – P. 1–25
23. Koestler A. The Act of Creation. – London : Penguin Books, 1990. – 752 p.
24. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. – Berlin : Springer Science and Media, 1984. – 284 p.
25. Reiman A. Intercultural Communication and the Essence of Humor // Journal of International Studies. – № 29. – Tokio : Jairo, 2010. – P. 23–34.

26. *Rod A. M.* The Psychology of Humor: An Integrative Approach. – London : Academic Press, 2006. – 464 p.
27. *Ruch W., Attardo S., Raskin V.* Toward an empirical verification of the General Theory of Verbal Humor//HUMOR: International Journal of Humor Research. – Vol. 6. – № 2. – Berlin : Walter de Gruyter, 2009. – P. 123–136.
28. *Spencer H.* The physiology of laughter. Illustrations of universal progress: A series of discussions. – New York : D Appleton & Company, 1875. – P. 194–209.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 1 (740)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Редактор Н. М. Тимакова

Компьютерная верстка Ю. Л. Герасимова

Дизайн обложки А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 13.04.2016 г.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 13,8

Заказ № 1380

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38

Тел.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru